

АЛЕКСАНДР ГЕРЗОН

ОДНОАКТНЫЕ ПЬЕСЫ

ОСЕННИЙ ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ СВИДАНИЕ ДВЕ ЖЕНЩИНЫ И ПОПУГАЙ
ЛЮБОВНИЦА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ СВАТОВСТВО
ПРИЗНАНИЕ В ИЮНЕ ЕГО ЛЮБОВЬ ДОПРОС КОМБРИГА
ЛЮБЯЩИЕ ЖЕНЩИНЫ И МУДРЕЦ МАЙОР И ЛИДИЯ МЕСТЬ РОГОНОСЦА
СПОР С ДОЛГОЖИТЕЛЕМ «СТРАШИЛИЩЕ» Я УХОЖУ ...

2013

ОСЕННИЙ ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ

ОДНОАКТНАЯ ПЬЕСА

Третье издание

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Федор Дмитриевич Ивлев - слесарь инструментального цеха большого завода, около 40 лет

Мария Максимовна - его жена, того же возраста, начальник планового отдела завода

Елена их дочь, ученица десятого класса школы

Ирина Малахова - соседка Ивлевых, технолог инструментального цеха того же завода

Комната в однокомнатной квартире Ивлевых.

Сзади - двери кухни, туалета и кладовой.

Справа - окно, полузакрытое мрачноватым занавесом, и дверь на балкон.

Слева - входная дверь, сервант (в его нише - телевизор) и узкий шкаф.

В центре - стол и три стула.

На переднем плане справа - полутораспальная кровать. На ней в одежде лежит Федор, читает газету. Рядом с кроватью - еще один узкий шкаф.

Стены обиты темноватыми обоями.

Входит Мария.

МАРИЯ. Лежишь? (Пауза). А кто вынесет мусор? (Пауза). Ты что, уснул? Господи, у всех мужья как мужья, а у меня ...

ФЕДОР. Вынесу. Дочитаю - и вынесу.

МАРИЯ. Два дня жду. Ведро еще вчера было полным-полно. Может быть, мне обратиться к соседу за помощью?

ФЕДОР. Кончай эти подковырки. Дочитаю - и ...

МАРИЯ. Ты пришел раньше. Мог бы и мусор вынести, и ужин приготовить! (Выхватывает газету). Не выводи меня из себя! Трутень!

ФЕДОР. Я?! Я вкалываю, как папа Карло!

МАРИЯ. А здесь ты квартирант! Вот ты кто!

ФЕДОР. Пошла-поехала! Я наизусть выучил твою злую речь за двадцать лет! Сидишь в своем плановом отделе на троне, а я у верстака целый день ... Поставить бы тебя на мое место, знала бы, почем сотня гребешки!

МАРИЯ. Я поставила тебя к верстаку? Мы в один класс ходили! Ты ... пэтэушником стал, а твои приятели - кандидатами, докторами наук. Может быть, и академиками станут!

- ФЕДОР. Лучше быть таким слесарем, как я, чем липовым академиком. Или профессором ...
- МАРИЯ. Ты ведь не видел живого профессора. А уж академика ...
- ФЕДОР. Может, и видел. Не написано же на лбу. На улице, на пляже - не отличишь. А уж в бане ... Разве что по пузу.
- МАРИЯ. У самого жирок завязался на животе! Потому что полеживаешь, почитываешь, а профессора, к твоему сведению, очень даже стройные бывают в твоём возрасте.
- ФЕДОР. Ты на работу ходишь мимо районной доски почёта? Чья фотография там? Чья?
- МАРИЯ. Хвастун несчастный! Знали бы на заводе, какой ты дома, не попал бы на эту доску.
- ФЕДОР. А ты беги, расскажи, какой такой я дома.
- МАРИЯ. Вынеси мусор!
- ФЕДОР. Не ори, королева планового отдела! Там - ты начальник, а здесь - я глава! Отдай газету!
- МАРИЯ. Вынесешь мусор - отдам.
- ФЕДОР. Вынесу. Только дочитаю. Пять минут ещё.
- МАРИЯ. Читай хоть до утра. (Отдает газету и снимает фартук). Я тоже не буду торопиться. Сегодняшний ужин могу приготовить завтра. Или - послезавтра. А пока - газету почитаю, в кино схожу. (Пауза). Расслаблюсь.
- ФЕДОР. В эту погоду хорошая хозяйка собаку на улицу не выгонит! Ладно. Просто я устал: конец месяца. Сама знаешь, план из нас выбивали.
- МАРИЯ. Знаю. И мы долго работали. Зато на ужин сегодня будет сюрприз!
- ФЕДОР. Что за сюрприз?
- МАРИЯ. Вот как ты сразу ожил?! Пока это секрет.

Уходит на кухню. Федор откладывает газету, тоже идет на кухню. Появляется с мусорным ведром и выходит. Звенит телефон. Вбегают Мария, хватая трубку.

- МАРИЯ. Слушаю. Да, квартира Ивлевых. Где Алена? Как - где? В школе! Что?! Уже два дня не была на уроках? Этого не может быть! Она все время уходит из дому вовремя. К ней никто не приходит! Муж тоже не сможет, он сейчас поздно приходит домой. (Появляется не замеченный женой Федор) В последнее время не проверяли ее оценки. Решили, что она уже достаточно взрослая ... Да-да, меры примем немедленно!
- ФЕДОР. Что случилось?
- МАРИЯ. Поставь ведро на место. (Федор уходит). Сказать ему? Побьет еще Алёну, а у нее такой возраст ... И не сказать нельзя: неизвестно, что она еще может натворить ... (Входит Федор). Понимаешь, Феденька ... Только ты спокойнее ... Оказывается, наша Алёна два дня уже не ходит в школу ...
- ФЕДОР. Почему?
- МАРИЯ. Поссорилась с преподавателем английского языка.

ФЕДОР. Как это " поссорилась с преподавателем " ?
МАРИЯ. Понимаешь, та ей ставила двойки ...
ФЕДОР. Значит, не учила Аленка наша!
МАРИЯ. Но язык нужен! Если она в науку пойдет ...
ФЕДОР. Замуж она пойдет. Да-да.
МАРИЯ. По примеру отца ...
ФЕДОР. А вот на преподавателя подниматься - это твой пример.
МАРИЯ. Уж не я ли учила ее пропускать занятия?
ФЕДОР. Надо нам дружно взяться за нее!
МАРИЯ. Верно. Я же училась на одни пятерки! Ты до четвертого класса тоже был отличником!
ФЕДОР. А кто матери моей помогал?! Я с шести лет первым ее помощником в хозяйстве был, маленьких нянчить помогал ...
МАРИЯ. До восьмого класса ...
ФЕДОР. Ты мне не напоминай ... Что было, то было. Все из-за отца. Из-за алкаша этого. У тебя папаша был доцент, мама - училка, Машенька свою комнату имела. " Ах, тише, девочка готовит уроки! Пытается два умножить на два, как бы от натуги головка не лопнула! "
МАРИЯ. Да, мои родители стремились создать все условия для моих успешных занятий. А ты? Мы живем в малометражной клетушке! Дочь спит рядом с нами! Люди из твоего цеха получили квартиры, а ты любишься портретом на доске почета! Если бы не я, мы ютились бы в сарае по названию барак!
ФЕДОР. Замолчи!
МАРИЯ. Какой ты храбрый! А там, там рот открыть боишься! Боишься подойти к начальству с законным требованием! (Плачет). Почему я такая несчастная?
ФЕДОР. Ну! Перестань. К новому году сдадут кооператив, у нас у каждого будет комната.
МАРИЯ. В кабалу на годы залезем. А люди получили государственные. Если бы я вышла за Анатолия ... Или за Виктора ... Или за Геннадия ... А если бы за Николая ...
ФЕДОР. Что ж не вышла за них?
МАРИЯ. Ты, зануда, прилип, как банный лист ... Всех моих ухажеров разогнал ...
ФЕДОР. Врешь, если б ты сама не хотела ... Если бы кто другой любил тебя, как я ...
МАРИЯ. Да ты умеешь ли любить-то? Знаешь ли ты, что это такое? (Входит Алена). А-а, появилась, наконец. Здравствуй, дорогая!
АЛЕНА. Пламенный приветик!
ФЕДОР. Тут тебе – из школы пламенный приветик!
АЛЕНА. Наябедничали уже вам?
МАРИЯ. Пригласили на беседу ... Но нам бы хотелось сначала побеседовать с тобой.
АЛЕНА. Поздно, мамочка.
МАРИЯ. Как это понять?
АЛЕНА. В прямом смысле: вы с папой опоздали.

МАРИЯ. Но мы же твои родители ...

АЛЕНА. Я от вас не отказываюсь. Вы действительно породили и выкормили меня.

ФЕДОР. Опять тебя заносит?! Намазала губы и думаешь, что взрослая?

АЛЕНА. Ну зачем же так примитивно, папа?

ФЕДОР. Почему ты нагрубила англичанке в школе?

АЛЕНА. Мы обменялись любезностями. Причем на чистом русском языке. Но сила, а вместе с ней - и правда, оказалась на ее стороне.

МАРИЯ. Алена, мне кажется, дело не только в этой ссоре с преподавателем

...

АЛЕНА. А в чем же, по-твоему?

МАРИЯ. С тобой происходит что-то ... Что-то не понятное для нас с отцом ...

АЛЕНА. Разговор серьезный. Разрешите присесть? (Садится). Мне казалось, что вас, дорогие мои, больше волнует затянувшееся выяснение собственных взаимоотношений, чем приключения дочери. А я, наконец, полюбила. Все, что было до того - ошибки ...

ФЕДОР. Ну, и причем же тут англичанка?

АЛЕНА. Ты прав, патриарх, она действительно ни при чем. Но ей показалось обратное. Она позволила себе на уроке высказаться обо мне, и пришлось разъяснить бедняжке ...

ФЕДОР. Такое бывает. А почему учиться стала хуже? И почему два дня не была в школе? Объясни старым дуракам.

АЛЕНА. Папа, я же сказала: я люблю! И это сегодня - главное! Я счастлива! Если ты и сам когда-нибудь любил по-настоящему, возможно, даже - маму, то поймешь меня.

МАРИЯ. Алена, ты с ума сошла! Тебе надо окончить школу, поступить в институт, получить высшее образование ...

АЛЕНА. Защитить диссертацию! Потом - еще что-нибудь ... Нет, мамочка, не уговоришь: я не сошла с ума, я поняла правду жизни!

ФЕДОР. Как же! Вот-вот из школы выгонят!

АЛЕНА. Еще только первая четверть. Я все поправлю. Отличницей стану, он мне поможет.

МАРИЯ. Кто - " он " ?

АЛЕНА. Самый славный. Самый лучший. И он меня тоже любит.

МАРИЯ. Все-таки скажи. Ведь мы тебе не чужие.

АЛЕНА. Ты хочешь познакомиться? Я сей- час же приведу его!

ФЕДОР. Не спеши, сначала расскажи нам, а потом приведешь его.

АЛЕНА. Он же под дождем, он замерз.

МАРИЯ. Я уверена, он спрятался в подъезде.

АЛЕНА. Да нет же, он ждет, когда я дам сигнал с балкона.

ФЕДОР. Сигнал? А-а ... Заходи, мол, друг сердечный, сядем вдвоем на шею моим родителям! Будем грубить учителям и любить друг друга! А эти старые дураки, *мои предки*, будут нас кормить!

АЛЕНА. Испугался, папочка? Нет, мы сами прокормимся! А знакомить его с вами, пожалуй, не стоит. Я ведь хотела попрощаться ... И вас познакомить с ним. Перед отъездом. Но вижу, вы не готовы к этому!

МАРИЯ. Тебе нужно окончить школу! Школу!

АЛЕНА. Там окончу. Школу рабочей молодежи.

ФЕДОР. А кто тебя кормить будет? Он, что ли?

АЛЕНА. Вместе будем работать и учиться после работы. Так что вы свободны. (Встает). Вот только вещички соберу ...

ФЕДОР. Никаких вещичек! Никуда я тебя не пущу!

АЛЕНА. Вот даже как?! Можно и без вещей. С милым рай и в шалаше. Верно?

МАРИЯ. Опомнись, Аленушка! Ну ... Пожалуйста, дружите ... Встречайтесь ... Зачем куда-то ехать? Пусть он войдет ... Поговорим ...

АЛЕНА. Нет, мама. Я устала от вас, а вы - от меня. И у него дома - то же. Лучше мы с ним уедем.

ФЕДОР. Дура! Там вам будет ой как тяжело! А тут кооператив к празднику заселять будут. У тебя своя комната будет. Пусть он приходит к тебе ... Пусть ... пусть ... живет у нас ...

АЛЕНА. Поздно, папа. Не будет нам хорошо у вас.

ФЕДОР. Тебе всего шестнадцать лет.

АЛЕНА. Да. И у меня есть паспорт. Для прописки.

МАРИЯ. Опомнись, Аленушка! Почему так вдруг?

АЛЕНА. Вдруг?! Нет, мамочка! Просто вы с отцом никогда не хотели знать, чем я живу на самом деле. А когда ты, мамуля, полезла в мой дневник и читала сокровенные записи, то не потому, что душа болела обо мне.

МАРИЯ. Как ты можешь?! Я ночей не спала, когда ты была крошкой! Оберегала тебя, всегда старалась накормить повкуснее, одеть покрасивее ...

ФЕДОР. А я решал с тобой задачки, наглядные пособия для твоего класса делал, меня в школе тогда хвалили ...

МАРИЯ. Я научила тебя кроить, шить. Вязать. Я ...

ФЕДОР. Я тебя в садик водил, в первый класс. В цирк ... В шахматы учил играть ...

АЛЕНА. Спасибо. Но вы произвели меня на свет по вашему, а не моему желанию. И потому должны были ... Но вас не интересовал мой внутренний мир, моя личность.

ФЕДОР. Что ты заладила - " личность, личность ? " Поддержать бы тебя голодом денька три ...

АЛЕНА. Я не виновата в том, что ваша семейная жизнь не удалась!

МАРИЯ. И ты решила создать себе удачную?!

АЛЕНА. Вы меня утомили, и я не могу больше ...

ФЕДОР. А не наоборот? Вырастили кукушонка!

МАРИЯ. Федя!

АЛЕНА. Прощайте!

Алена убегает, плача. Мария пытается удержать ее, но не может - и тяжело опускается на стул.

МАРИЯ. Это ты, ты довел ее! Зверь! Неандерталец!

ФЕДОР. Догони, догони ее, заверни назад! Ты сама все старалась дома мой авторитет у дочери сломать. Вот и мой сломала, и свой заодно. Теперь *он* для нее и авторитет, и семья, и все на свете!

АЛЕНА. Кто бил ее по губам, если смела возражать?

ФЕДОР. Мало бил. Еще бы кое-кому надо было дать по губам!

На пороге стоит Ирина. Ивлевы не замечают ее.

МАРИЯ. Ты помнишь, как приходил навеселе и мешал ей готовить уроки своей дурацкой болтовней?! Как поучал ее друзей, которые из-за этого перестали к ней приходиться?

ФЕДОР. Ты забыла про себя: никогда не было у тебя времени потолковать с девчонкой про Анну Каренину, Джульетту с этим ... Ромео, про ...

ИРИНА. Здравствуйте. Я не вовремя, видно, стала тут на пороге ...

МАРИЯ. Ирина?! Здравствуй. Как ты вошла?

ИРИНА. Дверь была распахнута, я забеспокоилась - и вот ...

МАРИЯ. У нас тут ... Алену не встретила?

ИРИНА. Встретила. У подъезда. С симпатичным юношей. Он так заботливо держал над ней зонтик, а сам - мокрый-мокрый ...

МАРИЯ. Полюбуйся на этого Держиморду. Только что он выгнал из дому родную дочь!

ФЕДОР. Хватит! Надоело! В конце-то концов!

Федор встает с дивана, надевает плащ. Мария не пытается удержать его. Это делает Ирина.

ИРИНА. Не надо. Пожалуйста. Все наладится. Вот увидите. Что-то гарью запахло! У вас на кухне не горит ничего?

МАРИЯ. Завидую тебе, Ирина. Живешь одна. Никто тебе жизнь не отравляет. А был бы такой, как этот ...

ФЕДОР. Горит что-то на кухне! Горит!

МАРИЯ. Ой, это же сюрприз, будь он проклят! Сгорел, наверно!

Мария убегает на кухню. Федор снова садится на диван.

ИРИНА. Федя, я ведь проститься пришла.

ФЕДОР. В отпуск собралась?

ИРИНА. Уволилась я. Феденька, я уезжаю. Далеко.

ФЕДОР. Что на тебя накатило? Аленка наша подалась невесть куда сдуру. Но ты-то, ты ...

ИРИНА. Росли мы в одном дворе, учились в одном классе, работали в одном цехе семнадцать лет - и ничего ты не понял.

ФЕДОР. Я и сейчас не понимаю. Зачем тебе куда-то ехать? И нам такого технолога не найти, и тебе - такого коллектива. Худо тебе будет.

ИРИНА. Возможно. Но ехать надо. Личная причина.

ФЕДОР. А нельзя мне с твоим ... с твоей личной причиной потолковать, помочь тебе?

ИРИНА. Нет. Нельзя. Пусть причина здесь остается.

ФЕДОР. От себя, Ирунь, не убежишь.

ИРИНА. Я не от себя ... Я ... я от тебя, Федя, убегаю.

ФЕДОР. Это из-за втулки? Зря я, конечно, в пузырь полез из-за проклятого зазора! погоди! Ты же сама мне потом спасибо сказала ... Как же так? Конечно, я мог по-другому. Но я же тебя уважаю, ты знаешь. А эта втулка ...

ИРИНА. Господи, да причем тут втулка?! Я и забыла уже про нее.

ФЕДОР. Я и раньше замечал, что ты на меня как-то сердито поглядываешь, да некогда было подумать ...

ИРИНА. Что-о?! Серdito поглядывала? Федор, Федор, не то: люблю я тебя, Феденька. С той минуты, как сама себя помню. Каждую ночь снишься ты мне. А если днем подойдешь близко - голова кружится, как бы не упасть. Ах, Феденька, боль ты моя!

ФЕДОР. Ирина, ты что? Ты зачем? Ты не должна ...

ИРИНА. Все мне нравится: и как ты напильником орудуешь, и как на собрании горячишься, и как смеешься, и как хмуришься ... Чтоб в себя прийти, крикну: " Эй, слесарь, не запори деталь, поосторожней ! " - и убегу.

ФЕДОР. Да нет, ты не можешь ... Ты придумала все это! Я ... не хотел ... не догадался ... не знал!

ИРИНА. Да, ты не знал! И никто не знал. Когда ты с Машей начал встречаться, мне сразу надо было уехать куда-нибудь ... На что надеялась, дура?! Чего ждала?

ФЕДОР. А-а ... Я тебя всегда уважал больше всех, Ирунь! Я ... Я даже подойти к тебе боялся ... Правду говорю! Так жалко тебя ...

ИРИНА. Машу жалею: женщине всегда труд-ней, чем мужчине. Уступай ей, Федя. Боже мой, как я ей завидую! (Плачет). Прощай, Феденька, радость моя горькая!

ФЕДОР. Не плачь! Ирунька! Ты еще встретишь ...

ИРИНА. Сколько бы лет ни прошло, Федор Дмитриевич, я всегда готова помочь! Понадоблюсь если - только позови!

ФЕДОР. Спасибо. Я - тоже. Сегодня едешь?

ИРИНА. Сейчас. Чемоданчик - на вокзале. В камере хранения. А такси внизу ждет меня. Можно тебя на прощанье поцеловать?

ФЕДОР. Н-не знаю.

Ирина подходит к Федору, целует его. Из кухни появляется Мария с горелым тортом в руках.

МАРИЯ. Сгорел мой сюрприз! (Замечает Ирину, целующую Федора). Что это?! Ирина! Ах, ты, дрянь! Вон отсюда, змея!

ФЕДОР. Мария, остановись! Послушай, все не так ...

МАРИЯ. Замолчи, поганый кобель! Убирайся вон вместе с ней!

ИРИНА. Машенька, я объясню ...

МАРИЯ. Вон, гадина! Проститутка! (Ирина закрывает лицо руками, убегает.)
Вот почему у тебя не хватало времени заниматься дочерью?!
Вон! Следом за этой коброй!

ФЕДОР. У меня нет билета. (Подходит к окну). Вот и такси отъехало. Так что и на поезд не успею, если бы и был билет ...

МАРИЯ. Какой билет? Какое такси? Какой поезд?

ФЕДОР. Мария уезжает. Совсем. Навсегда. Такси ждало ее. Заехала проститься с нами.

МАРИЯ. Врешь!

ФЕДОР. Нет. Не вру. А ты обидела зря хорошего человека.

МАРИЯ. Другая морду набила бы! Ах, вот почему она все замуж не выходила ... Моего мужа хотела отбить! А ты-то, кобель! Многостаночник! Я думала, что ты святой!

- ФЕДОР. Святая - Ирина: всю жизнь меня любила, из-за этого и уехала ... Не хотела признаваться. Да вот не удержалась ...
- МАРИЯ. Ой, умру! Неотразимый Федор! Казанова! Вот как закукарекал! Догоняй ее, догоняй, если она тебя так любит!
- ФЕДОР. Но я-то, я-то тебя люблю. Тебя, а не ее!
- МАРИЯ. Ничего, пройдет!
- ФЕДОР. Маша, Машенька, зачем ты так?!
- МАРИЯ. Пусть она с тобой помучится!
- ФЕДОР. Помучится? Чем я хуже других, чем? Выпиваю только с получки и в меру, курю только на лестничной площадке ...
- МАРИЯ. Лопатки не болят? Крылья ангельские не прорезываются? Ступай к своей святой!
- ФЕДОР. Испортило тебя кресло. Как стала начальницей планового отдела, так и стал я плохой для тебя.
- МАРИЯ. Не во мне дело, а в тебе. Не меня вызволяли из вытрезвителя, не я курила в квартире, пока не вмешались медики, не я тебя избивала из ревности дурацкой!
- ФЕДОР. То давно было. И можно было бы забыть. Если бы ты любила меня ...
- МАРИЯ. А ты? Ты любил меня? Если бы любил, давно бы стал инженером, занял пост приличный, добился бы квартиры! Но даже и так ты ... ты ... Месяц уже прошу новый замок вставить в дверь, там работы на полчаса ...
- ФЕДОР. Вот-вот. Месяц я искал стамеску, которую ты засунула куда-то. А куда, сама забыла.
- МАРИЯ. Клади на место. Или сам убирай в квартире.
- ФЕДОР. Век быть бы тебе простым экономистом, если б главный инженер к тебе не клеился.
- МАРИЯ. Он же твой лучший друг, вы же в одном пэтэу учились! Ты же сам просил его продвигать меня, а теперь куда гнешь?! Лучше бы квартиру у дружка выпросил! (Пауза). А торт сгорел ... (Садится на диван). Славный торт получился бы ... Устала я. Заснуть бы ... Навсегда ...
- ФЕДОР. Машенька! (Бросается к ней). Машенька! Начнем все сначала! Я буду ... я все буду делать! Я ... Учиться пойду в институт! Полы буду мыть! Я ... Машенька! Мы еще сыночка родим! Я Аленушку верну! Вот увидишь!
- МАРИЯ. Как нежно он ее обнимал ...
- ФЕДОР. Кто? Кого?
- МАРИЯ. Да ты же! Ты! Ирину! Змею эту! Твою! Твою зазнобу подлую! Беги за ней!
- ФЕДОР. Ты хочешь, чтоб я ушел?
- МАРИЯ. Поторопись, поезд еще не ушел, я думаю.
- ФЕДОР. Поезд ... Давно ушел он ... Мой поезд ...

Федор уходит медленно. Будто он во сне. Пауза. Затем он возвращается. Подходит к жене.

МАРИЯ. Что? Чемодан забыл?

ФЕДОР. Не смогу я без тебя! (Пытается обнять Марию. она его отталкивает). Значит, так?
МАРИЯ. Да! Так!

Федор ходит по комнате молча, закуривает сигарету.

МАРИЯ. Не кури здесь, перебьешься!
ФЕДОР. До чего погода поганая ... Так, значит, Мария: кооператив записан на твое имя, первый взнос заплачен. Оставляю тебе все: квартиру, вещи, дачу с садом, машину и гараж. Пришел к тебе голым - ухожу таким же. Прощай, Мария.

Так и не бросив сигарету, Федор удаляется - медленнее, чем в первый раз. Звонок телефона. Мария берет трубку.

МАРИЯ. Слушаю. Алена, миленькая, не уезжай! Дай трубку ... товарищу! Здравствуйте! Вы понимаете, что делаете? Она же маменькина дочка ... Вы - тоже такой? Я подам на вас в суд! Что-о? Вы на месяц моложе? Не клянись, что она будет с вами счастлива! Передайте ей трубку! Алена, пожалей маму, останься! Живите у нас! Ну, пусть он хороший! Все они хорошие до поры ... Алло, алло! (Опускает трубку на рычаг. Подходит к окну). Никакого просвета в небе ... (Звонок телефона). Слушаю. Ивлева. Что-о-о?! Сбил грузовик? Как? Он переходил улицу на красный свет? Не слышал сигнал водителя? Он жив? Алло! Алло! (В динамике - звук отбоя). Федя ...

Сигналы отбоя все громче и громче. Шум дождя. Музыка.
Занавес.

Омск, 1975 - Рамат-ашарон, 2001.

СВИДАНИЕ

ОДНОАКТНАЯ ПЬЕСА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ФЕДОР - обвиняемый, 20 лет

ЛИДИЯ - мать Федора, 39 лет

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ – ПОМЕЩЕНИЕ ДЛЯ СВИДАНИЙ С ЗАКЛЮЧЕННЫМИ В ТЮРЬМЕ

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ – НАЧАЛО ХХ1 ВЕКА

На сцене – большой стол, два табурета по разные стороны стола. На одном из них сидит левым боком к зрителю Федор, опустив голову на руки. Видно, что волосы его острижены. Входит Лидия.

ЛИДИЯ. Здравствуй, сынок.

ФЕДОР (поднимая голову). Привет, маманя. Спасибо, что пришла. Как ты?

ЛИДИЯ. Не знаю, что и сказать, Феденька. Так я будто здорова, а душа, душа моя больна, сыночек. Больна душа моя. Из-за тебя больна моя душа, Феденька. Как ты мог человека зарезать? Как? Разве я тебя для этого родила и воспитывала? Для этого?

ФЕДОР. Не жалей. Одним поганым жидом меньше стало. Жалко, что других не успел замочить. Там, в их проклятой синагоге не меньше десятка было. Не знал я, что сторож ихний – русский человек, да еще и с пистолетом. Если б не он, подсевала жидовский, я бы не меньше пятерых добавил ...

ЛИДИЯ. Что ты говоришь, Феденька?! Да как ты можешь?! Отец Феодосий на проповедях совсем не тому нас учит. А благородству мыслей.

ФЕДОР (хохочет). Да это и есть благородство – жидов мочить. Ты что, не знаешь, что они Христа распяли? А еще – верующая, проповеди слушаешь!

ЛИДИЯ. Так ведь Христос и сам был ... из этих ... ну ... Дева Мария же...

ФЕДОР. Брось, ничего ты не понимаешь. Они, жида, всю Россию споили еще при царе! И сейчас все капиталы в России жида позахватывали, кровососы! А народ бедствует. Гитлер правильно распорядился: гнать их прочь. А они не уехали, остались – вот тогда и стал он их мочить! Да и Сталин под конец понял – и хотел от жидов советский народ избавить ...

ЛИДИЯ. Ну что ты, Федя? Люди ведь евреи, они ведь тоже - народ. У нас на заводе, даже в цеху нашем есть еврей-рабочие, еврей-мастера, есть еврей-технологи и конструктора ...

ФЕДОР. Да что ты заладила «еврей-рабочие», еврей прочие?! Ты посмотри в корень: все они – на Америку шпионят. Потому как там еврей правят. Нашу родину жида не любят, ругают ее всяко. Поняла?

ЛИДИЯ. Не знаю, кто там в Америке правит, да только там еще не было ни одного президента-еврея!

ФЕДОР. Ну и что? Знаешь ты, сколько там жидов около президента крутится, на ухо ему шепчут? Знаешь, какими они миллиардами баксов ворочают? Всякие там банкиры, хозяева заводов и фирм – все они жида. Даже в Нью-Йорке мэр города – жид! Вот ведь до чего дошло!

ЛИДИЯ. Если мэр толковый, то пусть он будет хоть обезьяной, лишь бы людям хорошо было с ним.

ФЕДОР. Все! Кончили! Принесла передачу?

ЛИДИЯ. Я там отдала, тебе передадут.

ФЕДОР. Как же! И половины не оставят. Ну ладно, спасибо. Ты вообще-то пришла проведать меня или жидов хвалить?

ЛИДИЯ. Хвалить евреев я не собираюсь, а тебе вот хочу правду открыть, сыночек. Хоть и горька та правда. Ты знаешь, кого ножом в живот пырнул?

ФЕДОР. Жида.

ЛИДИЯ. Так-то оно так, да не совсем. Отца своего ты пырнул ножом, Феденька!

- ФЕДОР. Ты что несешь, маманя? Свихнулась? Отец мой умер, когда мне еще и годика не было, сама рассказывала. И дядя из Иркутска помогал нам.
- ЛИДИЯ. Нет, сынок, это я тебе говорила, что отец твой умер. А он был жив. И он нам помогал, а не дядя. Нет у тебя никакого дяди. Тетка старая есть в Иркутске, так она ведь сама бедствует. А отец твой, Борис Наумович Шнайдер, в нашем городе живет ... жил. Пока ты ... пока ты его не пырнул. Отца ты порешил, Феденька.
- ФЕДОР. Не смей! Не может жид моим отцом быть. Зря выдумала эту басню.
- ЛИДИЯ. Сынок, не вру я. Я же тебя родила, грудью вскормила. Воспитывала.
- ФЕДОР. Улица меня воспитывала, а не ты. Это сейчас ты святой заделалась, потому как в отца Евпатория, видно, влюбилась, а раньше ...
- ЛИДИЯ. Отца Феодосия, а не Евпатория.
- ФЕДОР. И священник твой с нерусским именем. Не могли назвать Кириллом, Филиппом. Ну да ладно, не мое дело. Давай о тебе вспомним, как ты меня воспитывала. Как мужики в нашей квартире менялись. Как напивались до того, что под столом спали. Забыла? Как в вытрезвитель попадала, тоже не помнишь? Эх, маманя ... Гуляла ты не с умом, и веруешь ты не по-умному, да еще жидовской подпевалой заделалась.
- ЛИДИЯ. Борис – отец твой. Борис. Ты же на него похож, Феденька. Сам посмотри в зеркало да сравни себя с ним. И если бы мы не разошлись, был бы ты тоже евреем и звали бы тебя Фроим, как Борису хотелось. А не Федор.
- ФЕДОР. Врешь, маманька! Мой отец евреем не был. А почему разошлись-то?
- ЛИДИЯ. Я виновата. Я, дура, изменила Борису. Тебе еще годика не было, ты в кровати своей лежал, а ко мне пришел один дружок бывший, выпить принес ... ну и муж застучал меня с тем молодым парнем ...
- ФЕДОР. Не диво, ты, маманя, всегда была слаба на перед.
- ЛИДИЯ. Да как ты смеешь, Федор! Если хочешь знать всю правду, меня в двенадцать лет, девчоночку, изнасиловали. Я тебе никогда не говорила, а сегодня скажу. Потому как достал ты меня. Да, сынок. Вшестером меня насиловали парни с нашего двора, потому что за меня некому было отомстить. Отец мой, дедушка твой, погиб, когда я еще в школу не ходила. А мама болела тяжело, у нее была опухоль в мозгу. Поздно определили, она умерла на операции. И осталась я сироткой. Тетя из Иркутска приехала, потихоньку учила меня хозяйствовать.
- ФЕДОР. Да слышал я сто раз и про деда, и про бабу, и про тетку твою. А вот, что тебя насиловали, не знал. Выйду - всех замочу. Что не жаловалась на них? А, маманя?
- ЛИДИЯ. Какой ты умный! Они сказали, что если пожалуюсь, убьют. У них такие ножи были огромные! Потом негодяи эти ... (запинается). Нет ... Ладно ...
- ФЕДОР. Говори, раз уж начала. Не тяни резину!

ЛИДИЯ. Потом они меня стали каждый день ... Свет был мне не мил. Я и сбежала. Уехала на поезде, тетке не сказавши ...
А там ...

ФЕДОР. Короче, попала ты в нехорошую компанию. Так?

ЛИДИЯ. Так. В поездах они воровали, а меня стали держать за приманку. Ну, и одевали меня, как куколку, кормили, поили, а главный меня как бы женой сделал. Он вроде даже и любил меня. С ним мне было хорошо.

ФЕДОР. Это в двенадцать-то лет!

ЛИДИЯ. Мне уж тринадцать было. Долго нам везло, но, наконец, нас поймали. Суд был. Меня как малолетку в детскую колонию направили. И досрочно освободили за хорошее поведение. Вышла я из колонии. Куда податься? Вернулась в свой город, получила свою квартирку обратно. Хотела опять тетку из Иркутска вызвать. И тут в меня влюбился твой отец, Борис Наумович Шнайдер. Он, конечно, был меня старше намного. Мне было семнадцать, а ему – сорок шесть.

ФЕДОР. Ах, старый хрен! Оторвал так оторвал женушку! Все они, жида, такие.

ЛИДИЯ. Он меня так любил! Так ласкал! Все мои капризы выполнял, будто я царица, а он мой раб. В общем, жила я, как в сказке.

ФЕДОР. Мало, что за жида вышла, так еще и за старика (хохочет). Зачем? Только не говори, что полюбила! Ради его денег, да? Только не ври.

ЛИДИЯ. Не был он стариком. Сильный был мужчина. Конечно, я его не любила. Но благодарна была, уважала его, жалела, жила с ним хорошо. Он же портной. У него шили не простые люди. Мастер он был классный! Художник! А меня как он обшивал! Хоть и мужской портной, но и мне так шил, так шил!

ФЕДОР. Да пошла ты со своим портным, подстилка жидовская! Зачем рассказала мне все это, зачем? Я не сын его! Он, видно, отчим мой, вот что!

ЛИДИЯ. Вот ведь как обзываешь мать родную. Давай, обзывай, заслужила я. Он меня баловал, а я, дура, заелась, стала вертеть хвостом. И он застучал меня с другим ... А я уже в то время беременна была ...

ФЕДОР. И он, гад, тебя выгнал? Только за это? На улицу отправил беременную?

ЛИДИЯ. Нет, сынок, он сам ушел. В чем был. Все-все мне оставил. И алименты платил мне аккуратно. Хоть сперва и не верил он, что ты его сын, не верил, пока тебе не исполнилось четыре годика.

ФЕДОР. А что случилось? С чего это он, жид этот, решил, что он мой отец?

ЛИДИЯ. Он никогда до этого не подходил к тебе близко. А тут ... Посмотрел он на тебя, вынул фото из пиджака, где ему тоже четыре года. Показал мне ... Копия ... (плачет). Заплакал Боренька. И ушел. Он ведь уже на другой был женат в то время ...

ФЕДОР. На жидовке?

ЛИДИЯ. Не знаю.

ФЕДОР. Как это не знаешь?

ЛИДИЯ. Так. И знать не хочу. Потому что все равно мне. Когда я увидела его слезы, что-то со мной стало. Посмотрела я на себя. На жизнь свою. Со стороны посмотрела. И тошно мне стало. Пошла я куда глаза глядят, и принесли меня ноженьки мои в церковь, в храм наш. А там как раз отец Феодосий о грехах говорил ... И о милости Б-жьей ... И я покаялась ... Но не простил меня Г-сподь, потому что сын мой связался с бритоголовыми, сын мой отца своего родного убил ... За грехи мои мне это, за грехи мои тяжкие! И почему ты так евреев ненавидишь, что они тебе сделали?

ФЕДОР. Маманька, да ты вспомни, вспомни! Когда мне было как раз четыре годика, я услышал, как люди что-то такое говорят и слово «евреи» услышал. И я тебя спросил, кто такие евреи. И что ты мне ответила?

ЛИДИЯ. Не помню я. Столько лет прошло.

ФЕДОР. А я тебе напомним. Потому что ты, пьяная, завопила, будто режут тебя: «Сыночек, евреи – это самые плохие люди! Самые плохие! Запомни!» И я запомнил. Хорошо запомнил. И ненавидел тех самых плохих людей с того дня. Люто я их ненавидел. И сегодня ненавижу. Потому что тот крик твой такую злобу во мне разбудил, слов нет рассказать.

ЛИДИЯ. Не помню я такого, сынок, не помню. Наверно, это было до того, как твой отец заплакал ... когда фото смотрел ...

ФЕДОР. Не смей этого жида моим отцом называть! Даже если ты меня от него родила, не может моим отцом быть жид. Поняла, мама? Не может. И все.

ЛИДИЯ. Умер твой отец. Умер бедный Боренька. Знаешь, что он успел сказать мне, когда его везли на операцию?

ФЕДОР. А мне без разницы.

ЛИДИЯ. Я бежала рядом с каталкой. Он подманил меня и прохрипел: «Умру я, Лидунька. А ты не говори Феденьке, что я его отец. Совесть его замучит. Не надо, чтоб он мучился! Бедный мальчик ...»

ФЕДОР. Вот хитрый жид! Вот хитрый жид! Вот хитрый жид!

Звучит «Реквием» Моцарта.

Занавес закрывается под вопли Федора.

Из-за закрывшегося занавеса продолжают нестись вопли: *Вот хитрый жид! Вот хитрый жид!*

Музыка становится все тише, а вопли все громче и громче. Когда они достигают максимума громкости, то вдруг обрываются.

Пауза длится миг.

Снова звучит «Реквием».

Воплей больше нет.

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ И ПОПУГАЙ

Пьеса в одном действии

Действующие лица:

Полина – бывшая учительница

Нелли – старушка

Попугай Туки

Человек в рабочей одежде

Голос диктора телевидения

Комната. Посредине – стол. Рядом – три стула. Справа – диван и две двери: на кухню и в ванную. Слева – входная дверь. Телевизор. Комод. На диване лежит Нелли. Протягивает пульт к телевизору, поднимает – опускает его.

НЕЛЛИ. Опять телевизор подох. Или – пульттик.

Звонок в дверь. Нелли не реагирует. Новый, продолжительный звонок. Нелли медленно встает, потягивается, надевает тапки и шлепает к двери.

НЕЛЛИ. Кто там? Подождите, сейчас открою.

Нелли открывает дверь. Входит Полина.

ПОЛИНА (у входа). Шалом. Ани метапелет. (Стоят некоторое время друг против друга, взглядываясь в лица). Шем шели Полина, ани ... это ... мэконтора ... вам звонили ... тильпену лах.

НЕЛЛИ. Иврит у вас не очень-то. Но мой родной язык – русский. Вам не сказали в конторе? Ну да, я в Израиле уже сорок лет, меня в конторе считают ивритоязычной. Но это не главное, конечно. Главное – уживемся ли мы с вами. Я-то покладистая. А вы? Сколько вам лет?

ПОЛИНА. Пятьдесят три.

НЕЛЛИ. На вид вы моложе намного. Молодец! А мне уже восемьдесят. Почти. Хотите чай, кофе?

ТУКИ. Кофе, кофе!

ПОЛИНА. Спасибо, я только что позавтракала. И вообще я не ем на работе. А попугай этот – русский? То есть русскоязычный?

НЕЛЛИ. Он полиглот: говорит на русском, на иврите, на английском. Как и прежний его хозяин, который мне его подарил. Его зовут Туки.

ПОЛИНА. На иврите «туки» – это «попугай». У него есть имя собственное?

НЕЛЛИ. Да, его собственное имя – Туки. Вас не устраивает это?

ПОЛИНА. Мне все равно. Туки – так Туки. Эй, Туки, скажи мне что-нибудь.

НЕЛЛИ. Он вам ответит, если привыкнет к вам. И многих вы уже метапелили до меня?

ПОЛИНА. До вас у меня было четверо.

НЕЛЛИ. И всех вы удачно похоронили? (хохочет). Шутка.

ПОЛИНА. Представьте себе, ни одного не похоронила, все они переходили в богадельню, простите, – в бейт-авот.

НЕЛЛИ. Приятно слышать. Но я пока в бейт-авот не собираюсь. Мне и дома хорошо. Ну что ж, приступайте к работе (закуривает, отглатывает коньяк прямо из бутылки). Хотите глотнуть коньячку? (Полина машет

рукой). Начните с моего завтрака, я еще не ела. Смотрела глупый сериал, а телевизор, видно, не выдержал этой бездарности, заболел и теперь требует лечения.

ПОЛИНА. Что прикажете приготовить?

НЕЛЛИ, Сделайте омлет из двух яиц с колбасой, пару творожников со сметаной и кофе. В холодильнике – яйца, творог, колбаса и прочее. Сумеете приготовить турецкий кофе в джезе?

ПОЛИНА. Наука нехитрая. Умею. Уборку квартиры я сделаю после вашего завтрака. У вас довольно грязно, за один раз не наведу порядок.

НЕЛЛИ. Не выдумывайте. У меня не грязно. Просто романтический порядок. Вы кем были в той жизни? Не в милиции работали?

ПОЛИНА. Я учительница начальных классов.

НЕЛЛИ. Дети у вас ходили по одной половице, видно, боялись и не любили вас?

ПОЛИНА. Какое это теперь имеет значение?

ТУКИ. Верно, верно, верно!

ПОЛИНА. Я любила своих учеников. Хотя и была строга. Мне кажется, они это понимали. Ну, я на кухню.

Уходит. Нелли берет пульт, нажимает кнопки, сначала – треск, затем в телевизоре звучит «Прелюд» Сергея Рахманинова. После бурных аплодисментов слышится голос диктора.

ГОЛОС ДИКТОРА ТЕЛЕВИДЕНИЯ. Полина покорила слушателей не только блестяще исполненным «Прелюдом» Рахманинова. После овации публики она так же блестяще исполнила Вторую венгерскую рапсодию Листа, не входившую в программу концерта.

Из телевизора несутся звуки рапсодии. Нелли хочет переключить канал, возится с пультом, внезапно телевизор умолкает.

НЕЛЛИ. Ну, опять поганый телик подох. Туки, ты слышал? Наша новая метапелет, оказывается, – неплохая пианистка, не только учительница. Не ожидала. А ты? Удивлен? Верно?

ТУКИ. Верно, верно, верно!

Появляется Полина с завтраком.

НЕЛЛИ. Вас только что показали по телевизору. Не подозревала! Вы могли бы концерттировать! (Ест с аппетитом). Вкусно. В самом деле, почему бы вам не концерттировать вместо этой черной работы?

ПОЛИНА. Таких, как я, в Израиле много. И все они, в отличие от меня, – с консерваторией. А эта передача – она всего лишь о нашем клубе, к нам вчера пришли на клубный вечер – вот я и попала на телеэкран. Конечно, мне приятно.

ТУКИ. Приятно! Приятно!

НЕЛЛИ. Спасибо, я уже наелась.

ПОЛИНА. Вы же оставили половину.

НЕЛЛИ. Отдадите остатки кошкам. Они тут во дворе. Красавицы. Обожаю животных. Они такие непосредственные. Пусть кисаньки получат удовольствие.

ПОЛИНА. Как хотите.

НЕЛЛИ, А я – в туалет. (Удаляется. Слышно, как она напевает мелодию «Прелюда», а затем – куплеты тореадора из оперы Жоржа Бизе «Кармен».

Полина быстро и ловко убирает в комнате. Нелли появляется,

отхлебывает коньяк из горлышка.) Так. Пора – в ванную. Полина, придете потереть мне спину? Я сама намылю себя спереди, а сзади – давно уже не могу. Вас не коробит то, что вы на такой, извините, не уважаемой работе здесь, в Израиле?

ПОЛИНА. Да, Нелли. Не об этой работе я мечтала. Конечно, я потру вашу спину. Но на сытый желудок идти в ванную – вредно. Вы что, не знаете? Хоть немного дайте желудку поработать.

НЕЛЛИ. Вы еще и медик? Поразительно. И с такими знаниями тереть спину!

ПОЛИНА. Всякий труд почетен. Так я говорила своим ученикам.

НЕЛЛИ. Почетен? Всякий труд? Ну, нет, извините!

ПОЛИНА. Как я любила свою работу!

ТУКИ. Ты молодец!

ПОЛИНА. Господи! Он говорит по-русски! Он все понимает! Странная птица ...

ТУКИ. Верно! Верно! Странная! Очень странная!

ПОЛИНА. Как я радовалась каждой встрече со своим классом! Как любила эти глаза, еще не уставшие от ударов жизни! Как рада была слышать от преподавателей старших классов, что мои дети прекрасно подготовлены!

НЕЛЛИ. Какого же дьявола вы не выучили иврит, чтобы и здесь преподавать детям, а не мыть задницы?

ТУКИ. Верно! Верно!

Полина плачет, продолжая уборку.

НЕЛЛИ (уходит и тут же кричит из ванной). Полина, спинку потрите мне!

ПОЛИНА. Иду.

Уходит. Слышны покрякивания Нелли.

ГОЛОС ДИКТОРА ТЕЛЕВИДЕНИЯ. Передаем... (треск, тишина, снова треск) ... и три пассажира этого автомобиля. К счастью, обошлось без жертв. Полиция ищет ... (снова треск, хлюпающие звуки, обрывки слов, которые невозможно понять) ... и обещал (треск) ... семьдесят пять сотых.

Телевизор умолкает. Появляются Нелли в халате и чалме из полотенца и Полина.

НЕЛЛИ. Ну, не фокусник ли этот телевизор?!

ПОЛИНА. Я просто ахнула, увидев ваше тело: белое, нежное, без единой бородавки или прыща.

НЕЛЛИ. Да, это так. А мои ноги?

ПОЛИНА. Это – чудо. Они стройны, как у юной девушки, нет варикозных узлов, как у женщин вашего возраста, фигура стройна. Удивительно!

ТУКИ. Удивительно. Удивительно.

НЕЛЛИ (хохотнув). Поражены? Да, это тело все еще прекрасно. Благодаря моему папочке. Он был врач. И какой врач! Теперь таких нет. Когда я была крошкой, меня кормили по расписанию и именно теми продуктами, которые нужны для здоровья.

ПОЛИНА. А в школе как вы питались? Я помню школьные буфеты и столовые. Это было ... э-э-э ... не совсем то, что надо.

НЕЛЛИ. Папочка приезжал в большую перемену и кормил меня прямо в своей машине из термосов горячим обедом и чаем.

ПОЛИНА. В то время мало у кого были машины, кажется. Странно, что у простого врача ...

НЕЛЛИ. Ничего странного. Папочка был главный врач санатория Наркомата. А мамочка не работала, она была домохозяйка. Э, да что вы знаете о тех временах! Мои обеды мамочка готовила дома, а папочка брал их в термосах на работу и привозил в школу в нужное время.

ПОЛИНА. И так все школьные годы? Это не дело, в школе все дети должны быть в равных условиях. В моем классе всегда ...

НЕЛЛИ. Не поучайте меня, пожалуйста. Я не ученица четвертого класса. Вам просто завидно. Нет, многоуважаемая учительница, так хорошо мне было недолго. Бедная моя мамочка умерла, когда я училась в шестом классе. После укула проклятого она погибла.

ПОЛИНА. Как это после укула?

НЕЛЛИ. Заболела моя мамочка пневмонией. Медсестра ввела ей пенициллин, но не спросила, как мамочка реагирует на него. И шок! И – смерть! Мгновенно! Папочка любил мамочку безумно. Она была красавица, умница, с золотым характером. Он так переживал, что я боялась за него!

ПОЛИНА. Да, это ужасно – потерять любимого человека! Тем более в такие молодые годы ...

НЕЛЛИ. Я ему не позволила взять домработницу – сама стала дома убирать, готовить, стирать. Его горе, мне кажется, этим облегчалось. И, как прежде, я оставалась отличницей в школе.

ПОЛИНА. Вот как?! Я думала, вы белоручка.

НЕЛЛИ. Обижаете. И тут пришла новая беда. Я была, как и мамочка, красива и на свою беду – кокетлива. Не подозревала, что это опасно.

ПОЛИНА. Почему? Мужчинам это нравится.

НЕЛЛИ. Вот именно. Нравится. И толкает на подлость. Меня изнасиловал одноклассник. Пригласил к себе послушать музыку модную, сказал, что мама его будет дома. Мама, конечно, дома не оказалось. Она где-то дежурила, музыку мы запивали вином, и он легко овладел мною.

ПОЛИНА. Вы не кричали, не сопротивлялись?

НЕЛЛИ. Я была пьяна, ведь я выпила впервые в жизни. Кроме того, одноклассник мне нравился. И когда он меня насиловал, я вдруг почувствовала, что это приятно. (Хохочет). А потом ... Потом я сходила с ума от страха, что забеременею. Папочка понял, что со мной неладно, и добился, что я рассказала ему все. Он пристрелил моего насильника. Прямо в классе. До этого вызвал телеграммой тетю из Астрахани, а когда она приехала, он уже в тюрьме повесился. Он сломался, мой папочка. А я осталась круглой сиротой.

Молчание. Нелли всхлипывает. Полина садится рядом, гладит ее по спине.

ПОЛИНА. Бедняжка. Представляю, как ужасно вы переживали. Но вы не виноваты. Дело не в вашем кокетстве. Дело в подлости мальчишки. Хотя и его, конечно, жалко. Еще не пожил – и уже погиб...

ТУКИ. Всех жалко! Всех жалко! Всех жалко!

НЕЛЛИ. Тетка увезла меня к себе. Там я окончила десять классов. Кое-как окончила. Потому что загуляла. Мне нравилось стравливать мальчишек между собою, гулять то с одним, то с другим. Так было до тех пор, пока один из них не зарезал другого насмерть. При мне! Это было ужасно!

ТУКИ. Ужасно, ужасно!

НЕЛЛИ. Я попала в психлечебницу. Забрала меня тетя нескоро. По ее совету я пошла в музыкальное училище, там ее муж преподавал сольфеджио, гармонию, полифонию и прочую теорию музыки. Он устроил меня на вокальное отделение.

ПОЛИНА (продолжая уборку). Значит, у вас обнаружили голос? Это счастье! В моем классе как-то обнаружился у мальчика удивительный голос. Как у Робертино Лоретти. Но педагог по пению все испортил. Я так переживала!

НЕЛЛИ. Нет, у меня ничего не обнаружили. Просто на вокальное отделение было легче сдать экзамены. Но педагог был очень хороший, он сумел мне голос поставить. И влюбился в меня, как безумный. Хотел жениться, но зачем он мне? Ему было за пятьдесят, а мне – восемнадцать. Наш роман был осужден всеми, педагога моего уводили, а я уехала на восток, пела в оперетте, в хоре.

ПОЛИНА. Вы только в хоре пели? Или ...

НЕЛЛИ. Нет, на героиню я не тянула, не хватало голоса. Зато в меня влюблялись такие люди!

ПОЛИНА. Неужели вы продолжали кокетничать, блудить и стравливать мужчин?

НЕЛЛИ. Вы несносная ханжа! Я же сказала вам, как переживала из-за того, что было! Нет, никогда больше я не делала такого. Я жалела всех, кто меня любил страстно. И постель моя не успевала остывать от горячее любви.

ПОЛИНА. Вы откровенны. Но вам не надоело?

ТУКИ. Надоело! Надоело!

НЕЛЛИ. Вы правы. И ты прав, Туки, дружок, мне со временем надоело. И вышла я замуж за командира дивизии. Ах, учительница, какой это был мужчина! Богатырь! Красавец! Высокий, сильный. Брюнет с голубыми глазами, густыми черными бровями и черными могучими усами! А как он любил меня! И я - его! Но он жутко ревновал. Как Отелло.

ТУКИ. Отелло! Отелло! Мавр сделал свое дело!

ПОЛИНА. Что за попугай?! Мне страшно. Но муж явно не задушил вас, раз вы дожили до таких лет и я вам намыливаю спину!

НЕЛЛИ. Задушил бы, но не успел: война началась, и он отправился на фронт. (Полина продолжает уборку). Вам еще не надоело меня слушать? Я почему-то с вами разоткровенничалась, как ни с кем раньше. Какое-то доверие внушаете. Хоть вы и ханжа. Так не надоело слушать старуху?

ПОЛИНА. Нет, что вы, мне не скучно! Мне даже интересно. Со мной ведь такого не было. И я вовсе не ханжа. Я просто другая. Понимаете?

НЕЛЛИ. Убили его в июле сорок первого. Пришла похоронная не сразу. И я тогда поступила в медицинский институт, чтобы после первого курса пойти на фронт. Санитаркой. На передовую.

ПОЛИНА. Вы смелая. Вас ни разу не ранило?

НЕЛЛИ. Да не попала я на фронт. Потому что меня эти сволочи исключили из института.

ПОЛИНА. За что?

НЕЛЛИ. Был у меня приступ аппендицита. Хирург увидел мое тело - и запыхал страстью. (Хохочет). Хотел бросить семью. Жена его

пожаловалась - устроили комсомольский суд, исключили меня из комсомола и выгнали из института. Сволочи.

ПОЛИНА. Зря вы связались с женатым мужчиной. Нехорошо это. На чужом несчастье своего счастья не построишь.

НЕЛЛИ. Да не хотела я на чужом несчастье свое счастье строить. Я временно стала его подругой в благодарность за ювелирную работу на моем животике. Шрам – как ниточка. Вы сами видели.

ПОЛИНА. Но вам же поломали биографию.

НЕЛЛИ. Ничего подобного!

ТУКИ. Ничего подобного! Ничего подобного!

НЕЛЛИ. Я прожила интересную жизнь. У меня было шесть мужей. И далеко не один десяток любовников. Я работала в театре, а это – тоже счастье. (Смеется). Спасибо комсомолу. Я даже обрадовалась, когда рассталась и с комсомолом, и с тем хирургом. Снова пришла в театр, ездила на фронт. И в итоге получила награду.

ПОЛИНА. Орден?

НЕЛЛИ. Лучше, гораздо лучше! Появился в моей жизни Моня. Моисей Давидович. Он был чекист. То есть личность таинственная и романтическая. Он был силен в постели, очень силен. Такой силы в мужчине я не знала ни до него, ни после него. Но коротким было наше счастье ...

ПОЛИНА. Вы расстались? Вы его оставили? Или он – вас?

НЕЛЛИ. Глупости. Я бы его не оставила. Да и он меня не променял бы на другую. Нет, бедный мой Моня! Его с радистом направили в тыл фашистов, и они оба не вернулись. Заподозрили, что они попали в плен, даже – что они продались фашистам. Меня арестовали и допрашивали, но я ничего не знала. Я сама мучителей моих спрашивала, где мой муж.

ПОЛИНА. Вас отправили в лагерь?

НЕЛЛИ. Нет, к счастью. не успели отправить. Выяснилось, что Моня и радист погибли, когда выполняли задание. Погибли как герои. Меня тут же выпустили.

ПОЛИНА. Не извинились перед вами?

НЕЛЛИ. Что вы?! Знаете, я не могу забыть эту страшную Лубянку, хотя провела там всего три месяца. Они меня материли, оскорбляли и били! Да-да, били! Сутками спать не давали. Удивляюсь, что не изнасиловали. Я ведь как женщина должна была волновать своих мучителей-мужчин. Я не кокетничаю, я и в самом деле поражена была.

ПОЛИНА. Возможно, им этого не разрешала какая-то инструкция.

НЕЛЛИ. Что вы говорите? Какая инструкция? Они издевались над людьми, как хотели. Наверно, меня допрашивали импотенты. Ха-ха-ха! Палачи-импотенты!

ТУКИ. Ха-ха-ха, импотенты! Импотенты!

ПОЛИНА. Он понимает. Он все понимает. Я в самом деле боюсь этого попугая. Продолжайте, Нелли. Вы назвали уже трех мужей из шести. Не устали?

НЕЛЛИ. А вам в самом деле интересно?

ПОЛИНА. Да, я впервые слышу такое откровенное повествование. Честно признаюсь, я даже не представляла, что так бывает в жизни, а не в кино или в книгах. Я ведь знала только одного мужчину, и это был мой муж.

Так меня воспитали мои родители. Я так боялась первой близости, когда вышла замуж! Три дня он уговаривал меня. Дурочка.

ТУКИ. Дурочка! Дурочка наивная!

НЕЛЛИ. Четвертый муж мой был длинный, тощий и слабый, но играл на баяне потрясающе. Лауреат. Я его услышала на концерте и была в восторге. А он меня и сам со сцены заметил. Но как мужчина он совершенно меня не устраивал.

ПОЛИНА. Вы его выгнали?

НЕЛЛИ (задыхается от хохота. Глотает коньяк из бутылки, продолжает хохотать). Точно. Выгнала. Мы разошлись мирно. Но сначала именно от этого слабака я забеременела и родила единственную дочь, красавицу Светлану. Вот фото, посмотрите. (Подает Полине фотографию. Полина внимательно разглядывает ее). Ну, что скажете?

ПОЛИНА (вглядываясь). Умные глаза. Красавица.

НЕЛЛИ. Она заведует кафедрой в университете. В Штатах. Муж – тоже ученый. Они счастливы.

ПОЛИНА. Рада за вас – и за дочь вашу. Но продолжайте. Ваш пятый муж? Вы еще не устали рассказывать?

НЕЛЛИ. (хохочет, отглатывает из бутылки коньяк, закуривает). Пятый был педагог. Географ.

ПОЛИНА. Послушайте, Нелли. Почему вам в загсе не отказывали в регистрации? Вы ухитрились зарегистрироваться, сходить-расходиться и разводиться ...

НЕЛЛИ. Мы и не регистрировались. Ни с кем. Какая разница? Жалкий штамп в паспорте. Да. Так вот. С географом жили пару месяцев скучно и нудно. Таких зануд, как этот нудник, я не встречала. Как его ученики терпели? Я его выгнала, и он уехал в какое-то село. Больше я его не встречала. Да кончайте вы уборку! Никто еще у меня за эти деньги не убирал всю квартиру. Вы какой-то князь Мышкин.

ПОЛИНА. Это – порицание? Или похвала?

ТУКИ. Похвала, похвала.

ПОЛИНА. Спасибо. И вам, Нелли, и тебе, Туки.

ТУКИ. Туки - хороший.

НЕЛЛИ. Три года назад пришло письмо от Марика. Мы с ним были когда-то близки. Недолго, правда, встречались два или три раза. Не помню точно. Я его забыла, а он меня всю жизнь помнил – и нашел меня. Светочка как раз уехала в Штаты с мужем-американцем. Мне одной было скучно. Захотелось чего-то постоянного на старости лет. Поэтому, когда я прочитала его романтическое письмо, то обрадовалась и пригласила Марика в Израиль.

ПОЛИНА. Он сразу же приехал?

НЕЛЛИ. Да, прилетел на крыльях любви. Вернее, на крыльях Эль-Аль. И обнаружилось, что он импотент. (Нелли хохочет - долго, до слез). Я ему купила виагру. Он прочитал инструкцию, принял виагру, мы с ним легли. (Снова хохочет до слез.) В общем, «Скорая помощь» опоздала. Бедняга умер. Умер как настоящий мужчина: в постели с женщиной.

ПОЛИНА. Как вы можете смеяться! Это не смешно, Нелли.

НЕЛЛИ. Знаю, но не могу удержаться. Ну, хватит обо мне. Вы меня увидели, как на ладони. Верно? Презираете меня? Ненавидите? Отвращение испытываете? Признайтесь!

ТУКИ. Признавайся, хуже будет!

Нелли и Полина смеются, Туки хохочет.

НЕЛЛИ. На моего Туки крутые фильмы действуют. Так скажете мне честно, как вы на меня реагируете, а?

ПОЛИНА. Удивительно, но вы мне нравитесь, хотя сначала я была ошарашена. Знаете, вы хорошая. Да, хорошая. Хотя прожить, как вы, я никогда не смогла бы.

НЕЛЛИ. Вы тоже не такая ханжа, как мне показалось вначале. Но не будем отвлекаться. Я выложилась. Давайте узнаем о вас.

ПОЛИНА. Я родилась в Киеве в многодетной семье. Отец работал слесарем-котельщиком на заводе, мать, как и ваша, была домохозяйка. Двоюродная сестра отца, тетя Лия, преподавала в консерватории. Детей у нее не было, вот и учила меня музыке. Я хоть и любила фортепьяно, но в шестнадцать лет уже начала работать.

ТУКИ. Работать! Работать! Работать полезно! Хорошо надо работать!

НЕЛЛИ. Вы работали в качестве пианистки, конечно?

ПОЛИНА. Где там?! Санитаркой – в больнице. Тетя Лия продолжала меня учить, чтобы я поступила в консерваторию, но я вышла очень рано замуж.

НЕЛЛИ. Какая ошибка! По любви, надеюсь?

ПОЛИНА. Да. Он был врач в отделении, где я убирала. Конечно, не главный врач, как ваш отец. Рядовой врач-ординатор. Был старше меня на десять лет. Мои родители считали, что это хорошо, что он будет ко мне относиться нежно, раз я настолько моложе, а я буду его уважать, раз он старше. Он им понравился.

НЕЛЛИ. Разве это важно?

ПОЛИНА. Очень важно. Если родители не согласны, то ...

ТУКИ. Ой-ой-ой! Родители, родители!

ПОЛИНА. Муж настаивал, чтобы я училась, чтобы имела профессию.

НЕЛЛИ. Он мог бы помочь вам стать врачом. Или фельдшером хотя бы.

ПОЛИНА. Да. Он так и хотел, но я с детства мечтала учить детей, поэтому, хоть и заочно, но окончила педагогическое училище. Уже на втором курсе оставила больницу, взяла класс - и проработала всю жизнь в начальной школе. Учила детей с первого по четвертый класс. Привыкала к ним, как к родным. Потом – новый класс. И еще четыре года. Будто новый ребенок у тебя.

НЕЛЛИ. Но были же хулиганы, тупицы? Вы их тоже любили, жалели?

ПОЛИНА. Вы не педагог, вы не понимаете, что такое ребенок-ученик. Надо к нему найти подход, дорогу к его сердцу найти надо. Дети все понимают не хуже, чем мы, взрослые. Просто они не видят перспективу так, как взрослые. Они живут настоящим. Если им интересно в школе, они ее любят. Если они верят учителю, они не хулиганят.

НЕЛЛИ. И коллектив играет роль, конечно. Так нас советская власть учила.

ПОЛИНА. Это верно. Для учителя важно создать коллектив в классе. Коллектив – это сила. Знаете, как даже самый отчаянный хулиган считается с коллективным мнением?!

НЕЛЛИ. А тупицы?

ПОЛИНА. У меня только однажды был ученик-кретин. Тут я была бессильна. Тут вмешались врачи. А тупых, во всем тупых детей я не встречала. Конечно, есть более способные и есть менее способные по каждому предмету. Есть дети-вундеркинды. Да. И работать надо так, чтобы и те, и другие, и третьи выполняли программу. Это – не просто. Но я умела это делать. Наверно, у меня это – в генах. Впрочем, лекцию по педагогике я зря начала. Вы уж извините.

НЕЛЛИ. Нет-нет, это очень интересно – то, что вы проповедуете. Я надеюсь, мы еще не раз поговорим об этом. У меня в первом и втором классе была именно такая, умнейшая учительница. Глаза ее были, как ваши. А личная ваша жизнь тоже хорошо складывалась?

ПОЛИНА. Да. Мы жили дружно. Я уважала мужа, а он – меня. Родила троих детей. Выростила их вместе с мужем. Вот и все.

НЕЛЛИ. Вы были всю жизнь верны мужу? Так, кажется?

ПОЛИНА. Всю жизнь. Он рвался в Израиль. И мы приехали. Но перед этим таких мук натерпелись! Вы знаете, что такое сидеть в отказе?! Попасть в лагерь ни за что и снова – в отказ ... Все вынесли мы. Муж знал иврит, он устроился на работу по специальности. Мы взяли в банке «Апоалим» машканту, купили эту квартиру, чтобы выплачивать, он кроме основной работы, подрабатывал, как мог. Я – тоже много работала. Мыла мадрегот и мела дворы, метапелила. Конечно, тосковала и тоскую по учительской работе. Нет ничего прекраснее моей профессии!

НЕЛЛИ. Вы просто молодцы! Ваш муж – и особенно вы сами.

ТУКИ. Молодцы! Факт!

ПОЛИНА. Мы радовались, что живем на исторической родине. Дети подрастали, они легко вписались в жизнь Израиля. Но в прошлом году муж перенес грипп на ногах – и инсульт. В три дня его не стало.

НЕЛЛИ. Примите мои соболезнования. Самые искренние. Я по себе знаю, что такое одиночество.

ПОЛИНА. Спасибо. Мои дети и внуки живут в Хайфе, Реховоте и Ришон-ле-Ционе. Особых событий в жизни не было, как видите. Скучно было слушать?

ТУКИ. Скучно! Скучно!

НЕЛЛИ. Допустим, вы не изменяли мужу. Но были же хоть какие-то мысли или желания, ведь нравились же вам иногда какие-то мужчины, кроме вашего мужа? А? Скажите! Честно!

ТУКИ. Честно! Честно! Честно!

ПОЛИНА. Я совершенно честно призналась вам и вашему попугаю в том, что не изменила своему мужу ни разу даже в мыслях. Хотя иные мужчины мне нравились: умом, порядочностью, мужеством.

ТУКИ. Честно! Честно!

ПОЛИНА. Честно? Было ... однажды ... В нашу школу пришел новый завуч. Эстонец по национальности. Блондин, голубые глаза, широкие плечи, рост – баскетбольный. Умница. Он пришел ко мне на урок, потом Андрей Петрович дал анализ этого урока ...

НЕЛЛИ. Странное имя-отчество для эстонца.

ПОЛИНА. Я слышала, как приятель называл его Андрес или Андреас. Наверно и отчество звучало иначе по-эстонски. Но все преподаватели его

звали Андрей Петрович. Так вот, разбор урока он провел просто гениально. При этом - хвалил мою систему развития детей. Потом еще были уроки и анализ. Я все сильнее восхищалась завучем.

НЕЛЛИ. Наконец-то!

ТУКИ. Наконец-то! Наконец-то!

ПОЛИНА. Андрей Петрович был женат. Жена его работала в каком-то учреждении. Я ее никогда не видела. А он ... Он стал все чаще приходить на мои уроки. Говорил, что хочет написать о моем опыте в журнал. Но я знала, я чувствовала, что не только для этого он приходит. И заметила, что я стала более внимательно следить за своей внешностью. Меня это испугало. Я уже говорила, что меня воспитали дома ...

НЕЛЛИ. Так-так, интересно!

ТУКИ. Интересно! Интересно!

ПОЛИНА. В то время в нашей школе занятия шли в две смены. Во вторую смену учился и мой четвертый класс. Однажды я была дежурным преподавателем, в преподавательской ждала конца смены, а тем временем проверяла тетрадки. Он вошел, что-то спросил. Я поднялась со стула, и он, не сказав ни слова, поцеловал меня.

НЕЛЛИ, Настоящий мужчина!

ПОЛИНА. Я растерялась сначала, а потом оттолкнула его, заплакала и сказала, что между нами ничего не может быть, так как он женат, я замужем, и дети наши не должны страдать из-за нас.

НЕЛЛИ. Фактически вы признались ему в любви.

ПОЛИНА. Нет. Я сказала Андрею Петровичу, что люблю своего мужа и никогда ему не изменю. Он помолчал, помолчал – и ушел, не сказав ни слова. Больше никогда он не делал попытки поцеловать меня, а я ... когда я вспоминала тот поцелуй, то не могла смотреть в глаза мужу.

НЕЛЛИ. Вы меня поражаете, вы будто пещерная женщина! Вы прожили жизнь, не зная второго мужчины! Это – грех! У меня не было ни одного мужа, которому я хотя бы однажды не изменила. И я уверена на сто процентов, что ни один мой муж не был мне на сто процентов верен. Такова жизнь!

ТУКИ. Такова жизнь! Такова жизнь!

ПОЛИНА, Ужас какой-то! Этот Туки – разумная птица, я его боюсь. Он разгласит нашу беседу!

НЕЛЛИ. Вы правы, он умный, и именно поэтому он ничего не разболтает. Я ведь с ним много разговариваю. И – не выдал ни разу. Он даже знает имена всех моих любовников, хотя я сама уже путаюсь. Хотите убедиться? Туки, скажи мамочке, сколько у нее было любовников по имени Анатолий? Скажи, мой хороший!

ТУКИ. При посторонних – нельзя. Туки умный!

Нелли хохочет, Полина заламывает руки. Раздается звонок в дверь. Полина впускает человека в рабочей одежде.

ЧЕЛОВЕК В РАБОЧЕЙ ОДЕЖДЕ. Здравствуйте, Нелли. У вас гости? Не буду мешать. Я потом зайду. Опять телевизор барахлит?

НЕЛЛИ. Да, барахлит, и не откладываете. Почините его. Это моя новая метапелет, приятнейшая женщина. Она тоже хочет смотреть со мной телевизор.

ЧЕЛОВЕК В РАБОЧЕЙ ОДЕЖДЕ. Купили бы вы себе новый. Надоело чинить эту древность.

НЕЛЛИ. (Полине) Он каждый день приходит ко мне чинить телевизор. Денег с меня не берет. Тимуровец!

ЧЕЛОВЕК В РАБОЧЕЙ ОДЕЖДЕ. Мне не трудно по дороге в свою квартиру заглянуть к вам. А у вас чаще пультик шалит, чем телевизор (работает с пультом и с телевизором). Ясно, сейчас наладим.

ГОЛОС ДИКТОРА. ... и таких примеров можно привести много. Даже в самых маленьких городах Израиля ...

НЕЛЛИ. Спасибо, дорогой сосед. Выключите, пожалуйста. Мы тут ведем интересную беседу.

ЧЕЛОВЕК В РАБОЧЕЙ ОДЕЖДЕ. Больше ничего не нужно? Все функционирует?

НЕЛЛИ. Спасибо. Все в порядке. (Человек в рабочей одежде топчется некоторое время, машет рукой – и уходит). Как вам этот мужчина?

ПОЛИНА. Никак.

НЕЛЛИ. Вы его рассмотрели?

ПОЛИНА. Я вообще на него не смотрела.

НЕЛЛИ. Напрасно. Это мой нынешний любовник.

ПОЛИНА. Что-о?! Он? Этот мастер по ремонту?

НЕЛЛИ. То, что слышали. Там, в России, он был главный инженер, а здесь – электромонтер. Мы с ним уже два года любовничаем. Да-да. Конечно, для его жены это – тайна. Он мне телевизор чинит действительно. И – бесплатно. Но нет-нет да и поимеет меня с удовольствием. И я тоже получаю удовольствие. Крепкий мужчина.

ПОЛИНА. Но он же вдвое моложе вас!

НЕЛЛИ. Все-таки рассмотрели его? Вот это-то и ценно, что он моложе. Зачем мне старик? Что он сможет?

ТУКИ. При посторонних – нельзя!

НЕЛЛИ. Она учительница, она мне не навредит.

ТУКИ. При посторонних – нельзя!

НЕЛЛИ. Скажите, а вы не жалели ни разу о том, что не poznали еще хотя бы одного мужчину, кроме своего уважаемого мужа? (Полина молчит). Я спрашиваю, вы никогда не жалели о том, что были только с одним мужчиной? (Полина яростно продолжает уборку, все так же молча). Извините, я понимаю.

ПОЛИНА. Что вы понимаете? (садится на стул). Да, я сейчас, именно сейчас, слушая вас, чуть было не пожалела о том, что знала лишь одного мужа. Но мое время ушло. Как могла, так и прожила. Теперь я думаю только о счастье трех моих детей и двух моих маленьких внуков.

НЕЛЛИ. Но вы же слышали от других женщин об их интимной жизни, я уверена! И об их супружеской неверности. И сравнивали!

ПОЛИНА. Да, я много откровенностей слышала от других женщин. И их рассказы давали мне понять, что мой любимый муж был не из самых лучших в этой области. Но он был так умен, всегда был так заботлив, так нежен! Он так искренно интересовался моей работой, давал мне такие толковые советы! Он помогал мне и по дому! Я любила и уважала его.

НЕЛЛИ. Идеал, идеал. Идеал мужа и идеал жены. Идеал супружеских отношений.

ТУКИ, Идеал! Ха-ха-ха, идеал! Ха-ха-ха!

ПОЛИНА. Дурак!

ТУКИ. Сама ты дурра, ха-ха-ха.

ПОЛИНА. Извини, Туки, вырвалось нечаянно.

ТУКИ. То-то.

ПОЛИНА. Это ужасно, Нелли. Ваш неестественно умный попугай меня пугает.

НЕЛЛИ. Не зря же на Руси придумали это слово «попугай». То есть «напугай, попугай кого-то». Наверно, не все смеялись, кто-то и пугался. Но мы отвлеклись от вашего мужа. Вы так и не надели друг другу за долгие годы?

ПОЛИНА. Да, наша близость была прекрасна для меня и для него, мы всегда могли уловить настроение друг друга, хотя ... хотя ...

НЕЛЛИ. Смелее, дружочек!

ПОЛИНА. Понимаете, когда мне хотелось ... еще раз ... я стеснялась сказать ... Иногда целую неделю у нас ничего не было, а мне так хотелось близости! Ведь я его любила!

НЕЛЛИ. Значит, у него была другая женщина! Или даже – другие женщины. Вы никогда не замечали каких-либо признаков его измены?

ПОЛИНА. Каких?

НЕЛЛИ. Вы что, телевизор не смотрите? Столько детективов показывают. Можно самому стать следователем. Ну, женский волос на рубашке, запах чужих духов, помада на щеке, еще что-нибудь.

ПОЛИНА. Да, я понимаю. Никогда ничего такого не замечала. Правда, однажды медсестра из его больницы сказала мне, что жене такого мужчины надо быть внимательнее. Что я слепая. Что ...

НЕЛЛИ. А конкретно – о ком она говорила?

ПОЛИНА. Конкретно – ни о ком. Но так смотрела на меня ... Как на инвалида ... Я рассердилась и сказала ей, что она лезет не в свое дело.

ТУКИ. Браво, браво!

ПОЛИНА. Он все понимает!

НЕЛЛИ. Успокойтесь, у него есть рефлекс на определенные выражения. Когда говорят «не в свое дело» - это признак сердитости. И Туки привык на сердитые интонации при определенных выражениях реагировать этим «Браво», чтобы получить после этого что-то вкусное.

ТУКИ. Верно, Нелли. Туки любит вкусное.

ПОЛИНА. Не успокаивайте меня, ваш Туки – колдун какой-то. Очень странная птица.

ТУКИ. Ничего подобного!

ПОЛИНА. Вот! Слышали?!

НЕЛЛИ. Просто прореагировал на интонацию. Но уверяю вас, он не понимает смысла нашего разговора. Хотя, конечно, Туки - умная птица.

ТУКИ. Туки - умная птица, умная птица!

НЕЛЛИ. Ну вот, убедились? Повторил мои слова. Продолжайте, пожалуйста, я слушаю вас.

ПОЛИНА. Поклеп той медсестры все же запал мне в душу, и я стала не доверять мужу. И однажды нашла в его кармане презерватив.

НЕЛЛИ. Ого! А дома он не пользовался этим?

ПОЛИНА. В том-то и дело, что нет. Но он сказал, что кто-то, видно, решил подшутить над нами и подложил эту гадость ему в карман. Я поверила, потому что он казался мне искренним. Не хочется перечислять все подозрительные случаи, но каждый раз оказывалось, что муж не виноват.

НЕЛЛИ. А он-то сам ревновал вас, он сам доверял вам?

ПОЛИНА. Он доверял мне. Однажды я спросила его, почему он так мне верит, ведь я могу ему изменить, когда он в командировке или когда я одна еду на курорт. Я лечила свой радикулит на юге. Иногда мы ездили вместе с мужем, а иногда – я одна. И он мне ответил: «Если ты мне изменишь, я это увижу по твоим глазам».

НЕЛЛИ. Чушь какая-то. Что он смог бы увидеть?

ПОЛИНА. Не знаю. Но я ему поверила, потому что и сама знала, что после измены не смогла бы смотреть в глаза тому, кто для меня столько сделал.

НЕЛЛИ. Хорошо, хватит. Ваша совесть чиста!

ПОЛИНА. Если бы! Нелли, я закончила свои дела. Может быть, вы меня отпустите пораньше?

НЕЛЛИ. Согласна. Только сначала приготовьте, пожалуйста, свежий борщ. Я его сама доварю, но вы почистите овощи и положите их в кастрюлю ...

ПОЛИНА. Сейчас.

Уходит на кухню.

НЕЛЛИ. Туки, она тебе нравится?

ТУКИ. Конечно, конечно, конечно!

НЕЛЛИ. Мне – тоже.

Входит Человек в рабочей одежде.

ЧЕЛОВЕК В РАБОЧЕЙ ОДЕЖДЕ. Ну, что, можем поговорить? Ушла уже?

НЕЛЛИ. Нет, она на кухне. Потерпи, она сейчас уйдет. Хлебни коньяк.

Протягивает гостю бутылку.

ЧЕЛОВЕК В РАБОЧЕЙ ОДЕЖДЕ. Спасибо, не хочу. Пойду на кухню, попробую помочь ей. Не возражаешь?

НЕЛЛИ. Она симпатичная и моложе меня. Но ты же собирался со мной поговорить. Со мной. А не с ней. Увлёкся ею, да?

ЧЕЛОВЕК В РАБОЧЕЙ ОДЕЖДЕ. Нет, не увлекся. Но вдруг помочь надо.

НЕЛЛИ. Не поможешь ты ей ничем, развратник, она строгая. Очень даже.

ЧЕЛОВЕК В РАБОЧЕЙ ОДЕЖДЕ. Я все же попробую.

НЕЛЛИ. Давай-давай. Помощничек!

ЧЕЛОВЕК В РАБОЧЕЙ ОДЕЖДЕ. Ты прелесть, Нелли. Ты женщина из женщин.

Уходит на кухню. Тишина. Нелли включает телевизор. Оттуда громко несется поп-музыка.

НЕЛЛИ. (обращаясь к Туки) Думаешь, он добился успеха там, на кухне, с этой несчастной недотрогой? (Появляется Человек в рабочей одежде, потирает щеку). Не вышло, дружок? Получил по морде? Я тебя предупреждала.

ЧЕЛОВЕК В РАБОЧЕЙ ОДЕЖДЕ. Странная она, сначала позволила мне положить руку на плечо, на талию. А когда коснулся груди, вдруг залепила мне пощечину. И тут же попросила прощения за это. Чуть не заплакала даже. Странно.

ТУКИ. Странно! Странно! Очень странно!

Из кухни выходит Полина.

ПОЛИНА. (Обращаясь к Нелли). Борщ варится на малом огне. (Человеку в рабочей одежде). Простите меня, пожалуйста. Я не хотела вас обидеть. Так уж получилось. Условный рефлекс.

ЧЕЛОВЕК В РАБОЧЕЙ ОДЕЖДЕ. Да ладно, хватит извиняться. Я получил то, что заслужил. Пойду в суперсаль. Я ведь собрался за молочными продуктами.

НЕЛЛИ. Нет, подожди, дружок, не уходи. Есть еще о чем поговорить. Полина, он искренно хотел помочь вам. Не борщ варить, а помочь как мужчина женщине. И я вам советую подумать.

ПОЛИНА. Спасибо, я подумаю.

НЕЛЛИ. Слышал, дружок? Она подумает. Так что не теряй надежды.

ЧЕЛОВЕК В РАБОЧЕЙ ОДЕЖДЕ. Нет, она довольно невежливо отказала – и я это понял.

ПОЛИНА. Не сердитесь на меня, я не хотела, так просто вышло. И я в самом деле должна подумать. О многом. У меня сегодня день каких-то нелепых открытий и загадок. Я растерялась совсем.

ЧЕЛОВЕК В РАБОЧЕЙ ОДЕЖДЕ. Я лучше уйду. Мне тоже надо о многом подумать.

Уходит. Нелли хохочет.

ПОЛИНА. Вы знаете, что меня сейчас расстроило? Я вспомнила, как мой муж перед смертью спросил меня, изменяла ли я ему. И как я ему подло сказала (плачет), что не изменяла ... но жалею об этом ... Потому что ... мое время упущено ... и ... я не знаю, как бы мне было с другим ... Не это ли ускорило его уход из жизни? Это такая вина, такая моя вина!

НЕЛЛИ. Не продолжайте. Я не поп – и вы не на исповеди. И не все еще упущено.

ТУКИ. Ай-ай-ай! Упущено! Ай-ай-ай!

ПОЛИНА. Как я сожалею о тех словах. (Пауза). Нелли! Неужели вы в самом деле способны поделиться ... этим своим другом с другой женщиной?

НЕЛЛИ. Вы не верите? Или вы захотели с этим парнем переспать?

ПОЛИНА. Я спрашиваю просто так, мне он не нужен. Мне уже никто не нужен. Я вас хочу понять. Вы меня так поразили сегодня. И Туки – тоже. Простите.

НЕЛЛИ (встает со стула, подходит к Полине, кладет ей руки на плечи). Милая Полина, которую я ... Которой я ... Вы мне ... Да ну вас! (Отходит на пару шагов и снова подходит). Никогда в жизни я не хотела делиться мужчиной ни с кем, кроме его законной жены. Но сегодня я узнала женщину, которой я отдала бы не только сейчас, но и в дни моей молодости, любого мужчину – и без сожаления, с радостью даже. Эта женщина – вы.

ЗАНАВЕС.

ЛЮБОВНИЦА

Маленькая пьеса

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Лев Григорьевич Сапожников – профессор, хирург, 40 лет

Нина Михайловна – жена его, профессор, преподаватель высшей математики, 40 лет

Фрида Кляйнбург – студентка, 20 лет

Комната в обычной городской квартире. Сервант, диван, стол с тремя стульями, телевизор. Книжный стеллаж. На стене – гравюра Хокусая. Входная дверь, дверь в ванную, двери в спальни. Нина сидит на диване, вяжет.

Звонок.

НИНА. Открыто, входите. (Новый звонок. Стук.) Да входите же! Открыто! Или нет? (Встает, проходит к двери, возвращается с гостьей.) Я была уверена, что дверь открыта, извините, пожалуйста. Садитесь, я вас слушаю.

ФРИДА. Спасибо, спасибо. (Садится на диван, рядом с Жанной, которая продолжает вязать) Меня зовут Фрида, Фрида Кляйнбург. Я студентка. Я пришла к вам ... Даже не знаю, с чего начать.

НИНА. Вы, наверно, хотите начать издалека. Но можно начать прямо с причины вашего визита. Итак, вы пришли ...

ФРИДА. ... попросить вас отдать мне вашего мужа профессора Сапожникова.

НИНА. Я не ослышалась? (Откладывает вязание в сторону). Повторите, пожалуйста.

ФРИДА. Я прошу вас отдать мне вашего мужа, Льва Григорьевича.

НИНА. Отдать? Моего мужа? Вам? Почему и для чего? (Молчание). Главное я уже услышала, но не поняла. Вы любовница?

ФРИДА. Я люблю Льва Григорьевича. И я уверена в том, что он будет со мной счастлив. Но он ... Он все еще любит вас.

НИНА. Все еще? Все еще меня любит?

ФРИДА. Да. Но вы-то, вы-то не любите его и никогда не любили.

НИНА. Это он вам сказал?

ФРИДА. Нет, это мне мой сосед рассказывал. Он ездил с вами на вашей машине за город. Известно, зачем.

НИНА. Собираете сплетни? Хвастунов слушаете? Лжецов?

ФРИДА. Мужчины любят хвастать, я знаю. Но есть среди них и такие, которым можно верить. Мой сосед известен в городе своими победами. Зачем ему врать? И еще он сказал, что он не единственный седок в вашей шикарной машине.

НИНА. Допустим, что ваш сосед не врет. Допустим, что я решила пошалить. А не думаете, что можно любить мужчину, но иногда и пошалить? Ведь на старости лет не пошалишь. Даже если сильно захочешь.

ФРИДА. Что значит «шалить»? Женщина не имеет права «шалить». Потому что она – мать. Мать – это святое! И еще: когда ваш муж,

профессор, приходит на лекцию в рваных носках, это значит, что вам, жене своей, он абсолютно безразличен.

НИНА. Вот что, девочка, я такой же профессор вуза, как и мой муж, и кроме работы в вузе я дома готовлю пищу, стираю, шью, вяжу, убираю в квартире. У нас двое детей-школьников: старшему – четырнадцать лет, младшему – восемь. Я должна их держать в порядке. Они стараются помочь мне, муж - тоже, но это не дает мне такого свободного времени, которое есть у моих троих мужчин. Понятно?

ФРИДА. Но ...

НИНА. Никаких «но»! У моего мужа всегда полно новых носков. И если он приходит в рваных носках, то это значит, что он просто не нашел пару новых носков.

ФРИДА. Как это не нашел?

НИНА. Едва я наведу порядок на его полке с нижним бельем, как он опять все перемешает. Когда опаздывает и спешит, он просто не ищет чистые носки. (Смотрит на Фриду пристально). Вы знаете, что вы не первая и не единственная его любовница? Что медсестры ...

ФРИДА. Я это знаю. Но никто не сможет любить его так, как я. Он мне нужен такой, какой есть. Он мне нужен любой! Всегда!

НИНА. Верю! Верю! Однако же я не могу отдать мужа вам, хоть он вам так нужен: он не вещь. Но если он сам решит оставить меня и уйти к вам, в чем я весьма сомневаюсь, то я не буду за него цепляться, обещаю. (Меняя тон). А теперь уходи, наглая девка! Не то я набью твою глупую физиономию. Вон отсюда!

ФРИДА. Наконец-то! (встает стремительно). Наконец-то вы показали ваше истинное лицо! Да! Я так и предполагала! Вы злобная и грубая женщина! Представляю, как вы орете на мужа и на детей! Вполне возможно, что вы даже их бьете! Несчастный Лев Григорьевич!

НИНА. (Смотрит на живот Фриды). Боже мой, да ты беременна! Бедная девочка! Сядь, сядь, пожалуйста. Давай поговорим спокойно.

ФРИДА. Только что вы меня выгоняли, обзывали ...

НИНА. Я поддалась гневу, как всякая баба. Пойми, я привыкла за многие годы к своему мужу, привычка – штука не простая, она сильнее многих других чувств. И вдруг – ты со своим требованием. (Пауза). Ты его действительно очень любишь?

ФРИДА. Да. У нас, у Кляйнбургов, это навсегда. Мы однолюбы. И папа, и мама, и старики-предки. Вот и я ... Я его полюбила сперва как специалиста. Как врача. Он хирург от Бога.

НИНА. Это так. Еще в школе он говорил, что будет хирургом. Мы смеялись: он был маленький, меньше всех в классе. Худенький заморыш.

ФРИДА. Вы учились в одном классе?

НИНА. А он не рассказывал? С первого класса и до выпускного вечера. Он уже тогда любил меня, я это видела, но он не решался признаться. Да и что было бы? Я в то время любила другого. Любила страстно.

ФРИДА. Вот видите. А он до сих пор вас любит.

НИНА. Да, я любила другого. Это было могучее чувство, с которым бороться невозможно, ты по себе знаешь. Потом ребята ушли в армию, их послали в горы воевать, а оттуда вернулся только Лева. Мой друг погиб, Лева тоже был ранен, но его спасли хирурги.

ФРИДА. И тогда он попросил вашей руки? И вы вышли за него, не любя?

НИНА. Он вернулся другим человеком из армии. Это был крепкий мужчина высокого роста. А во-вторых, это был иной человек. Волевой, жесткий, напористый. В общем, такой, каким ты его знаешь. Он поступил в медицинский институт. Прошел специализацию по хирургии. Стал кандидатом наук, потом - доктором. Профессором. Я-то раньше кончила свой физмат. И профессором стала раньше, чем он.

ФРИДА. А как же поженились вы? И когда?

НИНА. Еще когда я была на третьем курсе. Когда он пришел из армии. Я в то время встречалась с другим парнем, но Лева пришел ко мне и сказал, что для него жизнь без меня – не жизнь. Предложил бросить моего парня.

ФРИДА. И вы согласились?

НИНА. Я предложила ему выпить холодной воды и успокоиться. И он ушел. Я решила, что остудила его жар. Не тут-то было. На следующий день он встретился с моим парнем. Они крепко подрались. Мы слевой никогда этой темы не касались. Но тот парень оказался трусом и отказался от меня. И я ему назло вышла за Леву. И никогда об этом не жалела. Потому что мой муж - настоящий мужчина.

ФРИДА. Да, вам, конечно, есть с кем сравнивать. Сколько у вас было мужчин?

НИНА. Не надо считать моих мужчин. Я люблю мужа. Не сразу любовь пришла, не скрою. Но пришла. (Пауза). Не могу я тебе отдать его, милая Фрида. Не могу. Может быть, твоя любовь сильнее моей. И чище. Может быть. Но у нас слевой и любовь, и дети.

ФРИДА. У меня тоже будет ребенок. Я не пойду на аборт.

НИНА. Конечно, тебе надо рожать. Но мужа я не отдам. Не могу отдать, пойми меня.

ФРИДА. Моя мама так и сказала мне. Отговаривала от встречи с вами. Но я все равно пришла.

НИНА. Мама сказала? Она все знает? И не прервала эту связь?

ФРИДА. Я ей сразу рассказала, когда у нас с Львом Григорьевичем случилось это ...

НИНА. И отец тоже знает?

ФРИДА. Отец мой умер давно, у него был рак. А мама сперва ругала, потом поплакала – и поняла меня. Я знаю, что ей тяжело, но она все понимает ...

НИНА. Как же у вас с Львом Григорьевичем это случилось? Расскажешь?

ФРИДА. Нет.

НИНА. Почему?

ФРИДА. Вы сами понимаете. Это ... это – нельзя.

НИНА. Я полагаю, что ты сама была инициатором и затащила его в постель. Или это была его инициатива? Скажи честно!

ФРИДА. Пожалуйста, не надо!

Звонок в дверь. Входит Лев Григорьевич Сапожников.

САПОЖНИКОВ. Нинуля! Пожрать! Срочно! Что там есть у тебя? (Замечает Фриду). Откуда ты, прекрасное дитя? Что за фокусы?!

НИНА. Она пришла ко мне, а не к тебе. Есть беляши, винегрет и макароны по-флотски. Что тебе подать?

САПОЖНИКОВ. Все подряд. И чай цейлонский. Фрида, будешь с нами обедать?

ФРИДА. Нет, спасибо, я сыта.

НИНА. Нет, нет, без обеда не отпустим. Я пошла хлопотать на кухню, а вы тут поворкуйте без меня.

Нина уходит на кухню. Сапожников подсаживается к Фриде.

САПОЖНИКОВ. Значит, ты пришла к моей жене? Хочешь, видно, поступить в технический вуз? Нужен репетитор по математике? Или пришла ввести ее в курс событий? Объясни твое появление здесь.

ФРИДА. Все очень просто. Я хочу быть с вами. Вы это знаете. И я сказала ей об этом. Она, конечно, не рада, но будет согласна с любым вашим решением.

САПОЖНИКОВ. А ты тоже будешь согласна с любым моим решением?

ФРИДА. Нет. Я люблю вас. И я сделаю вас счастливым.

САПОЖНИКОВ. Откуда такая уверенность? У меня два любимых сына от Нины, я притерся уже к ней, а она – ко мне. Моим детям нужен отец, в конце концов.

ФРИДА. Моему ребенку тоже будет нужен отец.

САПОЖНИКОВ. Разве я отказываюсь? Мой долг – быть помощником тебе и отцом новому человечку. Но мы ведь не планировали ребенка. Я тебе прямо об этом говорил. Я тебя обеспечивал таблетками. Ты никогда не возражала. Так почему же ты забеременела?

ФРИДА. Мама сказала, что больше не вынесет моего положения любовницы ...

САПОЖНИКОВ. Вот так-так. Она ни разу об этом не намекала даже. Наоборот ...

ФРИДА. Когда вы спасли меня, прооперировав в ту ночь, мама сказала, что мы вам обязаны по гроб ... Если бы не вы, то молодые хирурги, которые пытались что-то сделать, не справились бы. Меня бы уже не было в живых. И я была вам поэтому так благодарна! И вы для меня стали особым человеком. Потом я узнала, лежа в палате, что вас боготворят все пациенты. Я тогда сказала себе, что должна отблагодарить вас щедро. Но мы бедны, и я поняла, что должна ...

САПОЖНИКОВ. Прости, я тогда глупо ошибся. Я даже подумать не мог, что невинная девушка может так легко отдаться, если слегка приобнять ее.

ФРИДА. Отдаться?! Нет! Отдаться вам! И только вам! И никому другому!

САПОЖНИКОВ. Почему ты все время говоришь мне «вы»?

ФРИДА. В мыслях я называю вас иначе. А вслух – не могу так.

САПОЖНИКОВ. Ты, конечно, все рассказала Нине? (Фрида кивает). Да ... И что же мы все будем теперь делать?

ФРИДА. Не знаю.

САПОЖНИКОВ. Я тоже не знаю. Фрида, ведь я тебе никогда ничего не обещал. Почему ты вдруг стала так агрессивна? Я не понимаю. Ты за моей спиной пришла к моей жене, ничего не подозревающей ...

ФРИДА. Я изменилась. Я мать. А мать – это ...

САПОЖНИКОВ. Ты еще не родила. Ты в лучшем случае будущая мать. А пока ты только беременная девушка.

ФРИДА. Доктор, я ношу в себе вашего ребенка, значит я его мать. А вы, Лев Григорьевич, – отец. И вы ведь тоже меня любите. Вы мне столько раз говорили, что никогда и ни с кем вам не было так хорошо ... в постели.

САПОЖНИКОВ. Это правда: твои ласки (пытается поцеловать ее) несравненны.

ФРИДА (отталкивая его). Так что же мешает вам всегда иметь меня рядом? Кроме того, мы оба – евреи, это снимает большие проблемы во взаимоотношениях. А ваша жена – русская. Как бы хорошо вы к ней не относились и она – к вам ...

САПОЖНИКОВ. Вообще-то я интернационалист. Для меня еврейство – не козырь, Фрида. Но Нина – такая же еврейка, как и мы с тобой.

ФРИДА. Как? Брусникина Нина Михайловна – еврейка?!

САПОЖНИКОВ. Раскрою тебе тайну. Ее отец сменил фамилию «Брускин» на «Брусникин», только две буквы вставили ему. Как он это сделал – не знаю, я его не застал в живых. И Михайловна она потому, что ее отец Михаэль стал Михаилом, разницы даже на слух почти нет, а в письме – лишь одна буква заменена.

ФРИДА. Так она еврейка? (задумывается ненадолго). Почему же она так нагло вам изменяет? Мне рассказывал ...

САПОЖНИКОВ. Я не верю слухам. Я не верю сплетням. Но даже если она мне изменяет, то поделом мне: я ведь сам никогда не упустил случая ...

ФРИДА. Да уж! Что правда, то правда!

Нина приходит с большой кастрюлей. Ставит ее на стол. Уходит и приносит тарелки и поварешку. Сапожников присаживается к столу. Фрида остается на диване. Нина разливает суп в тарелки.

НИНА. Фрида, иди к столу. Или ты хочешь помыть руки? Пройди в ванную, полотенце с петушками – для гостей. Не стесняйся. Заодно оценишь, как я готовлю пищу.

ФРИДА. Хорошо, уговорили. Оценю.

НИНА. Тебе, Лёва, тоже не мешало бы помыть руки. (Сапожников и Фрида уходят вместе). Боже мой, только этой беременной девчонки нам не хватало. Но зубки у нее острые и крепкие. Не знаю, чем все кончится.

Из ванной доносится звук оплеухи, возвращаются Сапожников и Фрида. У него горит щека.

ФРИДА. Спасибо вам, Нина Михайловна, за теплый прием. Но я раздумала обедать. Кое-кто получил хорошую пощечину за то, что посмел назвать меня ... (плачет). Пусть он остается с вами. Мне не нужен этот хирург. Я больше не люблю его. А от тебя, Лёва, я уже не хочу ребенка. Ты, подлый ловелас, еще меня вспомнишь. Ты отказался от счастья, зато меня спас от несчастного замужества – и это хорошо. Я найду отца ребенку. А ты ... ты ... не найдешь вторую такую, как я! И будешь платить мне алименты! Как положено!

Фрида убегает. Нина и Сапожников смотрят друг на друга. Молчание.

НИНА. Побежишь за ней? И что ей скажешь?

САПОЖНИКОВ. Никуда я не побегу. У меня к тебе одна просьба, Нинуля.

НИНА. Слушаю.

САПОЖНИКОВ. Прости меня ... если можешь. Если сможешь.

НИНА. Ты восемнадцать лет, как минимум, будешь отдавать четверть своего заработка! Сколько отличных носков ты мог бы покупать ежегодно!

САПОЖНИКОВ. Я люблю только тебя! Только тебя! Прости, прости меня!

НИНА. Я тоже люблю тебя. (Сапожников становится перед ней на колени. Слышны голоса мальчиков). Вот и дети наши домой идут. Как раз к столу успели. Что же мы им скажем, когда все это откроется?

ЗАНАВЕС.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

МАЛЕНЬКАЯ ТРАГИКОМЕДИЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

МИХАИЛ МАНАЕНКОВ

ЛЕОНИД ЛОЖНИКОВ

ГОЛОС ЗА ДВЕРЬЮ

Вечер. Комната в гостинице. Две кровати с тумбочками, посередине – стол, слева – гардероб и телевизор, справа – входная дверь и холодильник, прямо – дверь на балкон. Михаил сидит за столом, пьет пиво и смотрит футбол по телевизору. Входит Леонид.

ЛЕОНИД. Добрый вечер (снимает пальто, вешает в гардероб. Снимает пиджак, вешает туда же, но, подумав, снова надевает). Футбол смотрите?

МИХАИЛ. Да.

ЛЕОНИД, А я не люблю смотреть футбол.

МИХАИЛ. Ага.

ЛЕОНИД. То ли дело самому играть в футбол!

МИХАИЛ. Мгм.

ЛЕОНИД. Я вам мешаю, наверно, своим разговором?

МИХАИЛ. Угу.

ЛЕОНИД. Что вы все угукаете да агакаете, могли бы и ответить нормально.

МИХАИЛ, А я не хочу.

ЛЕОНИД. А ты, Мишка, не изменился.

МИХАИЛ. Как вы меня называли?

ЛЕОНИД. Мишка Манаенков, семьдесят пятого года рождения, учился в школе в Челябинске ...

МИХАИЛ (впервые смотрит в лицо собеседнику. Узнает его, улыбается). Ленька, Ложников, ты? Сколько же мы не виделись?

ЛЕОНИД. Двадцать лет. Или около того.

МИХАИЛ. Ну да, ты же из Челябы уехал, когда четвертый класс кончил. Куда-то в Пензу, что ли?

ЛЕОНИД. Нет, в Питер. Пивка нет в холодильнике?

МИХАИЛ. Все есть. И пиво тоже. Погоди, угощу. А ты классно смотришься.

ЛЕОНИД. Твоими молитвами.

МИХАИЛ. Где работаешь? Наверно, в большой конторе? Ты вообще-то школу кончил?

ЛЕОНИД. Нет, Я пошел в ремеслуху, на слесаря выучился ...

МИХАИЛ. Здорово! Я тоже слесарь.

ЛЕОНИД. Учился я хорошо, поэтому попал в техникум. Окончил его с отличием.

МИХАИЛ. Вон как ... Значит, ты техник.

ЛЕОНИД. Да нет. Я после техникума работал на заводе и учился в институте на вечернем, окончил институт и стал инженером.

МИХАИЛ. Везучий ты ...

ЛЕОНИД. А где же пиво?

МИХАИЛ. Пиво? Да, пиво ... (идет к холодильнику, приносит несколько бутылок пива, ставит на стол). Везучий ты, Лёха ... А я вот ... только пэтэу ...

ЛЕОНИД. Везучий, говоришь? Да я пахал, как папа Карло, всю жизнь! Отец умер, мать после того хворала без конца, сестренка замуж за алкаша вышла, без конца приходилось разбираться с поганым – и всех кормить надо было! А у меня жена, два сына в школе. Хорошо, что после института я защитил кандидатскую

диссертацию, поэтому преподавал в институте. Звание доцента получил. Книги писал.

МИХАИЛ. Вон как ... Ты, оказывается, пробивной. Знал, кому задницу лизать.

ЛЕОНИД. А ты все та же мразь, какой ты был в начальной школе: завистливый, ленивый, злобный. Не буду я пить твое поганое пиво.

МИХАИЛ. Вон как ... А помнишь ты, как я тебя в школе лупил каждый день? Как ты плакал, тихоня, а сдачи дать не мог?

ЛЕОНИД. Помню, помню. Ты мне, подлый гад, по ночам снишься в кошмарах. Но я тебе благодарен.

МИХАИЛ. За что же это?

ЛЕОНИД. За то, что научил меня. Просветил, так сказать. Я ведь в Питере изучал восточные единоборства, самбо изучил. Разряд по боксу имею. Друзья верные у меня появились, такие же ребята. И таких, как ты, мы не боялись. Они боялись нас. Вот так. А в армии ...

МИХАИЛ. Ты же учился! Когда в армию успел попасть? На лагерные сборы, что ли? Басни Крылова рассказываешь? Не верю я тебе!

ЛЕОНИД. Да нет, я после института сам попросился. Жена меня поняла. Мужчина просто обязан отслужить, если он не инвалид. Я, между прочим, произведен в офицеры. Вот после армии бывал на лагерных сборах.

МИХАИЛ. Младший лейтенант? Политрук болтливый?

ЛЕОНИД. Капитан запаса. Командир батальона. Вот так. Сам-то ты служил в армии? Или откосил?

МИХАИЛ. Я хотел. Да у меня плоскостопие.

ЛЕОНИД. И сколько же ты заплатил за это плоскостопие?

МИХАИЛ. Заткнись, сука!

ЛЕОНИД. За «суку» ответишь, как говорится. Впрочем, за все ответишь. За мое исковерканное детство, за мои ночные кошмары, за мое недоверие к людям. За переезд в другой город моих родителей ради моего спасения от тебя ... За все, за все.

МИХАИЛ. Да пошел ты! В гробу я тебя видел, сука.

ЛЕОНИД. Встать!

Михаил хватает со стола нож и бросается на Леонида. Тот перехватывает руку с ножом, отнимает нож, отбрасывает его и наносит удар в челюсть Михаилу. Михаил оседает на пол. Леонид склоняется над ним. Треплет по щекам. Михаил изворачивается, хватая с пола нож – и получает новый удар в челюсть, от которого он теряет сознание. Леонид поднимает его и усаживает на стул. Нож кладет в карман своего пиджака. Михаил начинает шевелиться, открывает глаза.

ЛЕОНИД. Ну, как? Нравится? Вот так я себя чувствовал с первого по четвертый класс, когда ты, подлое ничтожество, вместе с помощниками издевался надо мною, слабым маменькиным сыночком. Вы меня не только били. Нет, вам этого было мало. Вы плевали мне в лицо, держа за руки, чтобы я не мог

закрыться от вашей бешеной слюны. Вы снимали в мужском туалете мои штанишки и плевали на мое мужское достоинство.

МИХАИЛ. Со слабаками всегда так. Не ты первый.

ЛЕОНИД. Вы отнимали и, кривляясь, пожирали передо мной бутерброды, которые мне давала мама, не зная ничего о ваших издевательствах до четвертого класса, когда я не мог больше вынести издевательств.

МИХАИЛ. Знаю, ты тогда повесился. Что же ты не издох? Картину гнал перед мамочкой?

ЛЕОНИД. Я погиб бы, если бы не порвалась та веревка ... Я не сразу пришел в себя. Потом пришла мама, и я ей все-все рассказал. И семья наша бросила насиженное место, мы уехали в деревню к родственникам. И там тоже хлебнули горя.

МИХАИЛ. Я не знал ... Ты прости меня ...

ЛЕОНИД. Простить?! Ты думаешь, я случайно оказался в этом номере гостиницы? Я поклялся тебе отомстить. И я ждал момента. Вот, наконец, тебя послали в командировку за трубами три четверти дюйма.

МИХАИЛ. Ты и это знаешь? Кто тебе настучал?

ЛЕОНИД. Неважно. Я приехал сюда и я получил место в одном номере с тобой. Теперь осталось только помучить тебя – и убить.

МИХАИЛ. Ты этого не сделаешь.

ЛЕОНИД. Еще как сделаю.

МИХАИЛ. Если ты меня замочишь, тебе дадут вышку.

ЛЕОНИД. Не беспокойся. Я ведь здесь не под своей фамилией. (Смотрит на часы). Десять часов. Отлично. Пиши записку предсмертную.

МИХАИЛ. Не буду я писать никакую записку.

ЛЕОНИД. Напишешь. Потому что смерть тебе будет избавлением от мук. Мой самолет в два часа ночи, торопиться мне некуда. А утром я уже буду далеко. Вот тебе ручка и бумага. (Подает ручку и лист бумаги). Пиши. О том, что жизнь тебе надоела и ты решил уйти из нее навсегда.

МИХАИЛ. Помогите-ите! (Леонид улыбается, включает телевизор на полную громкость). Спасите-ите! Лю-у-уди-и!

ЛЕОНИД. А я ведь не кричал, когда ты и твои шестерки издевались надо мной. Стыдно мне было кричать: мужчина как-никак. Ори, давай, громче! Ну! Помочь? (Кричит). Помогите! Спасите! Убивают! А-а, телевизор заглушает? А мы его выключим! (становится тихо). Кричи!

МИХАИЛ. Отпусти меня. Сдаюсь я.

ЛЕОНИД. Да ты ведь тут же побежишь доносить на меня.

МИХАИЛ. Нет, слово даю. Клянусь!

ЛЕОНИД. Вот ведь как ты заговорил! А я, Мишка, не верю тебе. Потому что ты подлый человек. Пиши предсмертную записку! Напишешь – отпущу.

МИХАИЛ. Так я тебе и поверил.

ЛЕОНИД. Не бойся, я не буду тебя мочить. И не потому, что боюсь. Меня не найдут. А если найдут – выкручусь. Я ведь, Мишка, не все тебе рассказал. Я понял, что горбатиться на любой службе –

глупо. Стал бизнесменом. И – удачливым. За пять лет я сколотил миллионы. У меня сегодня бизнес в России и за рубежом, заводы, банк, торговые фирмы.

МИХАИЛ. Врешь!

ЛЕОНИД. У меня дворцов только шесть в разных странах. Яхта-красавица в Средиземном море, другая – на Балтике, два самолета реактивных, взвод телохранителей под началом майора-десантника в отставке. Кстати, здесь, в гостинице, их со мной семеро.

МИХАИЛ. Врешь ты все. Где твои охранники?

ЛЕОНИД. Зачем мне врать? Чтобы с тобой справиться, они мне не были нужны. Они все на своих местах. Слушай, парень, я ведь могу принять и тебя на работу! Но только, когда напишешь предсмертное письмо.

МИХАИЛ. Да?! Я напишу – и ты меня замочишь. Что, думаешь, я не понимаю?

ЛЕОНИД. Нет смысла мочить тебя. Ты мне нужен живой. Чтобы ты видел, как я процветаю, чтоб люто мне завидовал, чтоб служил мне верой и правдой (за хорошую зарплату, конечно). Чтоб сапоги мне лизал. Понял?

МИХАИЛ. Письмо-то писать зачем, если мочить не хочешь?

ЛЕОНИД. Не дошло? Чтоб ты дрожал от страха все время, чтоб ждал, что я тебя когда-нибудь замочу. Только и всего. Мне надо, чтобы ты мучился. Мучился!

МИХАИЛ. Докажи, что ты бизнесмен. И я подпишу.

ЛЕОНИД. Пожалуйста. Вот. (Вынимает из кармана пиджака пачку долларов). Смотри, здесь двести банкнот по сто долларов. То есть двадцать тысяч долларов. Это – на мелкие расходы (кладет деньги обратно). А так у меня есть чековая книжка, есть карточка. Есть агенты. Я могу в любой стране расположиться, как король, с первой минуты. Я дела делаю, мне некогда считать копейки. Ну, идешь ко мне на службу? Я пока не заставляю, а приглашаю. Будешь жить. И жить материально неплохо. Но я тебя, тварь, буду мучить.

МИХАИЛ. Твоя взяла. (Пишет письмо). Написал. Хорошо платить будешь?

ЛЕОНИД. Не сомневайся. Платить буду хорошо. Но и издеваться не забуду. А вот играть со мной в дурака не моги. Если обнаружу, что затеваешь что-то, страшной смертью умрешь... Например, паяльник в задницу вставим.

ГОЛОС ЗА ДВЕРЬЮ. Хозяин, все в порядке?

ЛЕОНИД. Я же просил не тревожить меня, пока сам не выйду.

ГОЛОС ЗА ДВЕРЬЮ. Так точно, хозяин. Извините.

МИХАИЛ. Да, вот как получилось. Ты, Лёха – король, а я ...

ЛЕОНИД. Зови меня отныне просто «хозяин». И на «вы» – не забудь.

МИХАИЛ. Да, хозяин ... На свою беду я из тебя ... из вас человека сделал.

ЗАНАВЕС.

СВАТОВСТВО

КОМЕДИЯ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЭЛИЭЗЕР – крепкий, еще работающий мужчина, 65 лет

ИОСИФ – старый и слабый мужчина, 80 лет

ХАВА – стоматолог, 60 лет

Место действия – один из не очень больших городов Большого Тель-Авива

Салон в доме Хавы. Мебель Дакс (или любая другая). На столе – фрукты, Хава ставит на стол бутылку пепси-колы. Звонок в дверь. Зло, громко и басовито лает собака.

ХАВА. Это звонит жених, свататься приехал. А бедная собака голодна, моя верная Венера голодна! Я дрянь, забыла из-за этого сватовства ее покормить. (Кричит). Венера! Я тебя сегодня побалую! (Радостный лай). Чуть позже накормлю тебя, моя собачка. (Громко). Венера, я уже готовлю твой обед! (Радостный лай). Вот и славно (Открывает дверь). Проходите, пожалуйста. (Входят Иосиф и Элиэзер). Как?! Вы вдвоем? Я думала, что придет только один человек ... Мойше сказал

...

ИОСИФ. А у вас тут хорошо. Домик почти приличный снаружи. Собачонка хорошо заперта? Когда я ее увидел во дворе за ветхой загородкой, то принял за теленка. А когда залаяла, ахнул.

ХАВА. Венера умная, знает, на кого бросаться, и знает, что нельзя ломать загородку – даже ветхую. Садитесь, пожалуйста, за стол. Наверно, хотите пить? Пепси-кола только что из холодильника. Меня зовут Хава Гольдберг, как вам, наверно, сказал мой коллега Мойше.

Хава садится на диван, изучающее разглядывает гостей.

ИОСИФ. Очень приятно, Хава (садится за стол). Я Иосиф. Иосиф Декельбаум. Иосэф бен Хаим. Или Осип Ефимович – так меня звали в Омске и последние два года в Москве. А это мой друг – Элиэзер.

ЭЛИЭЗЕР. Да-да. (Хочет сесть на диван, смущается, передумывает. Садится за стол). Меня зовут Элиэзер.

ИОСИФ. В Киеве и в Москве друзья звали его Лазарь. А вообще – Анатолий. Анатолий Авдеевич. Потому что его папу звали Авигдор, то есть Авдей. Да, согласитесь, что «Лазарь» и «Анатолий» звучит почти одинаково. Правда? Особенно у косноязычных. Я в Москве работал вместе с ним два последних года перед репатриацией. А родился я и до того жил в Омске. Я сибиряк.

ХАВА. Скорее я бы подумала на вашего друга Элиэзера, что он сибиряк. Он такой крепкий мужчина, такой солидный. А вы ...

ИОСИФ. Я тоже в его годы, пятнадцать лет назад, был мужчина крепкий и солидный. Плечи у меня были – во! (показывает раскинутыми

руками и хохочет) Я мог часами ходить по Тель-Авиву в июле и не пить воду ...

ХАВА. Не может быть! Вас бы давно в живых не было!

ИОСИФ. Честное слово, ни капли воды. Правда, пил пепси-колу. Много. Я мог не прятаться на улице в тень в самый жаркий полдень. Да-да. Я не прятался в тень, я просто ходил по огромному каньону Дизенгоф или другому и делал маленькие покупки несколько часов. А иногда не покупал ничего. И еще я мог не есть ничего от завтрака до ужина. То есть двенадцать часов. Ничего. Представляете?

ХАВА. Нет. Не представляю.

ИОСИФ. Ничего не ел. Плитка шоколада – и все. Никакой еды! Да я еще и сейчас хожу по утрам каждый день по десять километров пешком...

ХАВА. Почему вы все время говорите и говорите о себе?! Дайте и Лазарю что-то сказать о себе!

ЭЛИЭЗЕР. Абсолютно правильно.

Элиэзер снимает с плеча сумку, вынимает бутылку водки, ставит ее на стол.

ИОСИФ. Ай да Лазарь! Молодец! Коль акавод. Вот она – мудрость жизни. Водка. Без лишних слов. Действительно, давайте, идн, евреи, для знакомства по рюмочке. Тогда язык и у Лазаря развяжется. Я думаю, под водку закуски немного найдется у вас, Хава? Фрукты под водку как-то не очень, понимаете? Может быть, колбаска, селедочка, а? Или даже котлетка, а?

ХАВА. Вы от скромности не умрете, адони, господин мой. Но у меня есть все. Зря вы тащили эту бутылку. Но сначала скажите, кто из вас сватается? Или вы конкуренты? Или ... я вообще ничего не понимаю.

ИОСИФ. Видите ли, Лазарь в принципе вдовец, а я в принципе женат. Отсюда следует, что как бы сватается он. Ну, и я тоже как бы с ним приехал ...

ХАВА. Что? И вы тоже сватаетесь? Вы от жены уходите? Или что? Не понимаю, Мойше мне сказал, что один кандидат будет. Что же случилось?

ИОСИФ. Спокойно, савланут, терпение. Таки да один кандидат. И это – Лазарь. Я просто взят для словесной поддержки. Суть такова. Лазарь уже два года безутешный вдовец. Мы ему посоветовали жениться. Что жить бобылем?! Но ведь надо найти подходящую женщину. Верно? Вот шадхан Мойше указал вас.

ХАВА. Простите, Мойше – мой коллега, семейный врач, а не шадхан.

ИОСИФ. Ну да. Он и наш семейный врач, поэтому он как толковый врач и решил, что и вам, и Лазарю хорошо будет вместе. Поэтому выступил в роли свата, шадхана. Но, как видите, Лазарь – скромняга, смущается, робеет. Поэтому попросил меня поехать вместе с ним, а нашему общему семейному доктору Мойше мы просто не сообразили своевременно сообщить о двойном визите, поэтому и он вам не сообщил. Извините уж нас, пожалуйста.

ХАВА. Так, значит, свататься приехали вы, Элиэзер?

ИОСИФ. Он. Он приехал свататься к вам. Можете не сомневаться. Я, например, на его месте только к вам бы и посватался.

ЭЛИЭЗЕР. Ну да.

ХАВА. Отлично. Все поняла. Сейчас принесу закуски и графинчик коньячку.

ИОСИФ и ЭЛИЭЗЕР вместе. Коньячку! Графинчик! Отлично!

ХАВА. Сию минуту.

Хава уходит. Иосиф встает, ходит по комнате. Он явно недоволен.

ИОСИФ. Лазарь, она права: почему я должен говорить за тебя? Кто приехал жениться на этом богатстве? На этом пышном теле? На этой роскошной усадьбе? На этой собаке. Я или ты?

ЭЛИЭЗЕР. Да ты мне рта не даешь раскрыть. Но женщина мне не очень нравится.

ИОСИФ. Почему? Она довольно милая. А грудь какая пышная?! А губы какие трепетные?! А какие умные глаза?! Ты заелся, дорогой друг мой! Если бы я не стоял на пороге золотой свадьбы со своей Мирэлэ, я бы стал твоим соперником в борьбе за эту женщину.

ЭЛИЭЗЕР. Да разве можно ее сравнить с твоей Мирой?! Мира – стройная, характер – спокойный, у нее такое чувство юмора! А какие у нее волосы! В ее-то возрасте! И как готовит гефилте фиш!

ИОСИФ. А пироги какие!! А кисло-сладкое жаркое?! А компот?! Салат «Оливье»?!

ЭЛИЭЗЕР. Будь она лет на пятнадцать моложе, я бы отбил ее у тебя.

ИОСИФ. Наконец-то я слышу речь не мальчика, но мужа. Вернее, жениха. Не исключено, что и эта Хава отлично готовит, что она будет спокойна, выйдя за тебя замуж, что к ней вернется чувство юмора. И что благодаря любви и браку она станет более стройной. Завидую твоей усадьбе! Мы же с Мирой останемся в своей однокомнатной квартирке в хостеле, где все удобства спрессованы ...

ЭЛИЭЗЕР. Понимаешь ... Эта Хава какая-то нервная. Недоверчивая. Настороженная.

ИОСИФ. Это понятно. Ты ведь тоже насторожен по отношению к ней.

ЭЛИЭЗЕР. И, может быть, даже фригидная.

ИОСИФ. Идн, евреи, послушайте его! Когда ты видел фригидную еврейку? Где?

ЭЛИЭЗЕР. У нее собака коровьих размеров.

ИОСИФ. Это будет и твоя собака. Рад будешь. Собака – друг человека, вернее, друг своего хозяина.

ЭЛИЭЗЕР. Дом – старый, нужен капитальный ремонт, а то и не один, я буду рабом-ремонтником на всю оставшуюся жизнь, понимаешь?

ИОСИФ. Это же будет ваш общий дом, а тыпыш, а нарр, придурок! Ты же будешь жить в хороммах, во дворце! После капремонта еще двадцать лет можно будет обходиться одной легкой косметикой.

ЭЛИЭЗЕР. Да еще здесь у нее – дочь с внучкой, приехала из Хайфы после развода. Это же нагрузка на психику.

ИОСИФ. Когда Мойше сказал нам об этом, ты не прореагировал. А что тебе-то? Будешь иметь мать, трахнешь не раз молодую дочь, если

постараешься. Обе под боком. Это же – мечта любого пожилого жениха.

ЭЛИЭЗЕР. Циник! Замолчи!

Возвращается Хава, везет нагруженный сервировочный столик на колесиках.

ХАВА. Давайте выпьем за наше знакомство. (Садится за стол между мужчинами). Тост принимается? (Мужчины кивают). Лэхаим! (Все выпивают коньяк и закусывают фруктами). Значит, мы все – члены больничной кассы «Маккаби» и наш рофе мишпаха – Мойше Симхович. А банк у вас какой?

ИОСИФ. У меня – «Леуми», у него – «Апоалим».

ХАВА. У меня тоже «Апоалим». Хороший банк.

ИОСИФ. Нет уж, извините, «Леуми» – самый лучший банк в Израиле.

ЭЛИЭЗЕР. Да ладно, не спорь. Давайте выпьем за наш народ. И за нашу страну.

ХАВА. Отличный тост. (Пьют). Какое счастье, что есть страна Израиль. Мы с мужем приехали в семьдесят первом году после отказничества. Голые и босые. Но нам помогли, мы получили квартиру, работу. И, наконец, сумели купить себе этот домик.

ИОСИФ. «Домик?!» Домина! Домище! Два этажа, двор, махсан, подвал.

ХАВА. Здесь был только один этаж. Мой покойный (плачет), мой муж своими руками построил все остальное. Я помогала ему, как могла. И еще приходилось нанимать подъемный кран для тяжелых ... этих ...

ИОСИФ. Конструкций.

ХАВА. Да, конструкций. И несколько раз нанимали рабочих.

ИОСИФ. Арабов?

ХАВА. Да.

ИОСИФ. Вы с мужем – молодцы. Кстати, можно пройтись по вашему дому, посмотреть его более пристально?

ХАВА. Какой вы неугомонный! Бедная жена ваша! Идите, смотрите. (Иосиф уходит. Молчание затягивается). Кажется, я вам не понравилась, Лазарь? Угадала? И дом – старый. Ремонта требует. Верно? И собака здоровенная. Да?

ЭЛИЭЗЕР. Гм. Понимаете ...

ХАВА. Ничего не говорите. Не утруждайте себя. Я все понимаю. Но вы не все видели. У меня козочка есть, куры. Козочка дает молочко полезнейшее, а куры несут прекрасные яйца. Конечно, за всеми нужен уход. Но собирать яйца и доить козу я вас не заставлю. За вами будут только корма. Зато вы будете питаться прекрасной натуральной пищей. А резать кур для обеда, когда надо будет, я прошу шойхета. Варить и жарить кур тоже буду я. Вы только их ощиплете.

ЭЛИЭЗЕР. Мне не хочется вас обижать, но ...

ХАВА. Я уже поняла, что не нравлюсь вам. Жаль. А вы мне понравились. Кто вы по специальности?

ЭЛИЭЗЕР. Инженер-строитель. Был в Союзе главным инженером строительно-монтажного треста, а здесь попытался быть кабланом,

но конкуренты разорили, угробил все сбережения, которые сумел притащить. А тут у жены - рак, растаяла за год. Сейчас в Раанане шесть подъездов убираю, заработка хватает. Есть автомобиль «Субару». Квартирка есть: салончик, кухонька и две спальни.

ХАВА. Собственная квартира?

ЭЛИЭЗЕР. Нет, схар-дира. Мы с женой снимали ее долго, хозяин - хороший мужик, плату не повышал. Когда ... (пауза) после ... (пауза) остался там же. И вспоминал ...

ХАВА. Вы сильно любили свою покойную жену?

ЭЛИЭЗЕР. Сначала - да, а потом была скорее крепкая привычка. Она была очень хорошая. Как родная. Понимаете?

ХАВА. Понимаю. И сочувствую. Я тоже любила мужа. Он был славный. Настоящий еврей: умный, сильный, заботливый, не мелочный. А как он меня любил?! И я - его! Все было прекрасно, как дивный сон. Но вот ведь судьба! Пьяный мотоциклист! Прямо на переходе ... Муж еще успел оттолкнуть меня. А они погибли. Оба (Плачет). Простите. Не ко времени этот разговор, наверно.

ЭЛИЭЗЕР. Мы приехали в девяносто первом, жена была врач, как и вы, но не стоматолог, а педиатр. Иврит у нее не шел, поэтому она работала как метапелет у одной вредящей старухи. И на мадрегот, на лестнице в подъездах - тоже. Тосковала по работе былой ... любимой

...

ХАВА. И напрасно. Многие наши женщины просто на эту перемену смотрят.

ЭЛИЭЗЕР. Нет, она переживала ужасно. От этого, видно, и заболела. И, как свеча, сгорела. Вы не сердитесь, мне трудно представить себе семейную жизнь с другой женщиной.

ХАВА. Нисколько не сержусь, у меня такая же ситуация. Я ведь почему попросила доктора Мойше найти мне человека? Мне стало страшно одиноко. Я работаю много: деньги нужны. Поэтому устаю, а уснуть не могу. Мужа любимого потеряла. Дочь по глупости оставила прекрасного мужика, она сама виновата. Теперь сюда приехала, и ребенка суд ей оставил. Пока не работает - ищет, где получше. Кормлю ее и внучку. Трудно мне. Да и хозяйство вести не просто. И ... ласки хочется.

ЭЛИЭЗЕР. Да-а-а ... Вы метапелет? Или моете мадрегот?

ХАВА. Нет, я как стоматолог работаю, по специальности. Разве вы не видели вывеску на фасаде?

ЭЛИЭЗЕР. Как это вам удалось?

ХАВА. Ивритом овладела еще там, на доисторической родине. Учил нас с мужем мой покойный отец, он знал иврит великолепно, читал свободно Тору. Его мечта была - Израиль, и она сбылась, мы оформились ... Он все боялся, что **т а м** в какой-нибудь инстанции передумают, что нас не выпустят.

ЭЛИЭЗЕР. Понимаю. Я тоже боялся этого.

ХАВА. Перед самым вылетом отец почувствовал себя плохо, вызвали «Скорую». Ему что-то впрыснули, как будто стало лучше. Я уже хотела остаться, но он уперся: летим сейчас, только сейчас! В самолете ему снова стало плохо, но мы с мужем купировали этот

приступ. А когда в аэропорту мы ждали оформления документов, он вдруг страшно крикнул – и упал. Появились местные медики, но им уже осталось лишь констатировать смерть.

ЭЛИЭЗЕР. Инфаркт?

ХАВА. Да, обширный инфаркт. (Входит Иосиф. Садится к столу. Наливает рюмку. Выпивает). Ну, Иосиф, как вам мой домик?

ИОСИФ. Армон! Дворец ... Но какой? Развалины Помпеи. Срочно требуется капитальный ремонт. Лазарь, как ты считаешь, *подрядимся мы по благу отремонтировать ту хату? Поработаем вдвоем, много денег не возьмем.* А? Давай-ка сам его осмотри, да как следует. Тебе здесь жить, а не мне.

ЭЛИЭЗЕР. Вы позволите, Хава?

ХАВА. Конечно, посмотрите, я буду вам благодарна. (Элиэзер уходит). Я не понравилась вашему другу. Дом и двор тоже, кажется, не пришлись ему по душе. А еще, думаю, не понравилось то, что здесь живут моя дочь и внучка. Может быть, он лодырь?

ИОСИФ. О нет! Он великий труженик. Но после смерти жены ...

ХАВА. Я знаю. Знаю. Что же вы мне посоветуете? Продолжить наши масау-матан, переговоры с ним, или попрощаться с ним по-дружески навсегда? Я вам доверяю почему-то, хоть вы и болтаете много.

ИОСИФ. Ваша дочь скоро придет?

ХАВА. Нет, мы договорились с ней, что сегодня она до самого вечера будет гулять с внучкой по Тель-Авиву. Вы же понимаете ...

ИОСИФ. Понимаю. Вот что. Дам вам совет. И совершенно бесплатно. Я сейчас как бы вспомню про дела и удеру. А вы решительно идите на штурм. Если Лазарь вам действительно понравился.

ХАВА. Как это «на штурм»? Нельзя ли поточнее?

ИОСИФ. Ну, это ... Обнимите нежно... Поцелуйте его нежно и страстно ...

ХАВА. Но я же ему не нравлюсь! И вообще это нехорошо. Мужчина – активная сторона. Всегда. Это – природа. Женщина должна либо поломаться и поддаться, либо отказать мужчине сразу наотрез. Но не ринуться в атаку.

ИОСИФ. Чушь. Дикая чушь! Средневековье! Двадцать первый век на дворе. Не давайте ему рассуждать, вперед и только вперед! Действуйте! Но не словами! Губами! Руками! И так далее.

ХАВА. Так вот сразу? Без его предварительного ухаживания за мной, без нашего узнавания вкусов и взглядов друг друга, без выяснения нашей совместимости по взглядам и по вкусам?

ИОСИФ. Что? Может быть, еще и по гороскопу? По европейскому, по китайскому и японскому, по картам Таро? Еще каким-то образом?(сердито машет рукой). Опомнитесь, Хава, вы же цивилизованный человек!

ХАВА. Есть еще и ... сексуальная совместимость. О ней вы не забыли? А что если ваш друг ...

ИОСИФ. Нет, нет, мой друг Лазарь – не импотент. Впрочем, на сто процентов не ручаюсь ни за кого. Проверьте сами на практике. Практика – критерий истины, как говорят классики марксизма-ленинизма, брենен золн зей, чтоб они сгорели.

ХАВА. И зачем я затеяла это сватовство? Ну скажите мне – зачем? И как это все правильно решить?...

ИОСИФ (напевает на мотив «Тумбалалайки»). Вэймэн цу неймен ун ныт фаршемен? Вэймэн цу неймен ун ныт фаршемен? Берите Элиэзера. Не ошибетесь. Он не болтлив, деловит. Хороший хозяин. Он добрый человек. И это – главное. А секс – в порядке. Он изголодался. Как и вы, думаю. Все, я удаляюсь. Успеха вам! Вперед!

ХАВА. Всего доброго. Не обессудьте ...

ИОСИФ. Да ладно! Я ведь и для него старался! Друзья же мы. Ему будет хорошо с вами. Я уверен. Вперед! На штурм! Успеха!

Иосиф уходит. Возвращается Элиэзер. Садится за стол. Наливает стопку. Выпивает. Пересаживается на диван рядом с Хавой. Снова идет к столу. Закусывает. Возвращается на диван. Молчит. Хава подсаживается поближе к нему.

ХАВА. Ваш товарищ уехал, какое-то срочное дело. Я поняла, милый Лазарь, что не нравлюсь вам как женщина. Мое имущество тоже вас не интересует. Даже пугает. И вы не знаете, как мне сказать обо всем этом, чтобы меня не обидеть. Хорошо, не женитесь на мне. Но вы мне очень понравились, и я хочу поцеловать вас на прощанье. Один поцелуй. Только один. (Целует Элиэзера – долго и страстно). Все. До свиданья. Вернее, прощайте.

ЭЛИЭЗЕР. Гмм ... Нне ... Не торопитесь, Хава. Вы не совсем поняли ... Знаете, что? Давайте выпьем на брудершафт. Нам будет легче общаться на «ты», как все здесь в Израиле общаются. И тогда... Тогда ... Я налью. Один момент!

Элиэзер встает и идет к столу. Хава поднимается с дивана, отнимает у него стопку, ставит ее на стол, обнимает Элиэзера и снова целует его. Это длится некоторое время. Элиэзер жарко обнимает Хаву, она гуляет руками по его телу.

ХАВА. Я чувствую твое желание, Лазарь. Оно такое сильное! Иди ко мне, милый! Ну иди же! (Он пытается раздеть ее). Нет, не здесь, глупенький! Не здесь! В спальне! Милый, миленький! (Жарко целует его и тянет в спальню). Скорее! Скорее! Скорее! (Лает собака. Зло. Громко и басовито.) Не обращай внимания, мы включим музыку. Милый, милый (жаркие объятия). Туда, туда! В спальню! Собака – потом, потом, потом!

ЭЛИЭЗЕР. Да! Да! Да!

Уходят, обнявшись. Тут же раздается музыка, очевидно, из телевизора или радицентра. Она звучит все громче и, наконец, полностью заглушает собачий лай.

ЗАНАВЕС.

ПРИЗНАНИЕ В ИЮНЕ

ОДНОАКТНАЯ ПЬЕСА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Вера Барина, преподаватель, 29 лет
Алексей Барин, инженер, ее муж, 34 года
Голоса соседей по коммунальной квартире
Голос В.М. Молотова

Действие происходит в Москве 22 июня 1941 года около полудня

Комната в коммунальной квартире. Обстановка: стол, раздвижной диван, шифоньер с зеркалом, три стула, тумбочка, на которой стоит радиоприемник «СИ-235». Антресоли с винтовой лестницей, на которых видны детская кровать и вторая тумбочка. Дверь в коридор. Окно. Алексей чистит ножом яблоко, отрезает кусочки и читает газету «Известия».

АЛЕКСЕЙ. Так, так. Это ясно, это ясно. Хорошая газета «Известия» (читает вслух). «Новый стадион в Киеве. Киев, двадцать первое июня. По телефону от собственного корреспондента. Завтра в Киеве открывается новый республиканский стадион. Указом Президиума Верховного Совета СССР ему присвоено имя товарища Эн Эс Хрущева. По отзывам мастеров спорта, новый республиканский стадион является ...» Ладно, ясно. А что там в мире империализма в сорок первом году творится? Гниет капитализм, разлагается? Посмотрим, посмотрим.

Открывается дверь, и в комнату входит Вера с двумя чемоданами. Опускает чемоданы и стоит, как вкопанная.

АЛЕКСЕЙ. Верочка, что случилось? Я ждал тебя только через три дня.

ВЕРА. Алеша ...

АЛЕКСЕЙ. Как мама? Как папа? Все в порядке? Деревня надоела тебе? Да? Поэтому вернулась раньше времени? Подойди, я обниму тебя.

ВЕРА. Алеша ...

АЛЕКСЕЙ. Понял, понял. Виноват, я сам к тебе подойду и обниму.

ВЕРА. Нет, не подходи! Я должна тебе что-то сказать!

АЛЕКСЕЙ. Почему я не должен подходить? И что ты хочешь сказать?

ВЕРА. Мы должны разойтись! (Плачет). Мы не можем больше быть вместе. Не можем.

АЛЕКСЕЙ. Вера! Да что же стряслось, в самом-то деле? Зачем нам расходиться, если мы любим друг друга и имеем сына-пионера?

ВЕРА. Хорошо, что Коля в пионерском лагере. Он не должен слышать этого разговора, не должен!

АЛЕКСЕЙ. Хватит загадок! Что стряслось?

ВЕРА. Я тебе изменила.

Пауза.

АЛЕКСЕЙ. Что? Что! Что ты сказала? Я не ослышался? Повтори.

ВЕРА. Я тебе изменила. (Плачет все сильнее, опускается на пол). Прости меня, милый. Прости! Я ... Я ... Все пропало! Лучше бы я умерла!

АЛЕКСЕЙ. Если ты ... если ты ... Лучше бы ты и в самом деле умерла. Как это случилось? Говори! Нет, нет, молчи, молчи! А то я убью тебя.

ВЕРА. Убей! Пусть лучше Коля сиротой будет, чем ...

АЛЕКСЕЙ. Вот как?! Хватит и того, что я сирота. Ах, ты гадюка, ах ты тварь, как же ты допустила? Как ты там о сыне не подумала, если уж решила мужу изменить? И зачем призналась мне? Зачем? Зачем, я тебс спрашиваю?

ВЕРА. Я никогда не хотела изменить тебе! И я не решила, я не думала, я не хотела! Так случилось! Но все равно, теперь нам не быть вместе! И ты не сможешь. И я не смогу. За что, за что мне такое?!

АЛЕКСЕЙ. Вон оно что! Тебя изнасиловал кто-то? Назови, я убью его.

ВЕРА. Напоили меня (рыдает). Лучше убей, но не спрашивай ни о чем.

АЛЕКСЕЙ. Говори, раз уж начала. Говори, кто и как ... Правду говори!

ВЕРА. У мамы девятнадцатого июня – день рождения. Юбилей, пятьдесят лет. Я ей в поле цветов нарвала ...

АЛЕКСЕЙ. Не тяни!

ВЕРА. Сели за стол, стали здравицы произносить. Я не хотела пить эту гадость ... самогон. Заставили. Мне стало плохо, я ушла и легла ...

АЛЕКСЕЙ. И он – с тобой? Кто с тобой лег? Кто? Кто, спрашиваю?!

ВЕРА. Я уснула, как провалилась в пропасть. А когда проснулась, то он (рыдает)... Он уже ... Прости, Лешенька. Прости меня, дуру! Я уйду, я не хочу, чтобы ты меня видел и страдал ...

АЛЕКСЕЙ. Страдал? Ты не то слово нашла. Кто он? Кто этот гад?

ВЕРА. Дядя мой, Федор, двоюродный брат мамин.

АЛЕКСЕЙ. Этот бык-производитель? Как я сразу о нем не подумал? Он, подлый, все время на тебя пялился, когда мы приезжали в деревню. Разрублю башку ему - или я не я! Сейчас же туда поеду!

ВЕРА. Не надо, Лешенька, он убьет тебя, ты с ним не справишься ... Все равно уже ничего не изменится ...

АЛЕКСЕЙ. Заткнись! А почему ты не закрылась в горнице, если тебе плохо было? Почему? Не знала, что пьяные мужики все могут?

ВЕРА. Я и подумать не могла ...

АЛЕКСЕЙ. Врешь! Видела ты взгляды этого борова, видела, знала! У-у, подлая душа! (хватает нож, которым чистил яблоко). Сдохни же ты первая!

Стук в дверь.

ГОЛОСА: Эй, люди, включайте радио! Война! Война! Слушайте радио! Алексей, включай свой приемник! Война! Гитлер напал на нас! Лешка! Баринов, проснись! Война!

(Далее до самого финала время от времени слышны голоса за дверью.)

Алексей роняет нож на пол. Нетвердыми шагами идет к приемнику, включает его. Слышен шум, визг, голос по-немецки перечисляет захваченные пункты – и наконец четко и ясно слышен голос Молотова.

ГОЛОС МОЛОТОВА. ... В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству, что Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной.

ВЕРА. Господи, помилуй ...

ГОЛОС МОЛОТОВА. По поручению правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы и поэтому сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. Такой же ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта.

АЛЕКСЕЙ. Прошляпили, проворонили наши ротозеи! А ведь видно было!

ВЕРА. Тише, услышать могут.

ГОЛОС МОЛОТОВА. Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ — отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины. Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией ...»

Алексей выключает приемник. Садится на стул. Смотрит на жену, все еще не поднявшуюся с пола. Долгая пауза.

АЛЕКСЕЙ. Два таких удара в один день ... Встань, Вера, хватит. Не до того теперь Встань, бедная моя. Подойди ко мне.

ВЕРА. Я не смею.

АЛЕКСЕЙ. Подойди! (Вера подходит к Алексею. Он встает, притягивает ее к себе). Попрощаемся. Мое место – на фронте. Муж твой – сапер. Значит, вряд ли вернется домой живым или целым.

ВЕРА. Нет! Нет! Ты будешь жить! Будешь! Я стану молиться за тебя днем и ночью. А если уж не целым вернешься, до конца дней моих стану о тебе заботиться. Любимый мой, Лешенька!

АЛЕКСЕЙ. Николеньку береги. Он ведь у нас впечатлительный, как девочка, в тебя пошел. Стихи его читала? Ты ведь, Вера, литературу преподаешь, поэтому должна понять, есть ли талант у сына – или это просто так, баловство ребенка. Если есть талант, то его надо развивать. А то пропадет ни за грош талант этот...

ВЕРА. Леша, милый! Ты ведь можешь получить отсрочку от призыва, ты ведь классный инженер по военной технике...

АЛЕКСЕЙ. Могу. Но не хочу. Мое место – на фронте. Или грудь в крестах, или голова в кустах, как мой отец говаривал. До тридцать восьмого года ... И вообще я не смогу отсиживаться. Не смогу.

ВЕРА. Сегодня – выходной. Военкомат не работает.

АЛЕКСЕЙ. Война, Вера! Война! Они уже в военкомате все на местах. Я уверен. Ты что, не слышала только что речь Молотова?

ВЕРА. Почему ты ее не дослушал, Леша?

АЛЕКСЕЙ. Зачем? Главное услышал: «Отбить разбойничье нападение!» И поэтому иду в военкомат. Немедленно заведи Николеньку из лагеря!

ВЕРА. Зачем? Там ему хорошо!

АЛЕКСЕЙ. Пусть будет при тебе (быстро собирает вещи). Ну, я пошел. Прощай, Вера! Жаль, что у тебя так вышло. Вернусь живой – убью твоего дядю. Изгадил он любовь нашу чистую. И нет ему прощения от меня, и никогда не будет.

ВЕРА. Будь он проклят!

АЛЕКСЕЙ. Да уж. Ладно, пошел я. Не поминай лихом.

ВЕРА. И ты меня (плачет). Вернись живой, я буду за тебя молиться.

АЛЕКСЕЙ (идя к двери). Ты же не веруешь, ты же атеистка, Вера.

ВЕРА. Меня крестили родители. Я не ходила в храм, потому что ... как и все ... Но буду ходить. За тебя молить ...

АЛЕКСЕЙ. Меня не крестили. Коммунисты были родители, атеисты. Оба погибли в Гражданскую, осиротел я. Да ты знаешь. Давай посидим.

Садятся на сдвинутые стулья. Молчат. Первым поднимается Алексей.

АЛЕКСЕЙ. Все. Вперед!

ВЕРА. С Богом! Я буду молиться за тебя!

Стук в дверь. Женский плач. Мужские голоса, наперебой.

ГОЛОСА. Баринов, ты идешь в военкомат? Леха, айда с нами на фронт проситься! Эй, сосед, собирай необходимое, три минуты тебе – и с нами в комиссариат! Алле, капитан-сапер, армия ждет тебя! И глоток водки!

Вера бросается к Алексею. Обнимает его.

ВЕРА. Лешенька, родной! Господь храни тебя! И Матерь Божья! Тебя одного любила и люблю! И ждать буду тебя до самой моей смерти!

Алексей высвобождается из ее объятий, открывает дверь - и вдруг сам горячо обнимает Веру, затем резко поворачивается, уходит.

Тихо звучит песня А. Александрова на слова В. Лебедева-Кумача «Вставай, страна огромная». Звучание все нарастает.

Вера осеняет крестным знаменем как бы видимого ею в двери мужа. Все осеняет и осеняет.

Очень медленно закрывается занавес.

ЕГО ЛЮБОВЬ

ОДНОАКТНАЯ ПЬЕСА

Действующие лица:

Леонид Верховский – поклонник

Елена Полевина. Лена – актриса

Гримуборная Лены. Лена всматривается в зеркало.

ЛЕНА. Вот еще одна морщинка появилась. Вчера еще ее не было.

ЛЕОНИД (кому-то, кто задерживает его, врываясь в гримуборную к Лене).

Я на минуту, только на минуту! Отстаньте от меня!

ЛЕНА. В чем дело? Что вам нужно?

Хватает со стола баллончик. Направляет на Леонида.

ЛЕОНИД. Леночка, опусти баллон. Я не враг твой.

ЛЕНА. Ленька, ты? Вот сюрпиз! Однако же ты стал нахалом, бывший тихоня. Проходи, проходи. Садись рядом со мной.

ЛЕОНИД. Я только на минуту. Я к тебе с предложением.

ЛЕНА. Ну-у, так уж и на минуту. Поди, захотел переспать со звездой эстрады? Признавайся, бывший отличник!

ЛЕОНИД. Нет, все гораздо серьезнее. Но я только минуту у тебя отниму.

Вот письмо (протягивает Лене книгу). Оно кровью сердца написано.

ЛЕНА. Это же не письмо, это – довольно толстая книга.

ЛЕОНИД, Но вся эта книга ... она - мое письмо к тебе. С детских лет.

ЛЕНА. И что же ты пишешь? (читает обложку). Леонид Громов. (Леониду).

Насколько я помню, ты не Громов, а Верховский. Ну да, это ты сообразил для рекламы. Конечно, Громов звучит. (раскрывает книгу, быстро листает). Стихи, стихи ... И все это мне? (останавливается на одной странице наугад, читает).

И прежнею голубкою невинной
Застыла ты в глуби души моей,
Мне суженой желанной половиной
От свадьбы и до окончанья дней.

Нашел тоже голубку невинную. Это - мне? Это - обо мне? Ты меня любишь? И давно с тобой случилось это несчастье?

ЛЕОНИД. Я полюбил тебя еще в детском садике. То была любовь детская, но она росла. В школе я так мечтал хоть один урок посидеть за одной партой с тобою! (Пауза). А ты почитай мои стихи, и если понравятся, подумай обо мне - и позови. Я тут же прибуду ... припаду к ногам твоим. На первом листе – посвящение и телефон. Сотовый – тоже. Есть автоответчик.

ЛЕНА. Если бы ты знал, Ленька, до чего я устала! От концертов, от поклонников, от завистников. А тут еще ты со своей нежданной любовью ... Неужели мы не можем просто встретиться где-нибудь, посидеть, выпить и закусить, вспомнить нашу школу, ребят, учителей? Просто поговорить. Без всяких любовных признаний. Мне надоели все эти признания, все эти приставания, коленопреклонения, обещания осчастливить ...

ЛЕОНИД. Есть разница. Они влюбляются в звезду, влюбляются по сцене. А не по жизни. Я же любил тебя, когда ты еще не была звездой. Стихи тебе я начал писать еще в седьмом классе. Но боялся вручить тебе, насмешки твоей боялся ...

ЛЕНА. А сегодня не боишься?

ЛЕОНИД. А сегодня ... Сегодня просто решил подарить тебе мою книгу, которая издана в позапрошлом году и, говорят, имеет успех. Ты в ней все поймешь.

ЛЕНА. Да не стану читать всю книгу. Ты, Ленька, идеалист. Как был ты отличником и тихоней, так и остался. Да, а почему ты мне сразу не подарил эту книгу, если ее уже два года читают другие люди. Я обижена.

ЛЕОНИД. Понимаешь, тут такое дело ... В общем, был я в местах отдаленных ...

ЛЕНА. Ты сидел?

ЛЕОНИД. Я работал. Хотя и сидел. Я работал, как почти все ээки.

ЛЕНА. Ты серьезно? Ты не шутишь? Ты был ээком?

ЛЕОНИД, К сожалению, не шучу.

ЛЕНА. За что посадили? Занялся бизнесом и попался? Или украл что-то дорогое?

ЛЕОНИД. Да нет, меня за хулиганство посадили.

ЛЕНА. Тебя? За хулиганство? (хохочет). Я так и думала, что ты шутишь. Выдумщик.

ЛЕОНИД. Не шучу я. Один мерзавец осмелился в моем присутствии говорить о тебе всякие мерзости. Ну, я его осадил, но словесно, а он полез в драку, и я сумел его одолеть. Но при этом сильно его травмировал. Меня и посадили ...

ЛЕНА. Что я слышу? Ты дрался? Не могу себе представить!

ЛЕОНИД, Видишь ли, я несколько лет занимался восточными единоборствами, и оказалось, что у меня это хорошо получается. Я до этого никогда не применял своих знаний. Не приходилось. А тут он меня довел, этот нахал!

ЛЕНА. Ты вступился за меня? Зачем? Пусть бы лаял. Знаешь, сколько таких?!

ЛЕОНИД. Он посмел тебя чернить при мне. Понимаешь, при мне! Я не должен был драться с ним, я просто резко высказался. Но он сам полез. Я только защищался.

ЛЕНА. Здорово же ты защищался: травмировал так, что срок за это получил. И долго ты пробыл в заключении?

ЛЕОНИД. Нет, всего полтора года. Я хорошо вел себя, кроме того, я ведь инженер-электрик, и я там много работы провернул. Из-за этого меня даже задержать хотели несмотря на хорошее поведение, но все же вышел досрочно.

ЛЕНА. Да, меняются люди. Ты вот стал инженером, единоборствами овладел. Срок отсидел. Неужели так здорово научился драться?

ЛЕОНИД. Да, я хорошо работал. Я собирался сдать экзамен на черный пояс по карате, но вот ведь как получилось ... Посадили, а когда вышел, не до этого стало.

Скажу тебе правду: я ради тебя пошел в секцию, тебя хотел удивить ...

Надеялся, что это меня в твоих глазах поднимет. Что ты меня

выслушаешь, поймешь скорее, если я буду не таким тихоней и паинькой ... Женщины ведь не любят робких.

ЛЕНА. Это так. Мы не любим ни робких, ни хилых, ни зануд. Но ты зря старался. Я прошла большую и трудную школу жизни. Меня мужчина сегодня интересуется только, как средство преодолеть трудности. И только. Для меня давно нет сказки о любви, верности и преданности.

ЛЕОНИД. Не может быть, ты не такая. Ты особая. Ты ... моя любимая ... Лена, Лена!

ЛЕНА. Ну, хватит. Не получилось у нас хорошего разговора. Ты хоть и заработал черный пояс, а остался тем же нюней, маменькиным сыночком. (Пауза). Хотя и научился драться. А хочешь, мы проведем с тобой ночь любви? А? Посмотрим, на что ты способен! А? Или ты импотент?

ЛЕОНИД. Сколько стоит твоя ночь любви?

ЛЕНА. Ты получишь ее бесплатно, вернее, в благодарность за твою книжонку.

ЛЕОНИД. Почему же бесплатно? Книжонка моя для тебя – тьфу, она не в счет. Итак?

ЛЕНА. Да не хорохорься, Ленька. Тебе не оплатить мою ночь!

ЛЕОНИД. Сколько?

ЛЕНА. Сто тысяч долларов.

ЛЕОНИД (вынимает бумажник, достает чековую книжку). Вот я тебе даю чек на сто тысяч долларов, чтобы не было одолжений мне от тебя.

(Подписывает и протягивает чек Лене). Держи. Купишь себе что-нибудь.

ЛЕНА. Смеешься? Приду в банк, а мне скажут, что на твоём счете гулькин ...

ЛЕОНИД. Молчать! На моих счетах в разных банках в России и за пределами столько, что тебе и не снилось!

ЛЕНА. Ого, как мы заговорили! Ну не лезь в пузырь. Как это ты вдруг разбогател? Мне и впрямь невдомек.

ЛЕОНИД. Все просто. Когда меня впихнули в камеру, меня хотели опустить. И я их разметал так, что всех пришлось ремонтировать. А пахан, который был зрителем, удивился, потолковал со мной – и я ему понравился. Я ему помог кое в чем ...

ЛЕНА. А поточнее нельзя?

ЛЕОНИД. Можно. У него зазноба была на воле, и я от его имени сочинял стишки. Они возымели положительный эффект – и пахан дал мне рекомендацию ...

ЛЕНА. Рекомендательное письмо?

ЛЕОНИД. Не так. Просто, когда я вышел и явился к известному во всем мире бизнесмену, тот меня уже ждал.

ЛЕНА. Да-а ... Если не врешь ...

ЛЕОНИД. Не вру. Бизнесмен дал мне акций на большую сумму, я стал акционером. А как инженер-электрик крепко помог фирме в одном не простом изделии. Стал как бы внештатным энергетиком этой фирмы. Акции у меня становилось все больше. Счет мой в банке разбухал. Расхрабрившись, я стал вкладывать свои деньги в разные бизнесы в России и за рубежом. И удачно вкладывал.

ЛЕНА. У тебя есть яхта?

ЛЕОНИД. И не одна. И круизный лайнер. И нефтеналивные ...

ЛЕНА. И ты все еще меня любишь? Я же ... я же ... Ты же ничего не знаешь! Ничего!

ЛЕОНИД. Я все о тебе знаю. И как ты пролетела по пьянке. И как через диван попала в хор, а потом и солисткой стала. И кто тебя раскручивал. Знаю. Все. Но люблю. Сколько женщин у меня было, Лена! И продажных бедняжек, и честных давалок, и девиц влюбленных, и дам замужних. Всяких. Так нет же, не сумели они убить любовь к тебе. Сам удивляюсь. Я ведь теперь другой человек. Не тот, кого ты знала когда-то.

ЛЕНА. Вижу. Только понять не могу, как этот другой человек продолжает слюняво любить меня, такую ... Не стыкуется это в моем сознании. Ладно.

ЛЕОНИД. Значит, я купил ночь твоей любви? Ты взяла чек – плати. Где ляжем?

ЛЕНА. Ничего ты не купил. Возьми свой чек обратно. Наврала я тебе про ночь за сто тысяч. И вообще не хочу я тебя такого, каким ты стал. Не хочу – и все.

ЛЕОНИД. Так не пойдет. Ты взяла чек. И ночь – моя.

ЛЕНА. Нет! Не будет так! (берет сигарету, прикуривает от зажигалки, затем поджигает чек). Вот твой чек где. Фу-фу. Ты свободен. Я – тоже.

ЛЕОНИД. Это поступок. Ай да Леночка! Ай да любовь ты моя! Выходи за меня замуж! Что мне мои богатства без тебя?! Ведь все, все ради тебя делалось! Ласточка моя! Голубка! Рыбка! Две жены было у меня, ни с одной не смог от тебя уйти! И детей не хотел от них. Брось ты эстраду, ну ее! А не хочешь бросить – продолжай. У нас семья будет, детки будут, я же знаю тебя настоящую! Ты же не такая, какой тебя делают! Леночка, девочка моя!

ЛЕНА. Как ты сказал? Девочка? Давно это было. Леночка, милый, не смогу я стать снова такой, как была. Не смогу, хороший мой. Не знать нам с тобой счастья. Прости. Спасибо за любовь твою удивительную, тронул ты меня, поднял высоко. Но не смогу я быть тебе женой верной, не смогу я детей воспитывать ...

ЛЕОНИД. Сможешь, сможешь. Если в тебе есть хоть капля доброго чувства ко мне ...

ЛЕНА. Дурак ты несчастный! Да я всегда тебя любила! Еще в детском садике. И в школе, как и ты, мечтала за одной партой сидеть ... Не вышло, иначе судьба распорядилась. И со мной, и с тобой. Сколько лет я о тебе все думала, глупый! А ты все не шел и не шел ко мне. Все доказать что-то хотел. Вот и додоказывался. Что ни я, ни ты не остались теми, кого любили мы. Встань с колен, миллионер.

ЛЕОНИД. Не миллионер я. Миллиардер. Правда, тайный.

ЛЕНА. Не все ли равно? Встань, пожалуйста. Войти могут. Увидят. Спасибо тебе за книжку, от корки до корки перечитаю. А женой твоей – не буду. Не смогу. Прости. И не надо об этом больше. Об одном только попрошу тебя, давай сегодня будем вместе. Всю ночь. Хватит сил твоих?

ЛЕОНИД. Абсолютно уверен. Может быть, после нашей ночи ты передумаешь и примешь мое предложение. Наследник мне нужен. И только от тебя. Только от тебя.

ЛЕНА. Милый, главное сегодня – это наша ночь любви. (встает, подходит к Леониду). Поцелуй меня, оборотень! Поцелуй, наконец! Что же ты окаменел?

ЛЕОНИД. А если войдут?

ЛЕНА. Пусть. Пусть входят. Пусть! Эй, вы, входите, все входите! И смотрите!

Поцелуй под закрывающийся занавес.

ДОПРОС КОМБРИГА

ОДНОАКТНАЯ ПЬЕСА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Самуил Штаркман, комбриг

Иван Трухан, следователь

Лев Шнейдер, следователь

Охранник

Действие происходит в кабинете следователя в Москве, на Лубянке, в июле 1941 года.

Кабинет следователя. Стол, стул, табурет для заключенного. В кабинете лейтенант Трухан, комбриг Штаркман, охранник с винтовкой у двери.

ТРУХАН. Ну, враг народа, признаешься ты, наконец, в том, что хотел взорвать Каменный мост в Москве и убить нашего дорогого вождя товарища Сталина?

ШТАРКМАН. Я уже сказал тебе, лейтенант, что оговаривать себя не стану. Я дальневосточный казак, хоть и еврей, я комбриг Красной армии, я воевал на Хасане и на Халхин-Голе, я воевал в Испании ...

ТРУХАН. Не хвались, жид!

ШТАРКМАН. За жида ответишь, следователь.

ТРУХАН. Не смей. Ты, контра, есть враг нашего народа и подлежишь лагерям или расстрелу. А я твой следователь. И воин, который у двери, никогда не подтвердит эту твою ложь, что я тебя, жид поганый, обзывал жидом. Потому что он думает так же, как я ... Так что сознавайся покороче, а то у меня еще много дел сегодня.

ШТАРКМАН. Пошел ты ...

Трухан делает знак охраннику, тот бьет Штаркмана по голове прикладом. Штаркман падает.

ТРУХАН. Мог бы и не так сильно. Убил его, что ли?

ОХРАННИК. Нет. Оглушил только. Они, жида, живучие.

Трухан льет воду из графина на голову Штаркмана.

ШТАРКМАН (поднимаясь). Я подам рапорт вашему начальству.

ТРУХАН. Вставай, садись на табурет. Ты еще не представляешь, куда ты попал и что мы с тобой делать будем, контра.

Входит Шнейдер. Трухан вскакивает, отдает честь. Содлат также отдает честь вошедшему. Шнейдер небрежно кивает Трухану, охраннику жестом предлагает покинуть кабинет.

ШНЕЙДЕР. Ты, Иван Матвеевич, тоже свободен. Придешь (смотрит на часы) через двадцать минут, а я с ним один на один побеседую.

ТРУХАН. Но ведь я веду допрос. Этот враг народа не хочет сознаваться ...

ШНЕЙДЕР. Я кому сказал? Через двадцать минут. Не раньше и не позже. А с врагом народа я сам побеседую.

Трухан удаляется, погрозив кулаком Штаркману и молча приложив палец к губам.

ШНЕЙДЕР. Так, враг народа Штаркман, ты, значит, не хочешь по хорошему сразу во всем сознаться? Тебя еще не били, не пытали? Ты еще на что-то надеешься?

ШТАРКМАН. И ты, Лев Абрамович, туда же! Ты ведь прекрасно знаешь, что я никакой не враг народа. Я воин, командир, коммунист с тысяча девятьсот ...

ШНЕЙДЕР. Ошибаешься, Самуил Маркович, я прекрасно знаю твои военные заслуги, но я также знаю, что ты, дурак, по пьянке хвастался, какой ты умный и смелый, какой заслуженный комбриг. Знаю, что ты возмущался, мол, комбриг – это прослойка между полковником и генерал-майором, а тебе, мол, давно уже должны были бы присвоить генеральское звание ...

ШТАРКМАН. Мне читал следователь эту подлую клязу. Там такое нагорожено!

ШНЕЙДЕР. Не клязу ты читал, а информацию. От нашего секретного сотрудника. ШТАРКМАН. От вашего подлого стукача.

ШНЕЙДЕР. Ах, Штаркман, Штаркман, служил ты хорошо, да вот зазнался и поэтому связался с английской разведкой. Хорошо, что не с немецкой, а то мы бы тебя враз поставили к стенке. Война идет, подлый враг наступает, к Москве рвется, а ты ...

ШТАРКМАН. Лев Абрамович! Пустите меня на фронт! Дайте мне мою бригаду. Все поляжем, но не пустим врага в столицу.

ШНЕЙДЕР. Раскудахтался. Какой тебе фронт? Ты же предатель, враг народа! Вот что я, бывший твой соратник по Красной Армии, посоветую: не тяни резину, признайся, подпиши – отсидишь немного в лагере и тогда уж попросишься на фронт. Рядовым бойцом. И примешь смерть на поле боя, как герой, если потребуется. Подпиши!

ШТАРКМАН. Ничего я не подпишу! Какой я враг? Какая английская разведка? Ты поверил этой напраслине? Вижу, что не поверил. Но стараешься быть святее папы римского, потому что ты – такой же жид, как и я. Трухан не только жидом меня обзывал, он велел охраннику бить меня, сволочь.

ШНЕЙДЕР. Послушай, комбриг, ты зря упрямишься. Трухан тебя будет пытаться. Мучительно. Возможно, изуродует. А кончится все тем же: подпишешь. И получишь пулю в затылок.

ШТАРКМАН. Никто не добьется от меня подписи. Лучше я умру от пыток, чем дам какой-то гниде победить меня. Эта сволочь Трухан порох нюхал только на расстрелах. Палач! И ты сам, хоть и гладко стелешь, – ты тоже палач.

ШНЕЙДЕР. Что Трухан – юдофоб, я знаю. Меня он тоже люто ненавидит. Только достать пока не может. Он в моем подчинении. И глаза свои ненавидящие прячет.

ШТАРКМАН. Ничего, он и тебя достанет со временем. Вспомнишь тогда меня. За что мы кровь проливали, Лева? Ты еще не забыл нашу Первую Конную? Лихой ты был рубака. А стал кем? Палачом. С труханами заодно, с душегубами. Опомнись!

ШНЕЙДЕР. А ты кем стал, Самуил? Предателем Советской Отчизны, английским шпионом, на самого вождя нашего, великого Сталина, руку поднял! На самого великого человека, на главного борца с врагами народа, на продолжателя дела великого Ленина. Предателем стал, двурушником. Эх, ты, бывший комбриг ...

ШТАРКМАН. Ушам своим не верю.

ШНЕЙДЕР. Но я тебя жалею, несчастный. Все же мы оба евреи. Наш народ столько терпел при царской власти. Черта оседлости, призыв детей в кантонисты, погромы и ложные обвинения ... Богатые евреи ухитрились жить и в ту пору припеваючи, а сапожники, портные, биндюжники, кузнецы, бочары, заводские рабочие еле-еле концы с концами сводили, да еще дрожали от страха перед погромами ... И кинулись мы с тобой в революцию, и пошли мы за большевиками, за Лениным ...

ШТАРКМАН. Не читай мне политграмоту, чекист. Лучше отпусти меня в камеру, к товарищам. Я даже не успел поговорить с ними, когда меня впихнули туда и через пять минут вызвали на допрос.

ШНЕЙДЕР. Что ты сказал? К товарищам? Да там же одни враги народа, в той камере! Я вижу, что ты не собираешься покаяться и признаться. И выдать всех своих сообщников. Дурак ты, комбриг.

ШТАРКМАН. Я никогда не признаюсь в том, чего на самом деле не было. Меня уже стукнул охранник в этом кабинете. Голова раскалывается.

ШНЕЙДЕР. Идеалист несчастный, ты еще не испытал ничего. Все впереди. Тебя Трухан заставит стоять без сна много суток подряд, тебе он потом даст присесть, но на ножке табуретки. Тебя будут бить кирпичем, заложенным в валенок, резиновой палкой будут охаживать по всем местам болезненным. Ребра переломают.

ШТАРКМАН. Не посмеют, я буду жаловаться товарищу Сталину ...

ШНЕЙДЕР. Дурак ты и недотепа. Сам товарищ Сталин разрешил нам применять к врагам народа меры физического воздействия...

ШТАРКМАН. Врешь!

ШНЕЙДЕР. Ай хэв дан май бест.

ШТАРКМАН. Не понял. Что за тарабарщина? Это идиш?

ШНЕЙДЕР. Я сказал по-английски, что сделал все возможное. Но ты, недоучка, не знаешь главных европейских языков. Теперь, когда я понял, что ты дурак, мне тут больше делать нечего. Но все же напоследок еще

раз скажу: подпиши. Скажу больше: мы твою подпись можем просто подделать. (кричит к двери). Эй!

Входит охранник. Стоит у двери. Шнейдер уходит.

ШТАРКМАН. Почему ты меня стукнул прикладом? Что я тебе плохого сделал?

ОХРАННИК. Я выполнял приказ.

ШТАРКМАН. А если бы тебе приказал Трухан убить меня?

ОХРАННИК. Приказ не обсуждается. Приказ выполняется.

ШТАРКМАН. Ты тоже ненавидишь жидов?

ОХРАННИК. Так точно!

Входит Трухан.

ТРУХАН. Ну и о чем же два жида тут побеседовали? Я об этом доложу, кому следует. Не имел права Шнейдер выгонять меня из кабинета и секретничать с врагом.

ШТАРКМАН. Не обманешь. Я вижу, что вы со Шнейдером ведете со мной игру в два следователя: один – плохой, другой – хороший. Он тоже советовал мне подписать клевету на самого себя. Да так ласково. Ты пугал, и он пугал. Только по-разному.

ТРУХАН. Подписал?

ШТАРКМАН. Конечно, нет. Но вот что я тебе, палач, скажу. Пройдет еще какое-то время – и ты вместе с твоим шефом Шнейдером будете оба здесь на моем месте, а кто-то из ваших подчиненных, возможно, даже этот воин, который меня, безоружного, сзади по башке двинул, будет вас допрашивать как врагов народа – и бить, бить, бить. И мучить всеми способами.

ТРУХАН. А пока это не случилось (и я надеюсь, что не случится), мы из тебя душу вытряхнем, но заставим признаться в том ...

ШТАРКМАН. ... чего не совершал.

ТРУХАН. Именно! (Хохочет – долго, истерически) И ты признаешься. И подпишешь. И мы тебя расстреляем. Да-да, расстреляем. Никаких лагерей, никакого лесоповала. Расстрел! А перед этим будем тебя бить, бить, бить! (Звонок телефона. Трухан берет трубку.) Трухан слушает. (Встает, вытягивается. Отдает честь. Молча кивает головой. (Громко, очень громко). Товарищ генеральный комиссар, все будет исполнено немедленно. (Опускается на стул в изнеможении. Говорит как бы самому себе). Ну, жид, твоя звезда.

ШТАРКМАН. Что стряслось, чекист?

ТРУХАН (тожественно и четко). Товарищ генерал-майор, по указанию Генерального комиссара НКВД товарища Берия вы немедленно отправляетесь в распоряжение командующего шестнадцатой армией генерал-лейтенанта Рокоссовского по его личной просьбе. Вы получаете возможность загладить свою вину перед партией, государством и народом. Вы свободны.

ШТАРКМАН. Рокоссовский? Это человек. Вспомнил боевого товарища. Не то, что палач Шнейдер. Меня выпустят, не задерживая?

ТРУХАН. Так точно. Ваше дело закрыто по личному распоряжению товарища Берия. (Пауза). Возможно даже, что вы ни в чем не виноваты. Не поминайте лихом. Сейчас идут тяжелые бои на фронте. Ситуация, сами понимаете. Не до галантерейного обращения с вра ... С арестованными.

ШТАРКМАН. Конечно. Я все понимаю. Советую вам, лейтенант, не трать время попусту, подать рапорт о вашем горячем искреннем желании отправиться на фронт.

Штаркман выходит.

ТРУХАН. Выскользнул. Как лещ из руки, выскользнул. (Охраннику). Что ж ты его так слабо стукнул прикладом, боец-молодец?

ЗАНАВЕС.

ЛЮБЯЩИЕ ЖЕНЩИНЫ И МУДРЕЦ

Пьеса в одном действии

Действующие лица:

Натан – мудрец, 70 лет

Ривка – вдова, 60 лет

Двора – жена Натана, 60 лет

Салон в квартире Натана и Дворы. Стеллажи с книгами. Стол и стулья. Натан читает талмуд. Входит Ривка. Покашливает.

РИВКА. Здравствуй, Натан. Дверь не была закрыта.

НАТАН. Здравствуй, Ривка. Моя дверь всегда открыта. Что тебя привело?

РИВКА. Мне тяжело. У меня проблема. Вот и пришла.

НАТАН. Шла бы ты к раввину. Это было бы правильно.

РИВКА. Гонишь?

НАТАН. Нет, не гоню. Просто принято к раввину обращаться.

РИВКА. О твоей мудрости все говорят. И хоть ты и не раввин, но ты праведный человек. А главное – умный. Мудрый.

НАТАН. Спасибо. Я прощаю тебе эту лесть. Хотя она приятна. Так что за проблема у тебя?

РИВКА. Я потеряла покой и сон.

НАТАН. Понимаю, ты осталась без мужа, с которым прожила в мире и дружбе полвека.

РИВКА. Да, мы прожили полвека в согласии. Наши размолвки были редкими и долго не тянулись. Три года, как он ушел. Три года. Как быстро летит время.

НАТАН. Помню, как ты убивалась поначалу.

РИВКА. Каждую ночь он мне снился. Каждую ночь.

НАТАН. И сейчас – тоже? В этом проблема?

РИВКА. Нет, не в этом проблема. Не снится мне больше покойный муж.

НАТАН. Что же тебя беспокоит сейчас?

РИВКА. Меня беспокоит моя любовь.

НАТАН. К мертвому?

РИВКА. К живому.

НАТАН. Но твой муж умер. Зихроно ли враха.

РИВКА. Зихроно ли враха. Но я говорю не о нем, а о другом человеке.

НАТАН. Вон оно что. Полюбила другого ... Ну, что же. Прошло уже три года. Вполне можно тебя понять, что ты задумалась о втором браке.

РИВКА. Какой второй брак! Я же сказала тебе, что у меня проблема! Я полюбила мужчину ...

НАТАН. Ну если он тоже тебя любит, то я не вижу препятствий.

РИВКА. Зато я вижу. Он женат.

НАТАН. Это же ... Это же ... Ты понимаешь, что говоришь?

РИВКА. Ко мне пришла любовь, Натан. Это же в такие годы мои! И такая любовь, что я растерялась от бессилия с ней справиться.

НАТАН. Пришла любовь?

РИВКА. Я люблю женатого мужчину. И давно люблю его. Еще когда был жив мой Хаим, пришла ко мне эта любовь. Я не звала ее, но она пришла ... Первая любовь в моей жизни ...

НАТАН. Замолчи, женщина! И уходи, пожалуйста. Иди к раввину. Я потрясен, я не знаю, что тебе сказать. (Пауза). Ты не должна была допускать это чувство к своему сердцу. Любовь можно было угасить ... вначале ... когда еще огонь не пылал ...

РИВКА. Я пыталась ... Я душила ее ... И – не смогла задушить ...

ДВОРА. Я вмешаюсь. Я хочу сказать свое слово.

РИВКА. Ой! Ты подслушивала?

ДВОРА. Нет, я не подслушивала, я читала четвертый том «Зоар» на семнадцатой странице – и услышала тебя. Не смогла я читать дальше. И я не смела прервать тебя вначале, Ривка. А теперь я хочу сказать свое слово. Да – свое слово. Любовь – это дар Свыше. И не всякому дано любить. Тебе, Ривка, – дано. И люби себе на здоровье.

НАТАН. Подумай о том, что говоришь, Двора!

ДВОРА. А что тут думать? Ты забыл, как пришел к моему отцу, который уже считал решенным мой брак с другим мужчиной? Как ты сказал ему, что мы любим друг друга? И как он выгнал тебя? И как я сбежала из дому, чтобы быть с тобой?

НАТАН. Я помню, помню все. Но я не был женат, а ты не была замужем.

ДВОРА. Да, это так. Но ты вмешался в дело, уже решенное. Свадьба моя с другим человеком была назначена. Оставалось три дня. Были получены все благословения.

НАТАН. Ты сожалеешь?

ДВОРА. Нет, ни о чем я не сожалею. Я на коленях умоляла отца, мать, старшего брата. Никто из них меня не хотел понять. Ты мог бы стать великим раввином, но ты предпочел ...

НАТАН. Не наступай на большую мозоль.

ДВОРА. Сожалеешь?

НАТАН. У нас с тобой взрослые дети, большие внуки. Любовь и уважение царят в нашей трудовой семье. Я оказался не достоин быть раввином, но

волею Вс-вышнего я стал главой прекрасной трудовой семьи. Хотя иногда мне кажется, что не я, а ты – глава.

ДВОРА. Любимый мой! (подходит к Натану, прижимается щекой к его щеке. Он обнимает ее за талию). Все же браки заключаются на Небесах.

РИВКА. Я завидую вам, крепко завидую. Но по-доброму. Вы достойны счастья. Но что же мне делать, несчастной?

НАТАН. Если бы я знал!

ДВОРА. Если бы я знала!

РИВКА. Вчера я ходила в клуб, где встретила его. Он был вместе с женой. Я пригласила его на белый танец. Он улыбнулся смущенно и сказал, что еще дома пообещал жене это танго. А жена посмотрела на меня с жалостью и отказалась от танца. Подвела его ко мне, улыбнулась.

НАТАН. И ты танцевала с ним танго?

РИВКА. Я была так счастлива! Он прекрасно водит. Это было что-то! Он сказал мне, что я чувствую партнера и что это – редкость. Его жена мне улыбнулась опять – и они ушли. Под руку. Я смотрела им вслед – и ... О! За что мне этот подарок, эта любовь? За что? Мудрый Натан, помоги мне от нее избавиться. Я не могу, не хочу больше любить этого мужчину! Ему хорошо с его женой и пусть они будут счастливы. (Плачет.) А я ... Я ...

НАТАН. Я ... я и сам не понимаю, как это чувство было тебе послано ... Ведь оно тебе доставляет только муки. А! Ага! Ну да. Ну да. Вон оно что! Понял! Это не дар, это – наказание. Так как ты, будучи женою одного мужчины, полюбила другого – и не отказалась от этого чувства.

ДВОРА. Хоть ты, мой дорогой, и считаешься мудрецом, но ты в данном случае, не прав. Вспомни царя Давида: он полюбил жену другого человека и даже этого человека на смерть послал. А ведь царь Давид – псалмопевец, герой-спаситель и так далее.

РИВКА. Не надо меня равнять с царем Давидом. Я простая женщина. Я маленький человек. И это огромное чувство вошло в меня по ошибке.

НАТАН. Не может ошибаться Вс-вышний.

ДВОРА. Согласна. Ты, Ривка, сказала глупость. Нам надо выяснить одно: почему тебе эта любовь послана. Когда мы выясним, то сможем тебе помочь.

НАТАН. Жена моя, ты изрекла истину. Ривка, поясни нам, как случилось, что эта любовь угнездилась в твоём сердце. Ничего не скрывай – и все по порядку.

РИВКА. Хорошо. Впервые я обратила на него внимание много лет назад, когда в праздник Ханука он пел молитву при зажигании первой свечи. Это было ... Это было ... четырнадцать лет назад. Это было в клубе, куда ходили и мы с мужем, и Арье со своей женой. Голос Арье звучал так ... так... я не могу пояснить точно, но его голос был сильный и у него был такой красивый ...

НАТАН. Тембр, ты хочешь сказать? Красивый тембр? Красивая окраска?

РИВКА. Да. Всем нравилось, не только мне. А потом я стала слышать его голос, когда он пел дома и окно было открыто. Он пел с таким чувством!

НАТАН. Молитвы?

РИВКА. Нет, романсы, арии, песни разные. И в клубе он стал участвовать в концертах. Но тогда я еще не любила его. Просто я влюбилась в его голос. Это не одно и то же.

НАТАН. Ну да, ну да, не одно и то же...

РИВКА. Потом он в клубе делал доклад о последних достижениях науки и техники. Я в этом вообще-то мало понимаю. Но в его докладе я поняла все. Он так просто и толково говорил! Я поразились. Но это еще не была любовь. Это было ... ну, скажем, восхищение. Уважение. Оценка высокая.

НАТАН. Вот это верно! Я думаю, ты и сейчас просто восхищаешься этим человеком. Восхищаешься, а думаешь, что любишь.

РИВКА. Любовь не может быть без восхищения.

ДВОРА. Именно так! Я восхищалась тобой, Натан, и из восхищения родилась любовь. Переход был. Рождение любви.

НАТАН. Когда же она родилась? Когда мы поженились или раньше?

ДВОРА. Я упустила момент перехода. Поэтому не могу ответить точно. Знаю только, что ты был для меня единственным мужчиной в мире. И ...

НАТАН. И?...

ДВОРА. И остался таковым. Хотя иногда ты просто невыносим.

НАТАН. Что ты сказала? Невыносим?

ДВОРА. Да. Невыносим. Когда начинаешь искать разумное объяснения тому, что нам, людям, все равно не понять. Вот вроде случая любви этой бедняжки. Любовь к ней пришла – и все тут. Не нам понять, как и почему.

НАТАН. Но она пришла за помощью!

РИВКА. Кажется, я поняла. Это случилось, когда у нас в душе вода бежала.

РИВКА. У всех в душе вода бежит.

ДВОРА. Я не о том. Мой Хаим крутил сильно кран – и сорвал резьбу в нем. Он был голый, вода хлестала.

НАТАН. Надо было перекрыть воду – и все.

ДВОРА. Вот это и сделал Арье. Я выскочила из квартиры, он шел (он никогда не ездит в лифте, если не несет тяжесть). Я попросила помочь, он перекрыл воду. Хаим одевался. Ругался. И тут приходит Арье и ставит нам новый кран. Да так быстро, ловко. Хаим ему уплатил, хотя он и сопротивлялся. Пустяк, мол. А я смотрела на него – веселого, сильного, умного и такого умелого ... Да, именно тогда мне захотелось что-то хорошее ему сделать. Что-то ... В общем, случилось то ...

НАТАН. Восхищение плюс благодарность – это еще не любовь.

ДВОРА. О мудрый! Любовь была. Потому что ... мне хотелось ... мне захотелось ... стирать его носки ...

РИВКА. Да ... Это была любовь!

НАТАН. О женщины! Всякая логика бессмысленна, когда пытаешься понять вас. И все же я хочу помочь тебе, бедная Двора. Только выслушай меня, не прерывая.

ДВОРА. Хорошо.

НАТАН. Ты уже три года одна.

ДВОРА. Ну и что же?

НАТАН. Я же просил не перебивать. И ты обещала.

ДВОРА. Прости.

НАТАН. Недавно приходил ко мне приятель. Три года назад он овдовел. Он твой ровесник. (Двора делает движение) Молчи! Ты любишь женатого мужчину. Люби его на здоровье. Но ты еще полна сил. Тебе нужен мужчина рядом. Нужен! Ты познакомишься с моим приятелем (его тоже

зовут Арье) как бы случайно. (Снова Двора делает движение). Молчи! Посмотри на него, поговори с ним. Я ничего не предлагаю. Просто присмотришься. Он врач, работает в больнице. Умный. Порядочный. Крепкий мужчина. (Двора вскакивает). Сиди! Кстати, у него хороший голос. В синагоге ему говорят, что он мог бы петь в опере. Его голос звучит сильнее всех. И тембр его голоса удивителен. Если он тебе не будет противен, то возможен брак. Умный, хороший брак.

ДВОРА. А любовь?

НАТАН. Нет в мире ничего невозможного. Ты сможешь полюбить мужа, если он будет заботлив, добр ...

РИВКА. И будет тебя устраивать как мужчина ...

ДВОРА. Не хочу слушать! (бегает по комнате). Не хочу слушать!

НАТАН. Мне очень жаль, Двора. (Пауза). Если любовь приходит свыше, то и уйти она может благодаря нашему смирению, нашим молитвам и нашему покаянию.

ДВОРА. Мне не в чем каяться. Я не сделала ни одного движения, я не сказала ни одного слова. Арье и не догадывается о моих чувствах. Но я устала, устала, устала!

НАТАН. Женщина, ты устала от своего упрямства. Ты не хочешь, не хочешь расстаться с греховной любовью. Ты ее лелеешь в душе своей. Да знаешь ли ты, сколько я слышал откровенных признаний, подобных твоему?! И всегда мы находили выход ...

РИВКА. Двора, приходи, мы тебя познакомим с нашим приятелем. Ты выйдешь за него и будешь счастлива, я уверена. Скажу больше. Он ищет именно такую, как ты.

ДВОРА. Откуда ты знаешь?

РИВКА. Он говорил нам, описывал, кто ему нужен для жизни. Ну, огласна?

ДВОРА. Спасибо вам, дорогие друзья. Я тронута вашим участием. Искренним участием. Но я сейчас еще сильнее почувствовала, как сильно люблю человека моей мечты. Одна мысль о ком-то другом вызывает у меня отвращение. Пусть моя любовь остается в моей душе, ибо сама она – счастье. Я уже не в том возрасте, когда совершают безумные поступки. Когда не думают о последствиях. Да и натура у меня не такая. (Плачет). Мудрый Натан, добрая Ривка, будьте здоровы, будьте счастливы. А я ... я пойду доживать свой век в мечтах о счастье.

НАТАН. Помни, мой приятель не торопится. Он человек основательный. И тебе с ним будет хорошо, я уверен.

РИВКА. Да-да, надумаешь – приходи. Мы тебе поможем. Все будет хорошо.

ДВОРА. Спасибо, спасибо. (Уходит, в последний момент оборачивается). Я люблю Арье, я буду счастлива хоть изредка с ним перебраться парой слов, и я ему не изменю ни в мыслях, ни в поступках.

Двора уходит. Натан вскакивает, ходит по комнате, Ривка молчит.

НАТАН. Ей надо пойти к раввину. Чтобы помог ей справиться с собой. Так же нельзя ...

РИВКА (обнимая мужа). Как я люблю тебя, мой добрый и мудрый Натан. (Оба застывают в объятии). И как я понимаю эту женщину. Как я ее понимаю ...

ЗАНАВЕС.

МАЙОР И ЛИДИЯ

ОДНОАКТНАЯ ПЬЕСА

Действующие лица:

Макаров, майор госбезопасности, 35 лет
Лидия, студентка третьего курса, 21 год

Время действия – сентябрь 1956 года
Место действия – кабинет Макарова в областном управлении КГБ

Макаров сидит за столом, что-то пишет. Звонок телефона.

МАКАРОВ. Пропустите ее. Что? Не имеете права? Сейчас я выйду и сам ее приведу в кабинет. Ага, нашли ее фамилию. Отлично, она дорогу знает. (Снова пишет что-то. Затем вынимает из стола толстую тетрадь). Интересно, что она скажет на это. (Входит Лидия.) Здравствуйте, Лидия, проходите, садитесь.

ЛИДИЯ (у двери). Ну, здравствуйте, майор Макаров. И надолго мне садиться? Может, бессрочно?

МАКАРОВ. Хватит острить. Язычок ваш мне знаком. Помните народную мудрость: язык твой – враг твой? Садитесь, серьезный разговор есть.

ЛИДИЯ. Начало непонятное. (Проходит с столу, садится). Я слушаю вас.

МАКАРОВ. По нашим сведениям, одним из ваших ... э ... друзей до недавнего времени был некий Снежников. Игорь Снежников.

ЛИДИЯ. Да. Был. И что из этого вытекает?

МАКАРОВ. Почему вы с ним расстались?

ЛИДИЯ. Не понимаю. Какое дело чекистам до моих ... э ... друзей? Я с ним рассталась, как и с другими. Надоел. Приелся, если хотите. Я вообще не могу встречаться с одним парнем долго. Ведь есть и другие. Не хуже. Почему не попробовать?

МАКАРОВ. Не подумайте, что я фарисей или ханжа, но мне мыслится, что так вот, как перчатки, менять парней, - не дело.

ЛИДИЯ. Вы за этим меня пригласили? Если да, то я подумаю над вашими словами. Разрешите оставить вас в приятном одиночестве?

МАКАРОВ. Лидия, я хочу, чтобы вы послушали, что пишет о вас

Снежников.

ЛИДИЯ. Всю вот эту толстую тетрадь будете читать вслух? Декламировать? Это его донос на меня? Не может быть! Дайте мне тетрадь! (пытается вырвать тетрадь у майора). Неужели он сексот? Я считала Игоря Снежникова таким романтиком! Неужели он ... стукач? ... Нет, нет, нет! Дайте мне тетрадь, майор!

МАКАРОВ. Нет, не дам. Я сам буду читать вам, но только выдержки. Итак, выдержка первая. «Я люблю Лиду, люблю с каждым днем все сильнее». Нравится?

ЛИДИЯ. Приятно слышать. Но вы мне другое читайте! Донос!

МАКАРОВ. Всему – свое время. (читает). «Я читал книги, но не понимал их. Теперь я знаю, что такое счастье. Быть вместе с Лидой – это и есть счастье. Обнимать ее, целовать, входить в нее – это ни с чем не сравнимо. Видеть открытые глаза ее во тьме ночной ...»

ЛИДИЯ. Романтик! Я видела, что этот новичок в любви меня боготворит. И это меня раздражало. Я обыкновенная свободная девушка, я люблю мужчин, но ни одному из них я бы не отдала свою свободу.

МАКАРОВ. Просто ты, милая, еще никого не любила.

ЛИДИЯ. Ошибаешься, Макаров, я любила. Но об этом лучше помолчу.

МАКАРОВ. Ладно. Читаем новую цитату. «Лидия рассказала анекдот, который меня потряс, выбил из колеи. Сталин, говорила она, потерял свою любимую трубку. Позвонил Берии: - Лаврентий, у меня трубка пропала. Тот ему: – Примем меры, Иосиф Виссарионович, найдем вора. И тут Сталин нашел трубку. Под папкой лежала. Позвонил Берии. А тот ему: - Поздно, Иосиф Виссарионович, семь человек уже признались».

ЛИДИЯ. Грустный анекдот. Но еще более грустно то, что Игорь ...

МАКАРОВ. Здесь есть и более веселые анекдоты. Но я другое хочу тебе зачитать. Ага, вот! (читает). «Сегодня Лидочка рассказала мне, что ее отец был расстрелян в тридцать седьмом, когда она была крошкой. Потом расстреляли ее мать, а ее поместили в детский дом ...»

ЛИДИЯ. Ну и что? Это правда. Мой отец был настоящий коммунист и патриот, а расстреляли его сталинские шакалы. Он ходил по городу без всякой охраны, стоял в очередях, к нему на прием ходили с верой ...

МАКАРОВ. Я сожалею о том, что этот достойный человек пострадал. Мне жаль и вашу мать, Лидия, и вас тоже. Честно говорю. Да, но что пишет дальше ваш бывший друг? (читает). «Лидочка сказала, что ненавидит

советскую власть и нашу партию. Назвала коммунистов бандитами и приспособленцами, а весь народ советский – баранами. Она сказала, что настоящие коммунисты все расстреляны, как и ее отец ...» Как это вам нравится?

ЛИДИЯ. Я вас ненавижу. Вы холодный подлый убийца, как и все чекисты!

МАКАРОВ. Не смей! Соплюха! Что ты видела в жизни вообще?!

ЛИДИЯ. Больше, чем ты!

МАКАРОВ. Видишь эту колодочку на моей груди? Орден за Сталинград! Я был снайпером, и немецкий «коллега» достал меня. В грудь. Навылет. И госпиталь. А это – колодочка ордена за операцию в глубоком тылу врага. Нас забросили несколько десятков, а вышли к своим живыми только трое. Но задание Родины выполнили. А это ... Ладно, хватит, все равно для тебя я поганый чекист, убийца и так далее. Понимаю. Обидели тебя жестоко в те страшные годы. Но это не дало тебе права стать убийцей.

ЛИДИЯ. Что-о?! Я никогда никого не убивала и не убью. Я ...

МАКАРОВ. Ты убила Снежникова. Убила славного парня, романтика, наивного юношу, любившего тебя беззаветно.

ЛИДИЯ. Что за чушь?! Я никого не убивала. В том числе и этого стукача.

МАКАРОВ. Нет, не чушь. Вот эта толстая тетрадь – доказательство. Разрешите, сударыня, зачитать вам еще одну цитату. (читает). «Сегодня Лидия сказала мне, что нам пора расстаться. Что она не может и не хочет ограничиваться одним мужчиной. И что я вообще не в ее вкусе. Я был раздавлен ее словами. Любимая, зачем ты так? Ведь я не смогу жить дальше без тебя, смысл моя жизнь теряет. Раздобыл в лаборатории цианистого калия. Это – миг, пара секунд. И – вечная тьма. Прощай, любимая.»

ЛИДИЯ. Так это – его дневник? Он не стукач? Он жив?

МАКАРОВ. Увы, он принял яд.

ЛИДИЯ. Нет! Нет! Нет! (вскакивает со стула, бежит куда-то, оседает). Нет! Игорек, родной! Любимый мой! Я просто не верила в наше счастье! Я любила тебя. Больше, чем себя. Я хотела дать тебе свободу. Чтобы ты нашел себе иную, более подходящую ...

МАКАРОВ. Вы убили гражданина Снежникова. Вы толкнули этого несчастного юношу к самоубийству. Своим эгоизмом ...

ЛИДИЯ. Нет, не эгоизмом. Нет. Нет! Я ему, ему хотела счастья, а не себе самой. Со мной он не был бы счастлив, не был бы. Поймите, майор! Не

такая нужна ему ... Была нужна ...

МАКАРОВ. Вы уже поняли, почему эту тетрадь – его дневник следователи уголовного розыска передали нам? Игорь Снежников никогда не доносил на вас. Никогда.

ЛИДИЯ. Прости меня, Игорь, за то, что посмела подумать о тебе плохо. Прости, любимый. Прости меня, дуру. (Макарову). Что же, я готова ко всему. Теперь мне все равно. А вы, майор, пойдете к своей любимой жене ...

МАКАРОВ. Не только любимой, но и любящей. К верному другу. И к двум любимым дочерям.

ЛИДИЯ. Желаю счастья. Меня будут судить за антисоветские речи или посадят без суда и следствия? Мне теперь все равно, майор Макаров.

МАКАРОВ. Я думаю, вам хватит и того наказания, которое вы получили здесь и сейчас, в этом кабинете. Ваши муки совести только начались. Вы свободны, гражданка. И мой совет вам: поменьше болтайте, а то ведь на ваши речи и в самом деле есть у нас материал. И довольно солидный. Еще до этой тетради ...

ЛИДИЯ. Как? Вы меня не арестуете? Несмотря на ...

МАКАРОВ. Сегодня – нет. Не арестую. Скажу больше. Мне жаль вас, Лидия. Я человек – и ничто человеческое мне не чуждо. Так, кажется, говаривал Карл Маркс?

ЗАНАВЕС.

МЕСТЬ РОГОНОСЦА

Одноактная пьеса

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сергей, 40 лет

Нина, его жена

Анатолий, 43 года

Голос полицейского

Салон в квартире Сергея и Нины. Посредине – стол и 4 стула. В углах – двери в коридор и другие комнаты. За столом – Анатолий. Он пьет вино из бокала. Смакует. Режет ножом яблоко и закусывает. Звонок.

АНАТОЛИЙ. Кого еще там несет? Время – полдень, все порядочные люди – на работе. Только я один ловлю кайф, как говорится.

Возвращается вместе с Сергеем. Садится, продолжает пить вино, чистит новое яблоко. Сергей садится напротив, внимательно смотрит на

Анатолия. Пауза.

СЕРГЕЙ. Пьешь? Кайф ловишь? Сука! (Стучит кулаком по столу). Гад!

АНАТОЛИЙ. Что-о? Что ты сказал, Серьга? Я не ослышался? Повтори!

СЕРГЕЙ. Сука! Подлая сука! Ты, именно ты! Гад и сука!

АНАТОЛИЙ. А в чем дело? Что случилось?

СЕРГЕЙ. А в том, что ты ... (стучит кулаком по столу) ты и моя жена – никакие не двоюродные брат и сестра, а просто – хахаль и сучка.

АНАТОЛИЙ. Что с тобой, Серьга? Мы двоюродные брат и сестра с Ниной ...

СЕРГЕЙ. Как же?! Двадцать лет, двадцать лет я прожил с этой тварью – и все двадцать лет ты, подлый хахаль, и она, мерзкая сука, меня обманывали.

АНАТОЛИЙ. Мы тебя не обманывали. Серьга, что это ты вдруг выдумал?

СЕРГЕЙ. Ничего я не выдумал. Когда эта тварь Нинка подусунулась мне, семнадцатилетнему парнишке, и женила на себе, она уже была твоей бабой...

АНАТОЛИЙ. Ты был ее первым мужчиной, Серьга.

СЕРГЕЙ. Заткнись. Она окончила медицинский институт и попала по распределению в наш городишко. Временно поселилась у одной сотрудницы. То есть у моей матери.

АНАТОЛИЙ. Ну да. Так.

СЕРГЕЙ. Ночью, когда моя мать дежурила в больнице, Нинка положила меня на себя. Думаю, от скуки. Но я в нее влюбился и был так счастлив, что ничего не замечал. А мог бы заметить. Но лето кончалось, я сдавал экзамены в политехнический институт, поступил ...

АНАТОЛИЙ. Да, ты прекрасно сдал экзамены. Я помню.

СЕРГЕЙ. Еще бы! Пока я сдавал их, ты жил у Нинки на ее квартире, которую она получила от государства. А я в это жил не в общежитии, а на квартире у родителей этой твари. И они ко мне относились очень хорошо, и Нинка часто приезжала, она забеременела, и нас поженили.

АНАТОЛИЙ. Я был рад за тебя. Я был уверен, что вы будете счастливы.

СЕРГЕЙ. Ах, друг ты мой! Друг искренний! Сука! И родилась дочь у нас, и я все еще был счастлив. И ничего не замечал. А ты приходил в гости как двоюродный брат Нинки. И когда я уходил на занятия или на работу (я вдеь подрабатывал), ты оставался ...

АНАТОЛИЙ. Серьга, все не так!

СЕРГЕЙ. Одного не понимаю: если ты тоже ее любил, почему допустил, чтобы она вышла за меня, почему сам на ней не женился? Зачем хахалем был?

АНАТОЛИЙ. Ты ошибаешься, дружок. Мы с Ниной никогда ...

СЕРГЕЙ. Продолжаешь врать. Жаль. Я, дурак, учился в институте и вкалывал, как лошадь, по вечерам и даже по ночам. А ты преподавал немецкий язык в шэрэмэ и то на полставки. Стал иждивенцем моим. Нахлебником.

АНАТОЛИЙ. Ну зачем ты так? Я работал, как мог.

СЕРГЕЙ. И когда я кончил институт и пошел в гору в ОКБ, когда мне там досрочно дали квартиру, ты к нам переселился. Я все еще считал тебя двоюродным братом этой твари. Мы с женой и дочкой были в одной комнатке, а ты, вражина, одну большую комнату занимал. Потому что так за меня решила твоя якобы сестра.

АНАТОЛИЙ. Вот видишь, вот видишь, я не виноват. Сестра все решала.
СЕРГЕЙ. Хватит называть ее сестрой. Не то могу не выдержать и вогнать тебе язык в глотку, подлюка. Потом в Москву меня пригласил на работу секретный НИИ. И ты, сволочь, тоже приехал. И поселился у нас. Я тебя к себе на работу взял, прописал.

АНАТОЛИЙ. И спасибо, и спасибо. Но я не сволочь.

СЕРГЕЙ. Сволочь. Из-за тебя Ленка, дочка, выскочила за пожилого мужика, лишь бы уйти из дому. И я задумался. Верно ли я жил до сих пор? Почему этот нахлебник с нами все время? И тут теща приехала.

АНАТОЛИЙ. Ну да, ну да. Приезжала недавно. И что-то быстро очень уехала.

СЕРГЕЙ. И я – с опозданием на двадцать лет – прямо ее спросил. Глядя в глаза ей, спросил. Толик, мол, брат Нинке? Кто, мол, из его родителей – родня? И кому – вам, тещенька, или мужу вашему он родня, а? Тут она заплакала – и рассказала про вас с Нинкой всю правду.

АНАТОЛИЙ. Дура старая!

СЕРГЕЙ. Нет, не дура. Несчастливая женщина. Мать суки. Это – тяжело. Теперь ты скажи мне, как будем жить дальше? Твои предложения каковы?

АНАТОЛИЙ. Серьга, я тебя люблю и уважаю. Честное слово даю. Ты человек удивительно добрый, чуткий. И умный. И мне стыдно, и я тебе признаюсь сейчас, как попу на исповеди. Мы с Ниной жили в детстве по соседству, играли, в садик ходили, в школе в одном классе учились. И была у нас любовь. С восьмого класса. И хотели мы пожениться. Но вышло так, что я поступил в педагогический на ин-яз заочно, а она уехала в областной центр, поступила в медицинский и жила там в общежитии. Встречались мы редко. Когда она по распределению приехала в ваш городишко и стала твоей, изменила мне, я был в отчаянии.

СЕРГЕЙ. Вот и оставил бы ты ее в покое, раз такое случилось.

АНАТОЛИЙ. Если бы я мог! Люблю я ее. Люблю так, что был готов делить ее с тобой, лишь бы не терять. Это она предложила. Жалела меня. И тебя – тоже.

СЕРГЕЙ. Спросил бы меня, готов ли я делить ее с тобой. Вдруг я согласился бы.

АНАТОЛИЙ. Хотел. Честное слово. Но она запретила. Вот и получилось ... нехорошо. Сперва я сгорал со стыда, а потом ... привык. И думал, что так всегда будет.

СЕРГЕЙ. Мне все же повезло наконец. Я полюбил другую женщину.

АНАТОЛИЙ. Полюбил?

СЕРГЕЙ. После разговора с тещей я сильно расстроился, домой идти не хотел. Моя секретарша, милая девушка ...

АНАТОЛИЙ. Служебный роман?

СЕРГЕЙ. Да. Оленька – удивительная. Умная, преданная. С ней я познал настоящее счастье. Это не объяснить. Короче, я развожусь, Нинку оставляю тебе вместе с кавртирой, а сам ... (Звонит телефон). Меня ведь внизу машина ждет. Чуть не забыл. (Берет трубку). Алло. Да, я. Кто говорит? Что стряслось? Что-о?! Повторите. (Садится) Разбилась насмерть? Ольга? Как это случилось? Кто вытолкнул ее? Женщина? Следователь прибыл? Я буду ... через час, не раньше ... (Анатолию) Мою любимую Оленьку убили. Ее столкнула с балкона женщина в сером платье

и белых туфлях. Как ее пропустили? Значит, ее знали ... Ты понимаешь, кто это был?

АНАТОЛИЙ. Не может быть!

СЕРГЕЙ. Она. Твоя сука. Убила мою любимую. Я убью эту тварь! Но сначала убью тебя. Вот этим столовым ножом.

АНАТОЛИЙ. Не смей! (хватает нож, до которого Сергей не успел дотянуться.) Я тебя зарежу!

СЕРГЕЙ. Попробуй. Твоя сучка Нинка все льстила мне. Какой, мол, я сильный. Какой, мол, я настоящий мужчина. И я в угоду ей занимался боксом, штангой, дзюдо и карате. Понял? Я могу тебя убить и без ножа.

АНАТОЛИЙ. (Хватает трубку телефона, набирает 02) Полиция? Дежурный! Меня хотят убить! Адрес? Улица ...

Сергей выбивает нож из руки Анатолия и ударяет его ребром ладони по шее. Тот падает. Сергей резко поворачивает его голову. Тот дергается – и затихает.

СЕРГЕЙ. Прости, я бы оставил тебя в живых. Но твоя сучка была бы мало наказана.

Звонок в дверь. Входит Нина. Видит лежащего на полу Анатолия.

НИНА. Что, он пьян?

СЕРГЕЙ. Нет, он мертв. Так же, как и моя секретарша Ольга.

НИНА. Нет! (подходит к труп, берет пульс, поднимает веки). Нет! Нет! Опоздала ... Опоздала ... (Сергею) Ты смог? Ты смог убить?! Ты убил его? Зачем?

СЕРГЕЙ. Зачем ты убила Ольгу?

НИНА. Кого я убила? Что ты мелешь?

СЕРГЕЙ. Тебя уже ищет полиция. Ты даже не потрудились переодеться. Тебя видели: и как входила, и как выходила. И даже – как вытолкнула бедняжку Ольгу. Ты будешь сидеть в тюрьме.

НИНА. Ты не выдашь меня. Ты не сможешь выдать мать своего ребенка. Ты сам будешь сидеть в тюрьме. Ты убил моего брата.

СЕРГЕЙ. Твоего хахалы. Он мне сам все рассказал. Как вы с восьмого класса ...

НИНА. Врешь!

СЕРГЕЙ. Как продолжали, как он убеждал тебя открыться мне ...

НИНА. Вот оно что! Бедняга, зачем он признался? Да! Я любила его. И он меня любил. (Плачет). Я и тебя любила. И сама запуталась, и всех запутала. А когда я узнала, что ты живешь со своей секретаршей, то вдруг поняла, что люблю только тебя.

СЕРГЕЙ. Хоть сейчас не ври. Ты просто испугалась, что потеряешь кормильца. Очень удобного. Вы с хахалем оба вдвоем зарабатывали в пять раз меньше, чем я один. Сидели у меня на шее и ногами болтали от удовольствия.

НИНА. Убийца!

СЕРГЕЙ. Да. Я убийца. Но я не убил бы его, если бы ты не убила мою любимую. И ты поэтому сядешь в тюрьму.

НИНА. И ты сядешь.

СЕРГЕЙ. А вот и нет!

НИНА. Почему бы это нет?

СЕРГЕЙ. Сейчас узнаешь.

Берет нож, обернув его ручку салфеткой со стола, и идет к Нине.
НИНА. Помогите! Спасите! (Сергей хохочет. Нина хватает трубку телефона, набирает «02»). Полиция? Меня хотят убить! Муж! У него нож в руках. Улица Гарибальди, дом шесть, квартира восемнадцать. Скорее!
СЕРГЕЙ. Сейчас приедут. (Идет к Нине. Она выхватывает нож у него, при этом салфетку он зажимает в руке, Нина всаживает с силой нож ему в грудь). Ой!

НИНА. Нет! Ты не умрешь. Ты притворяешься.

СЕРГЕЙ. Спасибо. Мне без Оленьки жить нет смысла Ты все сделала правильно, дрянь. Этого я и хотел. Никакой адвокат тебе не поможет....
Сергей падает замертво. Нина смотрит на труп, на нож, поднимет глаза вверх – и коротко воет.

Стук в дверь. Громче. Еще громче.

НИНА. Нет, не может быть. Это мне снится. Сейчас я проснусь – и все будет хорошо, как всегда. (Звонок в дверь). Не открою. Я сплю. Меня нет дома.

ГОЛОС: Откройте, полиция. Откройте! Мы выломаем дверь!

НИНА. Не сможете, дверь железная.

Грохот взрыва и падающей двери.

НИНА. Он нарочно подставился под нож! Нарочно!

ЗАНАВЕС.

СПОР С ДОЛГОЖИТЕЛЕМ

Одноактная пьеса-полукомедия

Действующие лица:

Яков - долгожитель, 97 лет

Белла, его дочь, 67 лет

Меир, ее муж, 70 лет

Ханна Штаркман, их соседка, 72 года

Нэнси (Нэхама), их соседка, 82 года

Действие происходит около израильского здания летом 2010 года.

Полдень. Пустая скамья. Дерево. За скамьей – окно первого этажа. Оно открыто. Из окна слышен баян. Затем музыка обрывается и к скамье подходят Белла и Яков, он с палочкой. Оба усаживаются на скамью. Белла прикрепляет к скамье зонтик над головой отца Читает книгу.

ЯКОВ. Хватит уже читать, я ведь знаю, дочка, что ты следишь за мной. Ничего не случится, иди домой. Твои внуки сейчас придут из школы, они захотят есть. А без тебя они за стол не сядут. Или наедятся холодного. Лишь бы не разогревать обед. Я посижу немного и пойду домой, надо закончить ремонтировать радиоприемник соседу.

БЕЛЛА. Ты уже три дня с ним возишься. Сколько еще будешь чинить этот хлам, эту древность?

ЯКОВ. Пока не сделаю.

БЕЛЛА. Неужели люди не могут заплатить пять-десять шекелей настоящему мастеру?

ЯКОВ. По-твоему, я не мастер?

БЕЛЛА. Папа, ты прекрасный мастер. Но ты уже не молод. Надо уменьшить нагрузку.

ЯКОВ. Кто тебе сказал, что я не молод? Мне еще целых три года до векового юбилея.

БЕЛЛА. Все шутишь, а семейный врач сказал ...

ЯКОВ. Мало ли что скажет семейный врач! Мне нужны физические нагрузки! Это сказал сам профессор!

БЕЛЛА. Он сказал: нагрузки нужны, но посильные, нагрузки в меру ...

ЯКОВ. Доченька, я же не разгружаю грузовик!

БЕЛЛА. А кто вчера чинил водопровод у Ханны Штаркман? Кто намучился?

ЯКОВ. Зато как починил! Это, по-твоему, была плохая работа?

БЕЛЛА. Ну почему ты всем помогаешь бесплатно? Почему?

ЯКОВ. Потому что они такие же бедные, как и мы с тобой, Белла. А вот и сама Ханна!

Подходит Ханна Штаркман, садится рядом с Яковом.

ХАННА. Она права, никто не разорится, если заплатит. В том числе и я. Но ты, Яков, почему-то взял с меня только деньги за кран. А за работу почему не взял?

ЯКОВ. За кран взял, потому что я и сам платил в магазине за него.

БЕЛЛА (Ханне). Рядом есть свободная скамейка. Вам будет гораздо удобнее сидеть там. А то – нам здесь тесно.

ХАННА. Нет, не хочу, не гони меня: рядом с твоим папой мне так хорошо!

БЕЛЛА. Всем хорошо с ним рядом! Но скамейка не резиновая. Жара, ветра нет, воздуха не хватает ...

ЯКОВ. Не слушай ее, Ханна. Она боится, что ты меня охмуришь, и мы поженимся.

БЕЛЛА, Папа!

ЯКОВ (хохочет). Ханна, ты пошла бы за меня?

ХАННА. Честно?

ЯКОВ. Конечно.

ХАННА. Пусть твоя дочка сердится, но я скажу «да».

БЕЛЛА. Какое «да», Ханна? Папе нужен уход, надо следить, чтобы он вовремя принимал лекарства, надо его правильно кормить, надо ...

ХАННА. Ты все это прекрасно делаешь, Белла. Ты прекрасная дочь и жена ты надежная, ты заботливая мать. Я уважаю тебя за это. И папе твоему хорошо у вас. Но у меня ему будет лучше.

БЕЛЛА. Почему ты говоришь эту ерунду?

ХАННА, У меня такая же большая квартира, как и у вас. Но у твоего папы нет своего кабинета, а только – угол в его спальне. У меня же он будет иметь и отдельную спальню, и рабочий кабинет. В том кабинете есть и тиски, и много разного инструмента, и наковаленка – все, что осталось от

моего покойного мужа Ильи (плачет). Я буду заботиться о твоём папе, и нам с ним вдвоем будет хорошо. Мне – и ему.

БЕЛЛА. Если вам ещё нужен и мужик в вашей постели, то папа для этого не подойдет вам.

ЯКОВ. Откуда ты знаешь, дочка?

ХАННА. Вот уже девять лет я без мужа, но мне ещё не захотелось другого мужчину в свою постель. Твой папа мне нужен как друг, понимаешь? Друг рядом. И я ему буду служить подругой. И постель тут ни при чем.

Звонок телефона слышен из открытого окна.

БЕЛЛА. Ой, звонят, это, наверно, моя доченька из Канады. На той неделе она вернется, наконец, домой. И меня разгрузит. Внуки мои соскучились уже по маме.

ЯКОВ. Иди, иди. И – не забудь! Обед разогрей, сейчас придет твой любимый муж Марик, внуки твои скоро из школы вернутся.

Белла убегает.

ХАННА. Яков, ты слышал, что я сказала? Я хотела бы взять тебя к себе. Ну?

ЯКОВ. Ты вспомнила нашу любовь в доме отдыха? Сколько же лет прошло?

ХАННА. Да, я вспомнила. Это было в пятьдесят третьем году.

ЯКОВ. Прошлого века. Прошлого! Сегодня уже двадцать первый век.

ХАННА. А я все-все помню. Будто вчера это было ... у нас с тобой. Я только-только вышла замуж. Под новый год. А тут мне дает завод путевку в дом отдыха. В июле. В самый сезон. Хотя я и еврейка. Но уже было не так тяжело евреям, как зимой.

ЯКОВ. Я тебе признаюсь: за неделю до смерти Сталина я хотел перейти границу через Дунай. А из Румынии – в Израиль. Но когда умер Сталин и выпустили кремлевских врачей ...

ХАННА. Меня в цехе многие тогда поздравляли. Как родную. Даже те, кто до этого ...

ЯКОВ. Со мною было то же. А вот жена моя, хирург-золотые руки, до того перенервничала из-за клеветы и гонений, что ... Не хочется вспоминать.

ХАННА. Я смотрела на свою путевку в дом отдыха как на извинение за всю ту грязь, что лилась на невинных врачей и на весь народ наш. Но все равно было тошно мне. Никак не могла забыть про "врачей-отравителей" – и прочее.

ЯКОВ. Ты была такая милая: длинные косы, как у девчонки, осанка гордая, грудь ... Ах, как ты ее несла перед собой!

ХАННА. Ты тоже был хорош. Хоть тебе было за сорок, а мне чуть за двадцать, но на вид ты был моложе моих ровесников. И не только на вид.

ЯКОВ. Я сразу обратил на тебя внимание в доме отдыха. И узнал тебя: ты работала в инструментальном цехе нашего завода.

ХАННА. Я тоже тебя узнала. Кто не знал Якова Гликмана?! Твое фото огромное висело перед входом в завод даже в дни травли евреев.

ЯКОВ. Ты пригласила меня на белый танец, а я тебя – в ресторан. И вот

ведь как получилось ...

ХАННА. Я боялась забеременеть, а ты меня успокаивал: все будет в порядке, верь мне, Ханна. Я даже забыла о муже. Стыдно вспомнить. Ничего не могла с собой сделать!

ЯКОВ. Я тоже забыл о жене. И если бы меня не вызвали домой срочной телеграммой, кто знает, что было бы с нами ...

ХАННА. Когда я вернулась домой, Илья встречал меня цветами, ласкал безотрывно, и мне было так не по себе! А он даже намеком не показал мне никакого недоверия. Тебя я боялась увидеть. Избегала тебя. И старалась быть с Ильей особенно ласковой.

ЯКОВ. Я благодарен судьбе за то, что было у нас с тобой. Но зачем тебе сейчас старик, который уже не может дать тебе ничего, кроме своего кряхтения?

ХАННА. Ты можешь дать мне многое. Ты играешь на баяне, поешь, ты можешь отремонтировать любую бытовую технику. Я же буду готовить вкусные блюда. Так мы будем помогать друг другу. Я обещаю тебе ...

Появляется Меир. Он выходит со стороны, противоположной той, откуда выходили Белла, Яков и Ханна.

МЕИР. Яков Моисеевич, здравствуйте. Я сегодня еще не видел вас.

ЯКОВ. Здравствуй, Марик, зять дорогой. То есть Меир. Никак не могу привыкнуть.

МЕИР. А вы не привыкайте, зовите меня, как звали на заводе, когда были моим мастером. Да и в семье – тоже по-старому зовите. Интересно, обед уже готов?

ЯКОВ. Думаю, да. Почему бы тебе не обедать на работе? Ты торопишься сюда, потом – туда, нервничаешь – и пища тебе не идет впрок. Тебе же семьдесят лет!

МЕИР (обнимая его). Яков Моисеевич, зато экономия! Нам ведь за квартиру еще платить и платить! Машканта! Квартира вроде наша, а не справимся с выплатами – и все, ку-ку.

Меир уходит. Яков и Ханна молчат некоторое время. Из окна доносятся громкие голоса, но слов не разобрать.

ЯКОВ. Опять она на него накинулась. Не думает о том, что у него тяжелая работа.

ХАННА. Нет, она ему что-то рассказывает. Кажется, о своей работе. Нет. Боюсь, ее громкий гнев направлен на меня.

ЯКОВ. Да, из-за этой ссуды в банке, из-за машканты им приходится вкалывать. На черных работах. А от меня помощь малая: просто отдаю им все, что получаю от государства, так еще и на мои лекарства тоже вычитается сумма ...

Появляется с той же стороны, что и Меир, Нэнси. Она толкает перед собой алихон-ходунок, за который держится.

НЭНСИ. О! Уже она и этого охмуряет! И не стыдно тебе, Ханна, приставать

к старику?!

ЯКОВ. Где ты видишь старика, злая женщина?

НЭНСИ. Ой, ой, закукарекал! Да она ко всем пристаёт. Ей мужик нужен. Ты что, не понимаешь, импотент?

ЯКОВ. Нэхама! То есть Нэнси! Так тебя звали в Харькове, да? Ты должна проверить свою печень, Нэнси, то есть Нэхама. Я не доктор, но полагаю, что там застоялась желчь! И делает тебя желчной. Злобной. Угрюмой.

НЭНСИ. Тоже мне остряк! Свою печень проверь!

ХАННА. Да просто эта дама надеялась тебя захомутать, поэтому ревнует меня к тебе и злится.

НЭНСИ. В гробу я тебя видела, охотница на мужиков. Никто мне не нужен. Лучше моего покойного мужа никого на свете не было и не будет. И вот он ушел от меня навсегда. Десять лет я каждый день с ним разговариваю, как с живым. Лучше бы другие ушли, а он бы остался.

ХАННА. Нэнси, ты не права. Многих из нас покинули любимые мужья, много и мужчин овдовело. Но жизнь продолжается. Растут дети, внуки, правнуки. Пусть они будут живы и здоровы: и мои, и твои, и все иные. И тебе я желаю от всей души здоровья. Честное слово. Я ведь так же одинока, как и ты. И твой муж, и мой – оба были люди добрые, светлые. Благословенна память о них.

НЭНСИ. Какая замечательная проповедь! Но я вижу, вижу, как ты этого старикашку охмуряешь, вижу! (Якову). А ты стыдись, Яков! Пора бы уже и честь знать, не флиртовать! Ты ведь уже не мужик, а ходящие ... нет, сидящие мощи.

ЯКОВ. А ты чем лучше? На себя посмотри. От злости ты и захирела, от злобы и зависти. Лечи свою печень, Нэхама-Нэнси. Авось изменишь свой взгляд на окружающих.

НЭНСИ. Да пошел ты, козел!

ЯКОВ. Женщин я никогда не бил, но вот сейчас возьму этот зонтик и выткну тебе глаз. Может, одним глазом ты будешь смотреть на людей добрее.

Яков закрывает зонтик, пытается встать, но Ханна его удерживает.

ХАННА. Не надо обращать внимания на этот мешок злобы. Лучше давай вместе над ней посмеемся. Смех – тоже оружие.

Яков и Ханна смеются. Нэнси уходит, злобно ворча. Яков хватается за сердце. Судорожно ищет лекарство, находит. Кладет под язык. Ханна окаменела поначалу, но тут же хватается его пульс. Покрывает лицо его поцелуями. Рыдает.

ХАННА. Яшенька, любовь моя, только не умирай, только живи, родной ты мой, живи, живи, пожалуйста! Мне ничего не надо, только бы видеть тебя. Твою улыбку. Твои добрые глаза. Яшенька, ты мне нужен. Нужен! Я хочу кормить тебя, купать тебя, обнимать тебя ...

Возвращается Нэнси. Она стоит, как вкопанная, глядя на эту сцену.

НЭНСИ. Я услышала твои вопли, Ханна ..

ХАННА. Ты ведь кардиолог, помоги ему! (Становится на колени). Умоляю!

НЭНСИ. Такая любовь! Такая любовь ... Отойди-ка, я его прослушаю.

ХАННА. Он перенес четыре инфаркта: три в Харькове и один здесь. Ты же знаешь, что у него сердце больное.

НЭНСИ. Больное-больное, а дожил почти до ста лет. Пульс нормальный.

Давай-ка я его ухом послушаю. (Задирает рубаху Якова, прикладывает ухо к его груди, затем – к спине) Он уже принял кордил?

ХАННА. Да. Надо вызвать «Скорую». Я побегу к телефону.

НЭНСИ. Подождем чуть-чуть. У моего мужа тоже было больное сердце, он тоже перенес четыре инфаркта, но он не дожил даже до восьмидесяти.

Даже до семидесяти пяти! Он еще мог бы жить и жить! (Слушает сердце Якова). Думаю, это не очень сильный спазм коронарных сосудов, который уже купирован кордилом. Ты, значит, любишь этого старца?

ХАННА. Да. Люблю. Уже много-много лет. Он удивительный! Твой муж тоже был удивительный человек: гордый, смелый – и такой добрый, такой понимающий других людей! Он ведь работал на нашем заводе, я его знала.

НЭНСИ. Да, мой муж был ... Я поражалась ему. Я восхищалась. И любила!

ХАННА. Почему Яков не открывает глаза?

ЯКОВ. Могу открыть. Не держать же их закрытыми все время! Еще усну.

Или умру. А я дал слово дожить до столетнего юбилея.

НЭНСИ и ХАННА. Слава Богу!

ЯКОВ. Боль в сердце прошла. Надо принять еще одну таблетку кордила?

НЭНСИ. Не надо, обойдется. На этот раз. Я побуду с тобой, Яков, если ты не против, я ведь врач. И прости меня, пожалуйста, за те слова ...

ЯКОВ. И ты меня прости. Мне стыдно, что я так вышел из себя.

НЭНСИ. Ладно, мы квиты. Я хочу начать новую эру в наших отношениях. А ты как на это смотришь, Яков?

ЯКОВ. Я всегда за мир и дружбу.

НЭНСИ. И за любовь?

ЯКОВ. Конечно. В первую очередь – за любовь.

НЭНСИ. Тогда переезжай-ка ты к Ханне. И живи с ней в любви, сколько тебе отпущено.

ЯКОВ. Скажи правду, кардиолог: мне отпущено до столетнего юбилея? Я доживу до ста лет?

НЭНСИ. Боюсь, что ты ...

ЯКОВ и ХАННА. Чего ты боишься?

НЭНСИ. Я боюсь, что этот человек, перенесший четыре инфаркта, доживет до положенных ста двадцати.

Выходят Белла и Меир.

БЕЛЛА. Здесь был какой-то шум?

НЭНСИ. Это шумела любовь.

БЕЛЛА. Что? Не понимаю.

НЭНСИ. Ты не знаешь, что твой папа и Ханна давно любят друг друга?

БЕЛЛА. И ты туда же? Какая может быть любовь в его годы и с его больным сердцем?!

НЭНСИ. А великий Пушкин считал, что любви все возрасты покорны ...

ЯКОВ. Ее порывы благотворны. Не знаю, доживу ли я до положенных ста двадцати. Не знаю, доживу ли я до конца недели, но я хочу переехать к

Ханне. Дочка, пойми ...

БЕЛЛА. Хорошо, папа. Но помни, что одновременно ты живешь и у нас.

ЯКОВ. Спасибо, доченька, ты всегда была такая понимающая. Подойди ко мне, я тебя обниму.

Объятия. Все подходят к Якову поочередно и обнимают его. Последняя подходит Нэнси.

НЭНСИ. Браво, голубчик-долгожитель. Переезжай к своей голубке. Только не сразу: вредно ломать обстоятельства жизни в твои годы. Переезжай постепенно.

ЯКОВ. Что это значит, переезжать по частям? С какой же части начать?

Общий хохот. Занавес.

«СТРАШИЛИЩЕ»

Инсценировка одноименного рассказа Александра Герзона

Действующие лица:

Федор Игнатьевич Рогов, 50 лет.

Елена Алексеевна Шарапова, 52 года, жена Рогова

Генрих Яковлевич Штоль, 50 лет, друг Рогова.

Квартира Роговых. Комната, в которой сервант, стол, диван, три стула и стеллажи с книгами. Слева: сзади – дверь в кухню, впереди – дверь в коридор. Справа: сзади – дверь в спальню, спереди – дверь в кладовку. В наружной стене – застекленная в верхней части дверь на балкон и большое окно.

За столом – Рогов и Елена Алексеевна. Они играют в шахматы.

Рогов - высокий и плечистый мужчина с большим орлиным носом, густыми хмурыми бровями и седыми, усами, с мощным подбородком. Он кажется на первый взгляд суровым и даже злым человеком.

Елена Алексеевна – женщина крупная, полноватая, с высокой красивой грудью, добрым и открытым лицом.

ЕЛЕНА АЛ. Я думаю, на твой день рождения мы пригласим только Штоля с его женой.

РОГОВ. А стоит ли отмечать мой день рождения? Я думаю, после пятидесяти это ни к чему. И потом Первое мая – все равно праздник. И вообще, я родился первого мая, а кто родился в мае, тот всю жизнь мается.

ЕЛЕНА АЛ. Что? Ты маешься? Не со мной ли? Тебе плохо со мной живется?

РОГОВ. Нет-нет! С тобой, Леночка, я счастлив. Ты же знаешь, как давно ты мое сердце задела: еще когда в нашей деревушке Увалы был подпаском, семи лет от роду, полюбил тебя, девятилетнюю девочку. И

потом, когда сел на первый наш трактор «Фордзон», когда все меня хвалили, я только на тебя смотрел. Чтобы быть к тебе ближе, записался в драмкружок, играл там «кушать подано», потому что талантов никаких у меня не обнаружилось. Ладно, ходи. Твой ход. Шахматы ждут.

ЕЛЕНА АЛ. Спасибо тебе, Федя, за любовь твою. Так, шах тебе! Что скажешь?

РОГОВ. Значит, ваше королевское величество взяли моего слона?

ЕЛЕНА АЛ. Да, мы взяли его. Причем – пешечкой. Маленькой.

РОГОВ. Зря, моя госпожа. Смотрите. Хожу конем. Видите? Вам шах и мат!

ЕЛЕНА АЛ. Как это? Почему это?

РОГОВ. Милая, твоя пешечка-то короля прикрывала. А ферзя я поставил сюда под защитой коня - с шахом и матом. И – все! Твой король никуда уйти не может. И прикрыть его нечем уже, хотя у тебя много фигур. А как я страдал на свадьбе твоей с Сергеем! Как мне было больно! Но все равно я тебе и тогда счастья желал. Даже тогда. И когда Сергей погиб на фронте, я за тебя переживал. Так ты убивалась, милая! И тогда я сам ушел добровольцем, хоть было мне всего ...

ЕЛЕНА АЛ. Федя, я уже сказала тебе много лет назад, что не смогу никого полюбить после того, как Сергей погиб на фронте. Ты же знаешь, что я вышла за тебя замуж только потому, что с детства ценила твое чувство ко мне.

РОГОВ. Да, я все помню.

ЕЛЕНА АЛ. Федя, ну сколько можно говорить о любви? Я тебя уважаю, ценю, я тебе никогда не изменяла и не изменю, потому что измена – не мое амплуа ...

РОГОВ. И в детский театр, где ты была актрисой, я только из любви к тебе пошел рабочим сцены. Чтобы рядом быть.

ЕЛЕНА АЛ. Так ведь мы тогда уже были женаты. И то, что ты пошел в рабочие, я вполне оправдываю. Потом ты и актером стал.

РОГОВ. Вот там-то я как раз и маялся. Из-за своей внешности.

ЕЛЕНА АЛ. Да уж (смеется). Из-за твоей внешности ты играл злодеев и вообще отрицательных типов. Тебе даже кличку дали: «Страшилище».

РОГОВ. Смеешься? А мне не было весело: дети во время спектакля прямо из зала бросали в меня что попало. Ненавидели меня.

ЕЛЕНА АЛ. Потому что ты так хорошо играл злодеев.

РОГОВ. Некоторые даже из рогаток стреляли в меня. Леночка, не так хорошо играл я, как внешность моя играла ...

ЕЛЕНА АЛ. Откуда детям было знать, что ты славный (глядит мужа по голове). Да, не получается у меня играть в шахматы. Глупая я, наверно.

РОГОВ. Зато у тебя многое другое получается. Ты прекрасная актриса, ты готовишь вкуснейшие блюда, ты сумела воспитать сына, Сергея Сергеевича, и меня, мужа. Вот еще бы полюбила ты меня.

ЕЛЕНА АЛ. Ну сколько можно? Сколько? Одна речь – не пословица.

РОГОВ. Да, конечно. Едва ты сдала экзамены за десятилетку, как вышла за любимого учителя. За Сергея. И все мои мечты о тебе, все надежды – прахом.

ЕЛЕНА АЛ. И жили бы мы с ним счастливо до старости, если бы не война. Хорошо, хоть маленький Сергей, которым я была тогда беременна, крепеньким оказался, вырос, выучился. И девушку выбрал разумно.

Славная она. И семья ее хорошая.

РОГОВ. Да. Скоро свадьба - и вылетит орел из гнезда. А будто вчера я учил его ходить по комнате.

ЕЛЕНА АЛ. Хоть бы всегда они были счастливы. Хоть бы не было войны. Хоть бы не взяли его в «горячую точку»! А помнишь, как ты спас спектакль? (смеется). Вот удивил всех! Когда перед самым открытием занавеса этого ... ну, который играл Вурма, увезли в больницу. Вдруг ты, рабочий сцены, подходишь к режиссеру ... Я обомлела, когда услышала, как ты ...

РОГОВ. Да, помню. Когда я узнал, что из-за прободной язвы двенадцатиперстной кишки увезли актера, да еще и второй Вурм как специально оказался в больнице с тяжелейшим гриппом, я понял, что должен идти в атаку. чтоб спасти спектакль.

ЕЛЕНА АЛ. Да уж. Что в зале творилось! Топали ногами, свистели.

РОГОВ. Как они вопили! Такого больше и не припомню.

ЕЛЕНА АЛ. Мы все были в панике. Я заплакала. И тогда ты, бледный, какой-то странный, подошел к главному режиссеру. Мы думали, уж не бить ли собрался (смеется). А ты так жадно объявил, что эту роль знаешь наизусть, да и весь спектакль «Коварство и любовь» мог бы один за всех сыграть.

РОГОВ. Сам не понимаю, как я решился. Потому что ты заплакала, милая. И тогда я ...

ЕЛЕНА АЛ. Да он же знал, что ты за сценой пародируешь всех актеров, да и его самого - тоже. Что монологи из пьес произносишь. Знал - потому и решился. Но ты справился. И меня поражало, что когда стал ты актером, то рабочим сцены помогал по старой памяти. За это одно можно уважать тебя.

Звонят в дверь.

РОГОВ. Я уверен, это Штоль. Или один, или с женой.

ЕЛЕНА АЛ. Ой, я на кухню. Иди встречай. И порядок на столе наведи.

Рогов идет открывать дверь и возвращается со Штолем.

ШТОЛЬ. Я один. Супруга дома порядок наводит. На праздник мы тебя с Еленой Алексеевной хотим пригласить к себе в гости.

РОГОВ. Вот как? А мы вас хотели пригласить.

ШТОЛЬ. Одно другому не помеха (оба смеются). Я ведь не просто так пришел. Ты помнишь Меира Колкера?

РОГОВ. Мальчишку, которого ты во время войны взял к себе в дом?

ШТОЛЬ. Это уже не мальчишка, а серьезный скрипач. Так вот, сегодня он будет выступать по телевидению. Через десять минут. Я хочу, чтобы и ты его посмотрел и послушал. И заодно хочу пригласить к нам в гости тебя с Еленой Алексеевной.

РОГОВ. Ты ведь этого Колкера не только научил играть на скрипке, но и от голодной смерти спас: почти всю войну он у вас дома прожил. Скажи мне, пожалуйста, Генрих, ты этого паренька-еврея взял к себе как бы в компенсацию... не сердись... в компенсацию за... за те дела, что творили

гитлеровцы...?

ШТОЛЬ. Ты о чем? А впрочем, не знаю. Возможно, где-то в подсознании и такой момент был. Но не это – главное. Понимаешь, я увидел способного ребенка, с которым стоило работать. И не ошибся. Жаль, мои дорогие сыновья к музыке равнодушны. А где Елена Алексеевна?

РОГОВ. На кухне хлопочет. Угощать будет. Может, пока по пять граммов коньячка?

ШТОЛЬ. Преступлением было бы отказаться. И что-нибудь сладкое на закусь. Или яблочко, если есть.

РОГОВ. Все у нас есть.

ЕЛЕНА АЛ. (выходя из кухни в переднике с блюдом). Вот вам закусь. Пить только по рюмочке. Остальное – за обедом. Понятно?

Уходит обратно.

РОГОВ (вслед ей, громко). Слушаемся. (вынимает из серванта бутылку коньяка и рюмки). Ну, поехали. За нас и наших жен (пьют, закусывают). Хорош коньячок, верно?

ШТОЛЬ. Шахматы убери, мешают пить спокойно.

РОГОВ. Может, сыграем партиёшку?

ШТОЛЬ. После коньяка? Убери лучше пока. Как у тебя там во дворце, на работе?

РОГОВ. Пока не выгоняют. Наоборот. Умелые руки везде и всегда нужны. Ребята хорошие. Некоторые такие модели делают! Один в Москву поедет. А как у тебя?

ШТОЛЬ. Нормально. Мой ансамбль скрипачей недавно записали для центрального телевидения, ученики мои в музыкальной школе – способные ...

РОГОВ. Мне кажется, для тебя нет не способных.

ШТОЛЬ. Ошибаешься. Я всего лишь человек. Развить способности могу, а вот создать их ... Создать их – выше моих сил.

РОГОВ. Ты знаешь, в тот день, когда мы с тобой познакомились, ты ... (внезапно умолкает. Пауза). Прости, я не о том что-то... Давай еще по одной. И по конфетке, а то – и по две. Хотя много сахара – вредно, говорят. Но мы сделаем сегодня исключение.

ШТОЛЬ. Погоди-погоди. Ты начал было «когда мы познакомились». И? И что? Говори, а то заикой станешь!

РОГОВ. За здоровье наших жен! (Выпивают по рюмке). Да, Генрих, я давно хотел тебе сказать ... Давно уже. Но сегодня скажу. Да. В тот день, когда на спектакль пришли твои учащиеся играть за сценой и ты тоже пришел с ними ... Понимаешь ... Когда я тебя увидел, то в глазах у меня потемнело ...

ШТОЛЬ. Не понимаю, Федя. Не понимаю. Какие-то загадки, шарады ... В чем дело?

РОГОВ. Сейчас поймешь. Начну издалека. Никогда не забыть мне моей первой атаки на фронте. Не потому, что страшился (хоть и это было), а потому, что убил я немца, ровесника, штыком. До сих пор я вижу, как мы, выскочив из окопа, бежим врагу навстречу, как тот солдат из автомата уложил моего товарища, как не успел меня прошить, потому что я его

опередил, воткнул штык в живот ему. И увидел я, что глаза у него – синие, большие. Такие красивые! И застыло в этих красивых глазах удивление. Удивление! И падает он, мальчишка, ровесник мой, на землю. Уходит из жизни. Зачем?

Кто-то крикнул мне:

- Что застыл, мишень тупая?! Вперед!

Побежал я дальше вперед со всеми вместе. В бою не был даже оцарапан, но ходил сам не свой, все мерещились глаза того немецкого паренька.

Синие, как ясное небо. Мне плохо от этого стало.

ШТОЛЬ. Да, ты об этом никогда не рассказывал.

РОГОВ. А после боя я снова все вспоминал глаза того немецкого солдата.

Плохо мне было от этого. Так плохо ...

ШТОЛЬ. Но, как я знаю, ты воевал нормально, как и все сибиряки. Не зря же наградили тебя орденом Отечественной войны и боевыми медалями.

РОГОВ. А из всех боев войны моей помню я сильнее всего тот самый первый бой и того несчастного паренька-немца. Хоть и пришел он на мою землю незваным. Сделать меня рабом пришел. Но хотел ли он сам того? А? Не узнаю уже. Убил его.

ШТОЛЬ. Я все еще не понимаю, причем тут я ...

Из кухни выходит Елена Алексеевна. Стоит за сервантом.

Она слушает внимательно. Мужчины ее не замечают.

РОГОВ. Когда я увидел тебя впервые в нашем театре, то решил: это же тот самый юноша! Тот немец, которого я убил в первой своей атаке!!! То же полудетское лицо, те же большие синие глаза!!! Тот же рост:

недостаточно высокий для мужчины, извини меня. Ну, стал постарше, ему уже можно дать лет двадцать пять – двадцать семь. Я тоже старше стал.

Мы же с ним ... то есть с тобой ... ровесники.

ШТОЛЬ. Вот оно что! Ты меня спросил тогда: «Простите, вы... это... немец?» И голос твой сорвался. Я смутился. Нет, как-то морально сжался. Я принял тебя за еврея, потерявшего близких в нацистском лагере уничтожения.

РОГОВ. А помнишь, как мы потом сидели в буфете? И оказалось, что друг другу стали симпатичны, потому что оба любим играть в шахматы, оба собираем марки, оба увлекаемся фантастикой ...

ШТОЛЬ. И детективом - тоже. И оба крепко любим своих жен. Это – главное.

РОГОВ. Да. И оказалось, что и ты коренной сибиряк. И стали мы дружить семьями. Сережа наш привязался к тебе, как к родному. Но ...

ШТОЛЬ. Но? Еще одно "но"?

РОГОВ. Но нет-нет да и всплывало в памяти, как вонзался штык в молодого вражеского солдата, – и казалось мне, что в тебя, Генрих, штык вонзается, что тебя, Генриха, я, Федор Рогов, убиваю. И сердце от этого болело, и дышать в такие минуты становилось труднее. Все хотел тебя спросить ... (наливает себе в рюмку, залпом выпивает). Генрих, у тебя в Германии не было брата?

ШТОЛЬ. Кто знает? Предки утратили связь с Европой. Особенно после тридцать седьмого года. Моя жена, Нина, - русская. Знаешь сам. Ни к

чему мне это, честно.

РОГОВ. Я уверен, что убить человека – великий грех. Но люди убивают друг друга. Сначала дубинами убивали, потом – стрелами и копьями, мечами и саблями, пистолетами и ружьями, пушками, бомбами – одна другой страшнее. Людей посылают убивать друг друга. Посылают! Ужасно именно это! Казалось бы, человек – дивное создание природы, умное, талантливое – и в то же время такое страшное ...

ШТОЛЬ. Человек – создание В-шей Силы. Человек – это симфонии и храмы, высокое искусство, наука и техника, это ремесло и хлебопашество, это – счастье познания и счастье молитвы, это наши дела во имя блага других людей. Нет, не для убийства рожден человек, а для творчества и любви!

РОГОВ. Да, так. Согласен. Но человек – это еще тюрьмы и каторги, это пытки и смертные казни, это сжигание еретиков живьем, это войны кровавые! Почему?! Зачем?!

ШТОЛЬ. Человек – это любовь и дружба, это – взаимопомощь. Это – выход в Космос в поисках братьев по разуму. Нет ничего прекраснее Человека – Человека Мыслящего, Создающего, Человечного! Созданного по образу и подобию ...

Штоль встает с этими словами. Встает и Рогов.

РОГОВ. Возможно, ты прав – мы созданы В-шей Силой. Но с раннего детства человек слышит дышащие ненавистью речи о врагах! Которых необходимо уничтожать! Черные идеи вбивают в светлые детские головки. И посмотри: вместо радостного, счастливого и доброго союза разумных народов – что творится на планете нашей?! Ты по телевизору смотришь что-нибудь, кроме концертов?

ШТОЛЬ. Да успокойся, друг! Восторжествует добро! К тому идет!

РОГОВ. Что-о? Идет к тому? К торжеству добра? Легионы ненависти миллионами уничтожали, уничтожают и готовы впредь уничтожать друг друга. Десятками миллионов! Под знаменем высоких идей! И я... я убил... того несчастного мальчишку... с удивленными синими глазами ...

ШТОЛЬ. Не ты виноват в том, что погиб тот юноша. Я узнал и твою доброту, и твою совесть, и способность на бескорыстную Любовь, которая равна любому храму, любой симфонии! Если бы ты его не убил – сам был бы убит. И мы с тобой не встретились бы, не дружили бы.

РОГОВ. Знал бы ты, как ты похож на него!

ШТОЛЬ. Что я похож на того парня – это твоя фантазия. Я уверен.

Знаешь, Федя, я тоже хочу признаться. Только ты не сердись! Ведь когда я увидел тебя впервые в театре, то поначалу даже немного испугался. Честное слово!

РОГОВ. Почему? Решил, что я буду тебя бить?

ШТОЛЬ. Еще чего! Нет. Я подумал: «Экое страшилище! Такую физиономию ночью встретишь – ошалеешь от страха». А ты, оказывается, – нежнейшая, добрейшая душа, гипертрофированная совесть. Вопреки твоим лихим усам и особенно – твоему могучему носу.

Хохочут, хлопают друг друга по плечам, по спине и крепко обнимаются.

Штоль вынимает платок, утирает слезы. Рогов странно кашляет.

ЕЛЕНА АЛ. (подойдя к Рогову вплотную). Я все слышала. И я тоже хочу признаться. Да-да. Я давно уже пыталась понять себя. И слушая ваши признания, я поняла. Да, я поняла, что хоть и не забыла Сергея, но давно уже люблю тебя, Федор Рогов. Страшилище ты мое дорогое. Совесть ты гипертрофированная. Родной ты мой человек.

Елена Алексеевна целует Рогова.

ШТОЛЬ. Друзья, друзья, концерт уже начался. Включите телевизор, пожалуйста. Послушаем Колкера.

Рогов спешит к телевизору, включает. Слышна музыка концерта для скрипки с оркестром ре мажор, соч. 35 П.И. Чайковского. Все застывают на своих местах, лицом к телевизору.

Штоль - весь вместе с исполнителем. Слабые движения руками.

Занавес очень медленно закрывается.

После его закрытия еще некоторое время звучит музыка.

Я УХОЖУ... ОДНОАКТНАЯ ПЬЕСА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

СЕРГЕЙ ТРЕЩЕВ – МУЖ

ИРИНА – ЖЕНА

Спальня. Двухспальный диван, шифоньер, тумбочка, этажерка, компьютерный столик, на нем - компьютер. За компьютером – Сергей.

СЕРГЕЙ. Новый Виндоуз хуже старого, все не так, все через жо ... через трудности. Как отменить этот абзац? Ну как, скажите?! Ага, вот стрелочка обратная. Нажал. А если еще раз нажать? Да пропади ты пропадом! Целый абзац пропал. А-а, есть еще одна стрелочка! Вперед! Ура! Абзац вернулся. Нет, ребята, надо ознакомиться с инструкцией пользователя. (Звенит телефон. Сергей берет трубку). Трещев слушает. Как это какой Трещев? Обыкновенный. Сергей. Да, инженер-технолог. Пьеса? Моя пьеса у вас? Кто это говорит? (Встает). Здравствуйте, здравствуйте! Я не ожидал этого. Что-о? Моя пьеса всем понравилась? Вы будете ставить? Что-о? Я буду ставить? Я? Но я не смогу: я работаю на заводе и еще ... подрабатываю немного ... много.

Входит Ирина.

ИРИНА. Сергей, нам нужно поговорить.

СЕРГЕЙ. Одну минуту, я кончу разговор. (в трубку). Это жена моя пришла,

Ирина. Да, актриса вашего театра. Простите, повторите, пожалуйста, вы приглашаете меня, чтобы я сам поставил свою пьесу? Но вы же не знаете, как я сумею ... Вы видели мои спектакли в заводском дворце культуры? Верите в меня?

ИРИНА. Кто это?

СЕРГЕЙ. Ваш главреж. (в трубку). Спасибо. Я могу подумать? Только до завтра? Хорошо, спасибо. Спасибо. (Ирине). Опять ты после спектакля три часа домой добиралась? Пешком двадцать минут идти. Всего лишь. А ты ...

ИРИНА. Я должна сказать тебе что-то очень важное.

СЕРГЕЙ. Говори.

ИРИНА. Я ухожу от тебя, Сергей. Случилось непоправимое. Не смотри на меня так удивленно: мне жаль, мне очень жаль, но я не могу больше лгать и раздваиваться. От всей души желаю тебе найти другую жену и быть с ней счастливым.

СЕРГЕЙ. Ты что? Шутишь? Что это на тебя накатило?

ИРИНА. Нет, мой славный Серж. Я не шучу. Я ухожу к любимому человеку.

СЕРГЕЙ. Какой любимый человек?! Ты бредишь! Тебе сорок два года! Ты давно вышла из бальзаковского возраста! У тебя сын-школьник и дочь-студентка! И муж, с которым ты прожила двадцать лет!

ИРИНА. Дети пусть останутся с тобой, раз я ... Раз я сама ... Но я буду принимать участие в их обеспечении, в моральной поддержке.

СЕРГЕЙ. Нет, это же ... Хватит дурачиться!

ИРИНА. Мой возлюбленный также оставляет детей своей бывшей жене. Вообще он там, в Аргентине, все ей оставил: квартиру, машину, гараж. И я ничего не беру. Оставляю тебе и детям квартиру, машину, дачу. Ты должен быть доволен.

СЕРГЕЙ. Доволен? Ты бросаешь меня, как выбрасывают старые ботинки. Я же тебя в люди вывел. Кем ты была? Сверловщицей. Ты умела только сверлить дыры в железках. Это и сейчас чувствуется. А я тебя сделал актрисой. Актрисой! Известной! Любимицей публики!

ИРИНА. Я тебе благодарна, Серж, я никогда не забуду тех дней, когда ты, простой инженер нашего завод, принял меня в свой театральный коллектив и учил, учил, учил. Я была потрясена твоим умением заставить актера жить на сцене, как в жизни. Каждая репетиция была открытием, чудом ... Ты мог бы стать большим режиссером. Если бы занялся только этим ...

СЕРГЕЙ. Я по ночам сидел над левыми проектами, чтобы семью обеспечить, я людям чинил сантехнику и электрику, замки в двери ставил. Любую работу выполнял, лишь бы денег домой принести. Зато тебя приняли в профессиональный театр! И ты стала знаменита!

ИРИНА. И за это я тебе благодарна. Однако же и я в долгу не оставалась. Разве я плохо готовила еду? Или не я стирала, шила, перешивала всем?

СЕРГЕЙ. Скажи, что ты пошутила. Что никуда не уйдешь от меня. Ты пошутила, да? Ну конечно, пошутила. Есть хочешь? Я подогрею быстро.

ИРИНА. Разве такими вещами шутят? Я уже целый месяц собираюсь тебе

сказать. Целый месяц! Я измучилась. И решилась. Конечно, я привыкла к тебе ... Уважаю тебя. И – дети ... Но ко мне пришла любовь.

СЕРГЕЙ. Так меня ты не любила?

ИРИНА. Я тебе хоть раз сказала «люблю»? Вспомни. Было такое? Я тебя уважала, я была благодарна. Но любви не было. Ну не было. Прости уж.

СЕРГЕЙ. Зачем же ты пошла за меня замуж? Зачем? Если не любила меня.

ИРИНА. Ну-у ... Я была тебе так благодарна за то, что ты самозабвенно возился со мною, поднимая меня к мастерству ...

СЕРГЕЙ. Была благодарна ... Могла бы мне отказать. Я бы тебя понял.

ИРИНА. Могла бы отказать. Но я видела, ка сильно ты меня любишь. Не только я, все видели. Ты горел ... Ты готов был ... отдать жизнь ... Я видела и просто не могла обидеть тебя. Я жалела тебя. Я считала своим долгом ...

СЕРГЕЙ. НУ что она говорит?! «Считала своим долгом». Какой долг, если ты бросаешь, уходишь, когда детям все еще нужна мать?! Может быть, одумаешься? Ради наших деток. Подумай об их душевном состоянии!

ИРИНА. Поэтому я и колебалась. Но и ты меня пойми: я люблю, люблю! Я уже не раз и не два была с любимым. Наша близость – это мои крылья.

СЕРГЕЙ. Ошибаешься. Твои крылья – это я и наши дети. А то, что ты сейчас чувствуешь, - это не крылья. Это свободный полет в пропасть. Пойми ...

ИРИНА. Ты прекрасный режиссер. Ты всегда умел объяснить актеру и его сверхзадачу, и его задачу в конкретной ситуации. В мизансцене ... А сейчас решается наша с тобой ситуация. И у каждого из нас, ее участников, своя задача, своя цель. И наши цели противоположны. К сожалению.

СЕРГЕЙ. Да, научил на свою беду. Но ты идешь одна против всех. Дети ...

ИРИНА. Дети поймут меня. Я не блудница. Я не изменяла тебе никогда до этого. Я не изменяла детям. Но я люблю! Люблю! Пойми же ты, наконец!

СЕРГЕЙ. Кто он?

ИРИНА. Какое это имеет значение? Кто бы он ни был, я люблю его.

СЕРГЕЙ. Ты сказала, что он тоже уходит из семьи. Это правда?

ИРИНА. Да. Уходит. У него двое детей ... от этой жены ... в Аргентине.

СЕРГЕЙ. Что? Она у него не первая?

ИРИНА, Она у него третья жена. Но это не имеет никакого значения. Он никого, кроме меня, никогда не любил. Просто секс был законный рядом.

СЕРГЕЙ. Как цинично! А тебя он полюбил? И ты решила стать его четвертой женой? Ты понимаешь, на что ты идешь?

ИРИНА. Я не изменю своего решения. Не уговаривай меня.

СЕРГЕЙ. Не буду, не буду. Лети на крыльях любви к этому человеку. Лети в пропасть. Пока не стукнешься об ее дно. Это твое право. Согласие на развод я дам, твоя воля для меня – закон. Поэтому препятствий не будет. Только ...

ИРИНА. Только?

СЕРГЕЙ. Только запомни: раз ты мне больше не жена, то ты снова никогда уже ею не станешь. Детям ты, возможно, останешься матерью. Не знаю. Но никогда я не приму тебя обратно, если уйдешь сейчас.

ИРИНА. Даю тебе слово: что бы со мной ни случилось, я не попрошусь к тебе обратно. Никогда. Я слышала разговор по телефону. Тебя приняли режиссером в театр? Желаю успеха.

СЕРГЕЙ. Меня взяли вместе с моей пьесой. Сказали, что это - очень сильная пьеса. Хотел тебе дать там главную роль.

ИРИНА. Я бы не отказалась. Я и сейчас не отказываюсь.

СЕРГЕЙ. Увы, не смогу с тобой работать. Ни в этой пьесе, ни в другой. А теперь уходи. И как можно быстрее.

ИРИНА. Не кипятись!

СЕРГЕЙ. Уходи! Я не хочу скандала. Он может плохо кончиться. Для тебя. Уходи скорее. Уходи же! Живи и радуйся новым крыльям. (кричит) Уходи!

ИРИНА. Ты не кричи. Ты не забыл, что ты мне изменял с молоденькими актрисами. И я ни слова не говорила в упрек. Потому что понимала тебя. Да-да, не смотри так не меня. Я считала, что тебе нужно это для вдохновения. Ты остывал и с новой страстью бросался ко мне.

СЕРГЕЙ. Да. Только тебя любил я. И ты знала это. И я всегда был тебе благодарен за понимание и прощение. Поэтому в последний раз прошу: опомнись и вернись ко мне, к семье, к детям. Я ни разу тебе не напомню.

ИРИНА. Если бы я могла! Я люблю другого человека, люблю всей силой души своей, каждой клеточкой своего тела.

СЕРГЕЙ. Каково, а? Признание мужу в страстной любви к другому мужчине.

Значит, ты меня не любила ... Я чувствовал это, но сам себя обманывал. Уговаривал. Да, телесно ты мне не изменяла, это верно. А я ведь и на измены решался только в те дни, когда ты особенно упорно меня отстраняла. То устала, то голова болит, то расстроена чем-то ...

ИРИНА. Я не отстраняла тебя. Ты фантазируешь. У меня в самом деле бывали головные боли. Я в самом деле чем-то была расстроена. А в таких случаях женщина ...

СЕРГЕЙ. Иногда мне даже казалось, что ты завела любовника. Но нет, не заводила. Но вот оно свершилось. Уходишь. Бросаешь. (встает, подходит вплотную к жене). Останься. Останься, любовь моя. Останься. Я не смогу жить без тебя. Ты же убиваешь меня. Я ... Я погибну без тебя.

ИРИНА. Серенький, родной ты мой. Я понимаю, я все понимаю. Я так к тебе привыкла за эти годы! И наши дети – это связывало. Но не могу я, не могу.

СЕРГЕЙ. Почему? Почему?

ИРИНА. Даже если останусь, то буду к нему сбегать. И все равно совсем сбегу. Когда я месяц назад его увидела, меня охватило чувство, похожее на священный ужас. Мы встретились глазами, и я поняла, что пойду за ним, куда бы ни позвал меня.

СЕРГЕЙ. Такого не бывает. Ты сама себя накачала! Увидела – полюбила – священный ужас – и побежала ...

ИРИНА. Сергей, так ты все еще не понял? Это же он, мой первый ... Тот, кто любил меня двадцать лет назад. И я – его. А ты пришел, призвал меня на сцену, обещал мне известность, признание и любовь публики ...

СЕРГЕЙ. И ты это получила, Ирочка.

ИРИНА. Верно. И я тебе благодарна. Я все время думала, что забыла его. Я ошибалась. Мы встретились, и нас обоих с такой силой потянуло друг к другу, что мы не смогли сдержаться.

СЕРГЕЙ. Хватит!

ИРИНА. Мы пошли к нему...

СЕРГЕЙ. Замолчи! Замолчи! Или я убью тебя!

ИРИНА. Я помню, что еще в художественной школе он лепил фигурки из пластилина. Это было его хобби. А потом он стал скульптором, весьма известным. Жил в Англии, в Испании, а оттуда уехал в Аргентину.

СЕРГЕЙ. Какой же ветер принес его в Россию?

ИРИНА. Он здесь по приглашению организации ...

СЕРГЕЙ. Хватит, мне это не интересно. Совершенно не интересно. У меня большое горе: умерла моя жена Ирина. Умерла совершенно неожиданно. Не только для меня, но и для детей наших ... Для всех.

ИРИНА. Ты в самом деле хочешь убить меня?

СЕРГЕЙ. Я ... Да, убил бы тебя, если бы не дети. Нельзя оставить их сразу и без отца, и без матери. Просто для меня ты стала трупом. И сейчас я разговариваю не с моей любимой женой Ириной, а с ... наваждением. Ирина умерла. Нет-нет, я ее не убивал. Я ее не убивал. Она умерла сама. С ней случилось такое. А ты иди, иди с миром.

ИРИНА. Не кривляйся, Сергей. Я хочу сохранить уважение к тебе.

СЕРГЕЙ. Сегодня я расскажу детям, что их мать умерла. И мы вместе будем жалеть ее. И оплакивать ее. А ты, любящая женщина, ступай, ступай.

ИРИНА. Что за спектакль ты гонишь передо мной?!

СЕРГЕЙ. Ступай, любезная, ступай. Мне ведь еще надо подумать, что я дальше делать буду. В театр вот позвали, а зачем он мне теперь? Без моей любимой ... Но надо как-то жить дальше. Что стоишь-то? Не медли, любезная, а то передумаю ... (смеется) А я дверь за тобой закрою. Горе у меня, любезная, горе. Жена моя погибла. Ирина моя ... Не моя уже ...

ИРИНА. Ну хватит!

СЕРГЕЙ. Оставь меня одного: я буду думать, как дальше жить. Или не жить. А ты ступай, ступай. Я тебя провожу до двери. И закрою дверь. И закрою дверь. И закрою дверь.

ИРИНА. Что за представление, Сергей? Я тебе от всей души желаю счастья с другой женщиной, поверь мне. Но и я хочу быть счастлива!

СЕРГЕЙ. Верно. Будь счастлива, женщина. А мне уже не видать счастья:

моя любимая жена умерла. Один я остался. Ступай, ступай. Провожу - и закрою дверь. И закрою дверь.

Медленно, очень медленно отступает, пятясь, Ирина. Сергей движется за ней, не нарушая дистанцию. Ползет занавес, чуть-чуть опережая их.

Занавес закрывается, но слышно все громче из динамиков: «И закрою дверь, и закрою дверь»...